

ФОРУМ

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

13

1985

13

1985

Ф О Р У М

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

13

1985

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Николай ДРАГОШ, Лев КОПЕЛЕВ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Михайло МИХАЙЛОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надия СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙНБЕРГ, Михаил ХЕЙФЕЦ, Борис ШРАГИН.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Журнал выходит четыре раза в год.

Für den Inhalt verantwortlich: Dr. W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauerer-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» e. v., München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

ПАМЯТИ ВАСЫЛЯ СТУСА

«За мной стояла моя Украина, мой угнетенный народ, честь которого я должен отстаивать до смерти.»

В Пермском концлагере для политзаключенных 36-1 убит выдающийся украинский поэт, правозащитник, член Международного ПЭН-клуба, член Украинской хельсинкской группы Василь Семенович Стус. Тяжелобольного Стуса тюремщики заставляли выполнять непосильную работу в ночную смену. 4 сентября 1985 года, в 1 час ночи, Василь Стус умер в рабочей зоне концлагеря вследствие сердечной недостаточности.

НЕ СМЫТЬ ПОЭТА ПРАВЕДНУЮ КРОВЬ

Пришла весть о том, что умер поэт Васыль Стус — мой друг, человек, которого я считаю самым талантливым поэтом современной Украины, чье дарование, по-моему, недооценено его современниками, а масштаб творчества станет ясен только через поколение. Все, что я хотел сказать о Стусе, о его личности, о его творчестве, я сказал раньше, еще когда он был жив — я писал о нем.

Сейчас я хочу сказать о другом — о том, что такое смерть Васыля Стуса. На Западе много говорят, пишут о новом советском руководстве, о том, что оно будет делать, о том, как оно повернет судьбу Советского Союза. Я должен сказать, что, по-моему, это руководство уже обречено, обречено смертью Васыля Стуса.

Есть вещи, которые необратимы, и что бы люди потом ни делали, какие бы реформы, какие бы попытки что-то изменить не предпринимали, они заклеены навечно в истории. Мне кажется, советские руководители не понимают, что такое историческая ответственность. Эти люди лишены этого понимания, хотя, казалось бы, государственные деятели должны знать, что они отвечают перед историей.

В свое время, когда умер Пушкин, в XIX веке, советское общество считало, ну, погиб на дуэли один из людей светского общества, стрелявшийся по вопросам чести. Лермонтов написал про убийцу Пушкина: «Не мог понять в сей миг кровавый, на что он руку поднимал». И только век спустя мы узнали, что люди, которые не сумели сберечь Пушкина — не убили его, а просто не сумели сберечь для страны, они навеки остались в истории. Их портреты висят в пушкинских музеях, и экскурсоводы показывают на них указками и говорят: — Вот убийца Пушкина — шеф жандармов Бенкендорф. Вот убийца Пушкина — генерал Дубельт.

То же самое можно сказать об убийстве Лермонтова, о

смерти Тараса Шевченко. Люди, поднимающие руку на поэтов, что бы они потом ни делали, они навечно обречены историей на позорное клеймо.

И вот сейчас в тюрьме убит Васыль Стус. Эта смерть — хотя эти люди сами еще не понимают (как не понимали и современники Пушкина), что они сотворили, — эта смерть на веки заклеяла их позором и навеки превратила их в палачей, негодяев и мерзавцев.

Навеки, даже если они не понимали, что делали.

Мы все помним слова Лермонтова, написанные после гибели Пушкина:

*И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!*

Мы помним, что было сказано:

*Но есть, есть Божий суд, наперсники разврата!
есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!*

Вот эти слова все время звучат у меня в мозгу с той секунды, когда я услышал, что умер Васыль Стус.

И эти люди в кремлевских кабинетах, в кабинетах на Лубянке могут сегодня упиваться властью, могут считать себя большими и значительными людьми. Но на их темени красным пятном уже отпечатано:

Вы — убийцы поэта. Вы навсегда — на всю жизнь, на протяжении всех жизней человечества, пока существует дух, пока существует поэзия, пока существует память, — вы заклеены самым позорным именем, которое только существует среди людей, и ничто вас не спасет.

ОБЫКНОВЕННЫЙ СТРАХ

Их было трое, вышколенных следователей, против меня одного — по-дилетантски неискушенного в заметании следов, не знакомого с кодексами, не способного даже толком соврать. С первых дней отсидки в доме, сызмалу и всем известном как Короленко 33, я по-своему решал вопрос революционеров «Что делать?» Уверенный в изъятии только «Киевского диалога», я обратился в ЦК ВЛКСМ с заявлением, объясняя, что написал одну статью с националистических позиций, и просил принять участие в моей судьбе. Тогда же, не без задней мысли, что в ЦК партии более гуманные, но еще мало знакомые со всеми проделками КГБ, написал Щербицкому об аресте и непомерно суровом наказании, которое грозит мне за антисоветскую статью. На следующий день я уже сожалел, что поторопился отослать заявление первому секретарю, потому что майор Сирык предложил мне дать объяснение по поводу документа «За параваном идейности». Лейтмотив допроса: сколько еще? Я клялся, что только две написал, но Александр Сирык уже не верил в мою искренность. Я же, отнекиваясь, во время разговора думал, как было бы хорошо дописать в заявлении Щербицкому еще и «За параваном идейности».

Когда за столиком допрашиваемого просматривал свои статьи, пришло на ум, что их никогда не прочитают люди, ради которых, собственно, писал. Это было угнетающим настолько, что возвратился в камеру с головной болью. Выходит, все — напрасно. Я разбивался о непреодолимую стену, и никто не узнает о моих усилиях. Передо мною маячил такой срок в концлагерях, что с больными почками предвещало один конец, а у меня нечем было швырнуть

Глава из повести «Процесс» — автобиографический рассказ о первом аресте, следствии и осуждении автора. 37-летний киевский журналист Валерий Марченко погиб в советском концлагере в 1984 году.

напоследок в моих мучителей. Глас вопиющего в пустыне — а именно таким выглядело анализирование моих произведений в покоях КГБ — меня не удовлетворял. В воображении возникли бывшие друзья. Юрий Косенко на первом же допросе сознался, что в его присутствии я допускал высказывания враждебного содержания. Да, я говорил о колониальном положении Украины в составе СССР, отстаивал ее отделение, мотивируя богатством природных ресурсов, а также идейной необходимостью. Я пожалел, что столько времени терпел этого слизняка рядом с собой, не набил ему морду и не переспал с его женой. В своих мечтах о расплате я всегда жесток и циничен.

Потом потянулась череда допрашиваемых приятелей и знакомых, чьи откровения просто ошарашивали. Кагебисты стремились иметь доказательства моей антисоветской агитации и пропаганды (это в частных разговорах — sic!), и они выуживали нужные им признания из свидетелей, а тем самым — из меня. Способностей к этому делу им, без сомнения, не занимать. Критикой счастливого сегодня, власти, строя так и пышет от моих крамольных творений. Смысл протокола обычно сводился к тому, что в своей клеветнической статье имярек обвиняемый отрицает необходимость руководящей роли партии, выступает с нападками на писателей, которые пишут методом социалистического реализма, глумится над чувством советского патриотизма и т. д.

В такой ситуации я решил отмалчиваться, успокаивая себя тем, что моя «скрытая злость, притворная покорность» найдут выход в надлежащее время. Не знал я только тогда, что без сопротивления мечтания эти не укрепляют, а приводят к поражению точно так же, как и немедленная капитуляция. Валерий Дяченко, да даже и мой кузен в один голос уверяли: я допускал высказывания антисоветского, националистического характера. Передо мной словно проходил современный вертеп, где ничтожеств и негодяев играли те, кто в жизни изображал исключительно порядочных людей.

Мой новый сокамерник, узнавая о ходе допроса, всякий раз излагал свой взгляд на вещи:

— Видишь, какие козлы. Не могут язык держать за

зубами. Тебе сидеть Бог знает сколько, а они в КГБ приходят исповедоваться. Никого не жалей, думай о себе.

Я не раз слышал подобную концепцию эгорайка и до ареста, потому сказанное Борисом Ивановичем Гаркушей не вызвало подозрений. А тем временем мое не окрепшее еще стремление отстаивать правду помаленьку отступало перед желанием самосохранения. Следователи прицельно обрушивали на меня признания, полученные от распластанных друзей, вызывая негативную реакцию и против тех, кто сначала отрицал связь со мной.

Это проявилось, в частности, в эпизоде с поэтом Виталием Конопельцем. Мой кузен Толик, заверенный, что правдивые показания мне только помогут, выложил благодетелям-чекистам, что я давал ему «Интернационализм или русификация?» Дзюбы. Этот приступ откровенности обошелся мне, понятно, не дешево. Мою душу сразу же окружили вопросами — у кого брал, кому давал? И всякий раз по-дружески, почти с сочувствием в голосе напоминали о наказании. Я сказал, что «так называемый трактат» взял у канадца Павла Грина, который учился со мной в университете. Хотя это было и не хорошо — подкладывать свинью канадскому коммунисту, я решил, что нашу студенческую дружбу можно подвергнуть такому испытанию: кагебистам до него — дудки, а мне — существенное облегчение.

Следственное трио аж ногами задрыгало, когда я сообщил им о таком распространителе Дзюбиного произведения. Они же так искали вокруг меня источник националистической заразы, а тут — иностранец, да еще и украинец. Сплошная пандемия!

Допрос вел майор Сирьк. Старшие лейтенанты Похыл и Селюк внимательно вслушивались в каждое слово моего импровизированного рассказа. На их лицах легко прочитывалось: знаем мы этих евроканадских коммунистов!

Из-за этого без вины виноватого гостя на земле его отцов допрашивали и не один раз, присовокупив наконец, что и с ним я проводил антисоветские беседы. Основание? — я не мог не отозваться похвально о работе Дзюбы.

Я действительно не мог. Раскапывая наши взаимоотношения с Конопельцем, выяснили, что и в его присутствии я допускал крамольные высказывания.

Возвратившись после этого в камеру, я задумался: что мог сказать им Виталий еще? Ведь следователь напоследок бросил: «У нас будет о чем поговорить в следующий раз».

Теперь мне кажется странным, что каждый вновь возникающий эпизод дела я воспринимал с невероятным напряжением. Тот ход Похыл сделал, скорее всего, наугад. Но с помощью стукача в камере легко проверить его последствия. На Конопельца у них, вероятно, были оперативные сведения. Он проходил свидетелем по делу арестованных в 1972 году киевлян. И сейчас они хотели узнать о каких-то неизвестных им фактах.

Я ходил весь вечер, погруженный в свои мысли. Невеселые думы грызли меня и на следующий день.

— Какие-то неприятности? — сочувственно спросил Гаркуша. Человек, с которым вместе ешь, гуляешь, спишь, делишься содержимым посылки, а главное, который в той же беде, что и ты, мне казалось, не может быть плохим. Тем более, он не получал дополнительных передач, а на фиктивную информацию, которую я дал ему для проверки, следователи почему-то сразу не отреагировали. Поэтому я порой не видел оснований что-то скрывать от него.

Мы вышли на прогулку, и я сказал:

— Видишь ли, боюсь как бы парень не сболтнул чего.

— А что такое? — равнодушно спросил Гаркуша.

— Да давал мне одну вещь почитать. Неужели ляпнет?

Как говорили в древнем Риме, а также на университетских лекциях по латыни, которые слушали выпускники юридического факультета Похыл и Селюк: «Sapienti sat».

Через какое-то время меня вызвали на допрос и возвестили: Конопелец показал, что давал мне читать «Интернационализм или русификация?» Мне бы элементарно возмутившись, потребовать очной ставки, отрицать все подряд, а я скис и подтвердил: да, было. Зато выдумка с канадцем превратилась в отдельный эпизод, и все мои старания реабилитировать очерненного коммуниста были безуспешны. Эпизод инкриминировали на суде.

С Федором Гарвазиевичем Похылом я мог бы быть на приятельской ноге — разумеется, до того. На 7 лет старше меня, он, хотя и родом из села, целиком адаптировался в городской атмосфере и в разговоре даже употреблял часто

киевские обороты, остроты. С людьми такого сорта я проводил время в болтовне о спорте, женщинах и прочих вещах, в которых не выявлялась бы неблагонадежность. От обычного homo sovieticus он отличался разве что немногословностью, когда разговор заходил о его особе. И, тем не менее, это был стопроцентный кагебист.

Мы разбирали ту часть «Киевского диалога», где шла речь о голоде 1933 года. Похыл одним махом вывел в протоколе, что я клевету на советский общественно-государственный строй, искажаю картину прошлого украинского народа.

Уговорив себя, что плетью обуха не перешибешь, я долгое время не отрицал даже самых возмутительных выводов кагебистов о моих произведениях. Но тут моему терпению пришел конец. Я спросил Похыла, на каком основании он делает вывод, что голод 1933 года не был искусственным?

Он сказал, что это общеизвестно, а его непосредственный источник информации — мать-крестьянка, которая сама пережила лихолетье, поэтому обвинять партию и правительство в таком страшном преступлении — преступно.

Я спросил, известно ли ему о других преступлениях партии, разглашенных самой партией на XX и XXII съездах?

Он объяснил: это были трагические ошибки времен культа личности Сталина, в конце концов выявленные и осужденные.

Я сказал, что его толкование сталинизма не оригинально, потому что, рассказывают, сразу же после съезда у мавзолея возложили венок с надписью: «Посмертно репрессированному — от посмертно реабилитированных».

Похыл злобно глянул на меня.

— А я вам говорю, тут нет основания обвинять всю партию!

— А кого же обвинять, что насильно отобрали продукты и уморили голодом 9 миллионов, в то же время продавая за границу зерно по цене, ниже себестоимости? Ничего себе выявленные ошибки, о которых сами словом не упоминают да еще и других судят за напоминание!

Тут уж Похыл не знал чем крыть, и гонор следователя выиграл вовсю. Он покраснел и треснул ладонью по столу:

— Ну хватит болтать! У вас маниакальность с этим голодом! Вы даете себе отчет, что отстаиваете утверждение, которое противоречит давно и общепризнанному? Да вы просто социально опасны, и вас следует направить в психиатрическую больницу!

У меня похолодело внутри. Они упрячут меня в сумасшедший дом! В камере я вспомнил Василия Рубана, который учился в университете на два года старше меня. Его исключили с третьего курса. Потом, уже работая в «Литературной Украине», я встречал его в союзе писателей. Рубан приносил свои рассказы, пытаюсь их опубликовать. Мне пересказывали содержание его самиздатского романа, где были изображены гебисты — довольно реалистично и потому, понятно, для них неприемлемо. Его арестовали в 1972 г., но он отказывался давать показания. Это, насколько мне известно, стало главной причиной того, что его бросили в сумасшедший дом. По суду получил 7 плюс бесконечность.

Я знал Рубана лично, понимал, что сумасшедший дом — это расплата за его непримиримость. Но, скажем, с упрятыми туда Плющом, Плахотнюком я знаком не был, и мысль, что у тех, вероятно, с психикой не все в порядке (невозможно, чтобы кагебисты паковали туда людей так беспардонно), у меня мелькала.

Но сейчас я на собственном опыте убеждался, что попал в лапы к тем, кто способен на любое преступление, если стать им поперек дороги.

— А что ты думаешь? — возвратился к затронутой им раньше теме Гаркуша. — И сгноят в дурдоме. Ты этих собачьих морд не знаешь. Вот мне рассказывали в зоне, одного мужика держали что-то около двадцати лет. Оттуда жалоб не пропускают, от дураков. Делают, что хотят. Так что не заедайся с начальством, а пляши под их дудку.

Я любил жизнь. И от одной мысли променять шумный, сияющий Божий дар на умирание среди сумасшедших, меня била дрожь. Снова я стоял перед выбором: конформистская безоговорок, позиция или отстаивание своих идей до конца, до смерти. К другому я не был готов.

Всю свою жизнь я соглашался. В пионерах я исполнял то, что мне говорили учительница и старшая вожатая. Комсомольцем слушался комсорга и учителей. В студенче-

ские годы мною командывали преподаватели, разного рода комсомольские вожаки, представители парткома. В газете должен был исполнять указания главреда, ответственного секретаря, секретаря парторганизации. Общим знаменателем этой моей духовной жизни была провозглашаемая безупречность при самоочевидной лживости. Чтобы не оказаться в роли вечного шута на веревочке, начал тогда искать собственную позицию.

Что ж, критическое восприятие действительности я в себе развил. Но, как оказалось в КГБ, одного лишь понимания, чтобы остаться личностью, — недостаточно. В дальнейшем я подписывал протоколы без конфронтации.

— Вы не могли не дать почитать «Интернационализм или русификация?» матери. Правда? — Сырык впился в меня взглядом. Я отвел глаза и сразу понял, что выдал себя. — Валерий, вы должны искренно рассказать все, так как, поймите, каждое наше сомнение будет свидетельствовать против вас, и мы не сможем доложить, что вы до конца откровенны, не затаили чего-то. Неужели вам так хочется кто знает сколько сидеть ни за что?

Я был загнан в угол. У них было все, что я написал, а сейчас они, словно кошка с мышкой, забавлялись мною, требуя подтверждения очевидного.

— Неужели вам хочется, чтобы начались неприятности у вашей мамы? Неужели нужно еще и вокруг нее заводить возню?

Я думал, что сойду с ума. Ну, пусть уж мне мучиться, но почему же еще и маме? Я сказал, что давал читать, но она отказалась. Ох и ох!

Я возвратился в камеру и только там вполне осознал, что совершил. Я не уберег самое дорогое существо на свете, сам указал на нее. Сырык сыграл на моей любви к матери, чувстве, о котором ему было известно, а я беспомощно дал себя провести. Где был мой рассудок? Рассудок, однако, здесь ни при чем. Тут нужна воля, которой оказалось так до обидного мало.

Мама потом рассказывала, что, когда ей дали прочитать протокол допроса, она встревожилась за меня. Потому, что я не мог дать таких показаний добровольно. Набросилась на Сырыки, каким образом он добивается от меня признаний?

Но тот заверил ее, что ко мне не применяют никаких физических мер. Он говорил правду. Для них важно было победить духовно, физически — было не актуально.

Я не из числа трусов. У меня хватало смелости драться одному против четырех, и чувство чести не было для меня пустой абстракцией. Но в той ситуации я чувствовал себя беспомощно. Я не способен был найти опору, чтобы не падать дальше.

Ни до, ни после того в моей жизни не случилось ничего подобного. Гаркуша, словно хор из античной трагедии, вел свое:

— Что ты страдаешь, как бы кого-то сберечь? Думай только о себе!

Я почти убедил себя, что от моего проигрыша никому не будет беды. В определенной мере так оно и было. Я шел по делу один, от меня требовали лишь подтверждений моей устной пропаганды и агитации в присутствии свидетелей. Они же, перепуганные моим арестом, в основном поносили меня, национализм и, чтобы продемонстрировать преданность советской власти, давали показания на русском языке. В конце концов, совсем небольшая потеря для мира — сломается еще один, кто хотел стать порядочным.

Падение закончилось после процесса. Судебный фарс, где клеветой назвали даже разговор об уничтожении советской властью лучших украинских писателей (речь шла о репрессиях времен культа личности Сталина), мои же более чем скупые объяснения женщина-председатель суда просто обрывала, чувство горечи из-за поведения приятелей, которые бормотали что-то о моих враждебных высказываниях, встреча с глазу-на-глаз с грубостью конвоя и псами, что охраняли меня от общества за попытку высказаться — все это производило отрезвляющее действие шока.

Вечером я сидел на кровати, листая тетрадь с выписками из прочитанных в тюрьме книг. Внимание мое привлекла евангельская цитата: «И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: „Прежде нежели пропоет петух, — трижды отречешься от Меня“. И, вышед вон, плакал горько».

Я перечитал снова, снова., Это был самый необходимый совет в моем положении. Передо мной открывался путь к спасению. Я размышлял над этим ночью, а утром, после

подъема, шутливо притопывая, запел: «Високий та стрункий, ум-та-рі-та-рі-та, ще й на бороді ямка!»

Генка Бурилин, мой новый сокамерник, удивленно зыркнул на меня:

— Ты ж первый раз сидишь. Во, наглый! Получил восемь плюх — и поет! Он покрутил головой, не находя объяснения моему хорошему настроению.

Прошла неделя, и меня вызвали в кабинет к начальнику ШИЗО. Там был лишь высокий, импозантной внешности человек. Он отрекомендовался майором, сотрудником республиканского управления КГБ. После дежурных фраз о самочувствии и настроении (по произношению я догадался, что передо мной уроженец Закарпатья) майор перешел к делу.

— Валерий Вениаминович, как бы вы отнеслись к предложению сотрудничать с нами?

Я осоловел. Только это не хватало. Мало того, что я отступился от собственных идеалов, что как недоумок соглашался с их блевотиной, — я еще должен увенчать себя лаврами доносчика. Я ответил — предложение мне не подходит. Он не очень настаивал.

— Подумайте не торопитесь с отказом. Ведь вы же понимаете, это повлияло бы на ваше досрочное освобождение.

Я глянул на него.

— Скажите, а почему вы все-таки дали мне 8 лет? Статьи за границу да и вообще никуда не попали, на суде «в пузырь», послушавшись ваших советов, не полез, а за разговоры, подобные моим, вам нужно бы хватать не одного из союза писателей.

Он, собираясь с мыслями, помолчал.

Ну, во-первых, вам не дали максимума. А еще, — скрипнув зубами, — за наглость.

Это определение, очевидно, включало в себя и то, что не сдался сразу, что хитрил во время следствия, и — и... я вспомнил тот разговор с Гаркушей, который несомненно повлиял на приговор суда. С моим злым гением мы шли на прогулку, когда, выведенный из равновесия его насмешливым:

— Ну, и чего ты достиг? Дали по сраке и будешь молчать теперь, поджав хвост?!

Я вспыхнул:

— Напрасно думаешь, что буду молчать. Я им ничего не прощу. Вот только выйду — все, что делали со мной опишу!

Надзиратель вел меня по коридору, а я улыбался. Я подумал, какое это счастье, что, наглотавшись в омуте страха, не захлебнулся им навек, а, вопреки всему, мечтал о правде.

(Перевод с украинского Галины Малинкович)

Новая книга:

МАРТИРОЛОГІЯ УКРАЇНСЬКИХ ЦЕРКОВ

Том II

УКРАЇНСЬКА КАТОЛИЦЬКА ЦЕРКВА

**Документи, матеріали,
християнський самвидав України**

Smoloskyr, Inc.

Toronto — 1985 — Baltimore

Георгий Давыдов

НА ПУТИ К ПОЛНОМУ БЕЗМОЛВИЮ*

(Ужесточение условий жизни политзаключенных в СССР за последнее десятилетие)

Подавление любых форм сопротивления режиму — непреходящая задача советских карательных органов. Однако реализация этой задачи в условиях даже ограниченной гласности требует больших усилий и неизбежно связана с потерей престижа, как в глазах собственного населения, так и западной общественности. Ясно, что цель № 1 карательных органов, — ликвидация свободного потока неподцензурной информации. Тогда, в условиях безгласности, можно легко расправиться с протестующими. Лагеря, тюрьмы, ссылка, психбольницы — главное средство подавления сопротивления.

Чтобы лучше понять суть происшедших за последние 10 лет изменений в условиях содержания политзаключенных, надо сначала, хотя бы в главных чертах, обрисовать условия жизни в местах лишения свободы. Различие между лагерем и тюрьмой, конечно, есть, и для заключенного оно существенно. Но я буду говорить о самых общих чертах жизни заключенных, свойственных как лагерю, так и тюрьме. Поэтому, употребляя для простоты термин «лагерь», я имею в виду вообще все места лишения свободы. Когда речь пойдет о специфических условиях тюрьмы, то это будет специально оговорено. Я имею в виду прежде всего условия жизни политзаключенных, хотя многое из того, о чем я буду говорить, относится вообще ко всем заключенным.

Условия жизни заключенных

Речь пойдет только о жизненно важных элементах

* Статья была подготовлена для выступления на V Сахаровских слушаниях. (Лондон, апрель 1985 г.) © Георгия Давыдова.

лагерного бытия. В стороне останется многое другое, например, духовная жизнь заключенных.

Полуголодное существование. Некачественную или, попросту говоря, несъедобную пищу, которой кормят заключенных, может есть только полуголодный человек. Реально получаемый паек по общей норме питания, по которой довольствуют основную часть заключенных, на 15-20% ниже необходимого при их энергетических затратах. Так что чувство голода — постоянное состояние заключенного. А ведь есть еще и штрафные пайки.

Заключенный всегда озабочен, чтобы хоть как-то улучшить свой дневной рацион. В то же время он должен опасаться попасть в «нарушители» режима, ибо излюбленный прием лагерной «педагогике» — это, говоря словами арестантов, «ударить по желудку» — лишить «ларька», то есть лишить права закупать в лагерной лавке продукты питания на дозволенную правилами и весьма ограниченную сумму денег (при том только тех денег, что заработаны в лагере; в тюрьме в ходу только тюремно заработанные деньги), либо перевести на пониженный (штрафной) паек.

Плохая одежда и обувь. Зимой, спасаясь от холода, зек с трудом добывает какую-нибудь теплую одежду или самолично утепляет «подбитую ветром» лагерную униформу. При этом он должен исхитриться пройти необобренным через очередной обыск. На обыске под предлогом «нарушения формы одежды» вещь могут изъять и изорвать на глазах владельца. Плюс к тому, за такое «нарушение» его могут наказать лишением ларька, свидания, или карцером. А за день заключенный проходит минимум через два обыска: при выводе на работу и при съеме с работы. Помимо этого его могут обыскать индивидуально. Регулярно проходят обыски в бараках и на рабочих местах.

И, наконец, иногда на зону обрушивается тотальный «шмон». Заключенным приказывают собраться со всеми вещами и поотрядно запирают в помещениях. Здесь поочередно ревизуется вещевая наличность каждого заключенного. При этом ревизуемый должен раздеться до трусов. Вещи, которые заключенный может иметь в лагере, строго ограничены и столь же строго регламентированы. Во время ревизии изымается все, что выходит за этот жесткий

норматив. Пока заключенного обирает ревизионная комиссия, лагерные надзиратели и офицеры выметают «под гребенку» из бараков, каптерок и рабочих раздевалок все, что там осталось. В кучу летят сапоги, бушлаты, банки, чайники, припасенное кем-то и плохо спрятанное второе одеяло... Вот и попробуй тут спастись от холода и утаить лишнюю тряпку.

Заключенный всегда должен быть застегнут на все пуговицы и с наступлением лета особенно уязвим как потенциальный «нарушитель формы одежды». Попадись он на глаза надзирателю раздетым до пояса и греющимся под лучами солнца, и его ждет наказание. Между прочим, летом 74-го года 36-я Пермская политзона забастовала, протестуя против избиения на вахте политзаключенного Степана Сапеляка. А на вахту его утащили, обнаружив загорающим после работы в жилой зоне.

Малоприспособленные для жилья бараки. Тут уж никуда не денешься — куда поселили, там и живешь. Теснота, духота, спертый воздух. Зимой к тому же донимает холод. Хочется конечно, поближе к окну: воздух посвежее и посветлее. Зимой тянет ближе к печке. Но ведь всех тянет... Зимой поверх ветхого одеяла набрасываешь бушлат. Надзиратель во время ночного обхода сдергивает бушлат: не положено, антисанитарию разводишь... Вот и маешься в полудреме от холода всю ночь. Хорошо, если не запишет тебе «нарушение режима». Во Владимирской тюрьме (середина 70-х годов) в некоторых камерах ложились не раздеваясь. Не спасали от холода и бушлаты, накинутые поверх одеяла. Стены были покрыты влагой и к утру на полу вдоль стен набегали лужи воды. И это не карцер, а обычные «жилые» камеры, где заключенный проводит 23 часа в сутки в течение всех лет тюремного заключения.

Медицинская «помощь». На какую медпомощь может надеяться заключенный, если нет квалифицированного медперсонала, нет необходимого оборудования и лекарства, а те, что есть, зачастую с истекшим сроком годности? А главное, что можно ждать от врача, который заявляет: «Я прежде всего чекист, а потом уже врач»? Лагерная медицина не лечит, а «подлечивает», то есть временно снимает обострение, загоняя болезнь внутрь. Оттого среди заключенных бытует поговорка: если хочешь быть здоровым —

забуди дорогу в санчасть. Заключение должен старательно оберегаться любой, даже самой пустячной болезнью, ибо в лагере и такая болезнь может легко обрести осложнением и стать хронической.

Работа. Любая работа, даже не тяжелая в общепринятом смысле, для заключенного — при скудости питания, отвратительных условиях труда, завышенных нормах выработки — будет тяжелой. Конечно, любой заключенный стремится попасть на работу ему по привычке. Но не заключенный подбирает себе работу, а начальство, отнюдь не считаясь с его склонностями, способностями и состоянием здоровья. А норму давай в любом случае — иначе замучают наказаниями.

Выделяя обыденную сторону жизни арестанта, я хочу показать, каких усилий требует от заключенного ежедневная изнурительная борьба за существование. Внешние обстоятельства как бы вынуждают его концентрировать внимание на самом себе. И это, так сказать, в «нормальных» лагерных условиях. Но ведь есть еще штрафные условия. Возможность оказаться на штрафном режиме реально висит над каждым арестантом. Согласитесь, что при таких условиях и постоянной угрозе расправы далеко не каждый человек решится на открытый протест.

В целом условия жизни заключенных задуманы и реализованы так, что они сами по себе служат цели общего подавления — превращению основной массы заключенных в пассивных и послушных воле начальства существ.

Все основные элементы лагерной жизни имеют как бы своих пыточных двойников.

Полуголодному общему лагерному пайку соответствуют штрафные. Энергетические затраты заключенного, находящегося на, так называемой, «пониженной норме питания» не восполняются примерно на 45-50%. А карцерный паек — это не что иное, как откровенная пытка голодом: энергетически невосполнимые затраты составляют не менее 55% необходимых.

Плохая одежда и незащищенность заключенного от холода — в карцерных условиях превращается в пытку холодом.

Малопригодный для жилья барак имеет своим двойни-

ком тот же пыточный карцер — здесь все продумано, чтобы чувство страдания подавляло все остальные чувства.

Медпомощь в карцере не оказывается вообще. И это не прихоть лагерной администрации, а режимное правило, завизированное приказом министра внутренних дел.

И, наконец, работа. Помимо работ для «плана», есть работы чисто штрафные. Обычно это какая-нибудь второстепенная работа, не влияющая на производственный ритм. Нормы на этих работах завышены в десятки раз — то есть норм по-просту нет, так как цифры называются произвольно, откровенно давая понять, что тебя в конце концов ждет карцер. Кроме того есть работы, которых заключенный старается всячески избежать. Это обычно вредные или физически тяжелые работы. Туда в виде неявного наказания тоже могут направить заключенного. А работа в ПКН (внутрилагерная тюрьма) или в ШИЗО (штрафной изолятор) при нормах питания на этих режимах выматывает человека вконец.

Все эти пыточные варианты лагерного режима служат цели специального подавления тех, кто осмеливается и в лагере протестовать. Той же цели служит и внережимный способ расправ, или проще говоря, откровенный произвол тюремно-лагерной администрации. Этот способ расправ полностью развязывает администрации руки и расширяет до бесконечности шкалу репрессий вплоть до физических истязаний.

Изменения в условиях жизни политзаключенных после подписания Заключительного акта Хельсинкских Соглашений

А теперь посмотрим, что произошло в тюрьмах и лагерях за последние 10 лет. Общие условия жизни заключенных заметно не изменились. И не потому, что власть гуманна: то же полуголодное существование заключенных, та же символическая медпомощь, те же лагерные бараки и переполненные тюремные камеры, та же продуваемая ветром лагерная униформа.

У советской власти громадный опыт содержания многих миллионов людей в лагерях. В частности, сталинский опыт,

когда в лагерях гибли миллионы. Такого неэффективного расхода рабочей силы при нынешнем дефиците рабочих рук власти вряд ли могут себе позволить.

Так что относительная стабильность жизненных условий заключенных скорее говорит о том, что достигнут уже предел возможного ухудшения. И этот предельно низкий уровень жизненно важных элементов тюремно-лагерного бытия является как бы фоном ужесточения условий содержания политзаключенных за последние 10 лет, ужесточения, которое идет по другим направлениям.

Для большей ясности я сгруппировал изменения в положении политузников, выделив следующие направления:

- ужесточение информационной блокады;
- борьба с традиционными способами самозащиты политзаключенных;
- ужесточение специальных методов подавления;

Прежде чем перейти к анализу конкретных изменений, следует отметить, что за прошедшие 10 лет Исправительно-трудовой кодекс в интересующей нас части практически не изменился. Зато 15 марта 1978 года приказом министра внутренних дел N37 введены в действие новые Правила внутреннего распорядка, существенно сказавшиеся на положении заключенных.

Ужесточение информационной блокады (переписка, свидания). Переписка. Формально получение заключенным писем с воли количественно не ограничено. Количество писем, которое заключенный может отправлять на волю, ограничено в зависимости от режима содержания. Так, в лагере общего режима заключенный может писать без ограничения, на строгом режиме — 2 письма в месяц, в тюрьме 1 письмо в месяц, в карцере писать письма вовсе запрещено. Повсеместно действует жесткий тематический запрет: в письмах запрещено упоминать все, что имеет отношение к лагерю или тюрьме. За этим строго следит лагерная цензура, через которую проходят все письма, как от заключенного на волю, так и в обратном направлении.

Из формальных изменений, касающихся переписки, известно только одно: по новым Правилам, письма, поданные заключенными в лагерную оперчасть для отправки на волю, в том числе в конфискованные цензурой,

защитываются в лимит, предусмотренный Исправительно-трудовым кодексом. Ранее, в случае конфискации письма, заключенный взамен конфискованного мог написать другое письмо, что до некоторой степени сдерживало цензурный произвол. Теперь, когда такая компенсация исключена, переписка заключенного с волей может быть прервана в любое время и на любой срок. Такая угроза неизбежно ведет к усилению самоцензуры.

Для блокады переписки с успехом используется расширительное толкование действующих инструкций. Дело в том, что сами эти инструкции составлены с нарочитой неопределенностью, позволяющей при желании конфисковывать все письма как поступающие на имя заключенного, так и исходящие от него. Достаточно сказать, что самыми распространенными предложениями конфискации писем являются: «подозрительно по содержанию» или «условности в тексте письма». На вопрос, что именно «подозрительно» или о каких «условностях» идет речь, вы никогда не получите прямого ответа.

Расширительное толкование инструкций — это, так сказать, «технический» произвол. Но на ряду с этим существует и откровенный произвол. Так, со второй половины 70-х годов действует практика не пропускать письма заключенных с жалобами на состояние здоровья. В последние годы произвол в отношении переписки обогатился еще одним новшеством: лишением права переписки в порядке дисциплинарного взыскания (случаи А. Верховского /1983 г./ и В. Сендерова /1984 г./). Иногда переписка используется и для откровенного глумления над политузником и его родственниками. Так, например, мать эстонского политзаключенного М. Никлуса вместо текста письма от сына получила запечатанный в конверт чистый лист бумаги.

Письма и свидания — единственное средство связи заключенного с родными и близкими, и, следовательно, единственная возможность узнать что-либо о его положении. Ужесточение блокады переписки, усиливая психологическое давление на политзаключенного и его родственников, служит цели лишить политузника поддержки с воли и одновременно в условиях безгласности развязывает руки произволу тюремно-лагерной администрации.

Таким образом, право заключенного на переписку, безусловность которого установлена законом, приказами МВД, цензурным и обычным произволом фактически превращено в право условное.

Не забудем также, что со второй половины 70-х годов письма политузников, прошедшие лагерную цензуру, стали объектом особой охоты во время обысков у родственников и друзей политзаключенного. На этих обысках письма политзаключенных изымаются и, тем самым, уничтожаются внешние следы памяти о политузниках.

Свидания. Исправительно-трудовой кодекс различает два вида свиданий: «общие» — в присутствии надзирателя, продолжительностью от 2 до 4 часов; и «личные» — наедине с близкими родственниками, от суток до 3-х. Количественно свидания жестоко ограничены: от двух «личных» и трех «общих» в год (на общем режиме) до 2-х «общих» в год (в тюрьме). В карцере (ШИЗО), а также на строгом режиме в тюрьме и в ПКТ (внутрилагерная тюрьма) — свидания запрещены.

Но главное все же не количественное ограничение свиданий. Законодательно закрепленная *условность* права заключенного на свидание, то есть право администрации лишать его свидания, жестокость особого рода. И я бы назвал эту жестокость узаконенным психологическим издевательством, т. к. лишение свидания направлено обоюдоостро как против самого заключенного, так и против его близких. Причем администрация нередко вносит в это издевательство особую тонкость — объявляет о лишении свидания, когда жена или мать заключенного уже приехала в лагерь, проделав для этого часто не одну тысячу верст.

К психологическому издевательству следует также отнести тематические запреты: во время «общего» свидания можно говорить «только о домашних делах». Запрещено все, что имеет отношение к лагерю или тюрьме и вообще к заключенным. В случае нарушения тематического запрета свидание прекращается.

К издевательству относится и требование говорить во время свидания только по-русски. В принципе заключенному и его близким не запрещено пользоваться родным языком. На практике администрация прерывает свидание, если

общение идет не по-русски. Абсолютно безвыходная ситуация возникает, когда родственники заключенного не владеют русским языком.

И уже не просто издевательством, а жестокой психологической пыткой является проводимый до и после свидания личный обыск родственников, приехавших на «личное» свидание с заключенным. Причем обыск проходит с раздеванием догола, вплоть до гинекологического осмотра.

Практика лишения свидания свидетельствует о полном произволе администрации. Если есть установка не давать свидания, то всегда найдется предлог, чтобы его не дать.

Тенденция на постепенное свертывание самого института свиданий становится в последние годы все более и более отчетливой. Согласно новым Правилам внутреннего распорядка срок содержания в ПКТ и на строгом режиме в тюрьме выпадает теперь при исчислении срока предоставления очередного свидания. Участились случаи последовательного, одного за другим лишения свиданий, так что иногда политузник не видится с родными годами. (А. Лавут, например, за весь свой трехлетний срок не имел ни одного свидания.) Более того, похоже, что администрация получила теперь возможность лишать узника не только очередного, ближайшего свидания, но и всех свиданий на текущий год. Хотя нормативный акт, расширяющий в такой степени право администрации на лишение свидания, нам не известен, анализ самиздатских текстов позволяет предположить, что какое-то инструктивное нововведение на сей счет принято.

Таким образом, сам принцип условности права на свидание помимо того, что он дает в руки администрации сильный рычаг психологического давления на заключенного, является необходимым условием сохранения тайны лагерного произвола.

Борьба с традиционными способами самозащиты политзаключенных. Способов самозащиты у политузников не много: обжалование действий тюремно-лагерной администрации, голодовка и забастовка. Забастовка всегда рассматривалась администрацией как тяжкое нарушение лагерного режима, и ее участники жестоко преследовались. Два других способа самозащиты арестантов: письменный

протест и голодовка, — именно в последнее десятилетие подверглись целенаправленному подавлению.

Рутинная практика с заявлениями и жалобами долгое время выглядела примерно так. Следуя обыденной житейской логике, зек, если уж его припрет, обращался с письменным протестом либо сразу к самым верхам власти, либо направлял его по инстанциям МВД и прокуратуры. Оттуда его протест скатывался по ступенькам власти вниз, и ответ в виде пустой отписки, а часто и просто нелепый, он получал с самых низов иерархической лестницы, нередко за подписью должностного лица, действия которого пытался опротестовать. Неэффективность этого способа протеста была очевидной и потому такой способ самозащиты не пользовался особой популярностью.

В середине 70-х годов политзаключенные освоили новую тактику — массовую отправку заявлений по самым неожиданным адресам многочисленных советских организаций и прежде всего лично депутатам Советов всех ступеней. Освоили они также тактику последовательного пробивания жалобы по инстанциям, добиваясь ответа по существу. Администрация, прибегнув к произволу, пыталась было пресечь эту кампанию. Однако политзеки заставили таки администрацию подчиниться закону, и письма с протестами пошли адресатам.

И тут власти столкнулись с неожиданной проблемой: из тюрем и лагерей по всей стране полетели письма с описанием условий жизни политзаключенных и произвола администрации. Для властей возникла опасность стихийной, неконтролируемой утечки информации, разоблачения методов расправ, возникновения нежелательных сомнений в головах непосвященных в карательные тайны государства, и многое другое. Поняв вскоре потенциальную опасность для себя легального информационного потока из тюрем и лагерей (этих «листовок» — по выражению одного из офицеров Владимирской тюрьмы), власти поспешили вернуть этот поток в давно обкатанное бюрократическое русло. И в 1976 году МВД по согласованию с Прокуратурой СССР ограничило перечень адресатов, куда могли направляться заявления и жалобы заключенных. Так был надет

надежный глушитель на легальные протесты из тюрем и лагерей.

Принцип «разделяй и властвуй» — один из главных принципов советской карательной политики. С введением в 1978 году новых Правил внутреннего распорядка этот принцип доведен до логического завершения. Если и раньше не допускалось и намек на какую-то возможность самоорганизации заключенных для защиты своих жизненно важных интересов, запрещалась даже подача коллективных заявлений протеста, то приказ N 37 министра внутренних дел запретил подачу жалоб и заявлений, касающихся другого лица. Отныне разрешалось писать только о себе. Образно говоря, если на твоих глазах убивают твоего союзника, то протестовать тебе по этому поводу запрещено. Смысл этого режимного запрета ясен: лишить политзаключенного даже символической поддержки союзников.

И совсем недавно, по-видимому в первой половине 1984 года, появилась новая инструкция, запрещающая последний из традиционных способов самозащиты политзаключенных — голодовку. Этой инструкцией голодовка объявлена нарушением режима, за которое следует наказание вплоть до водворения в карцер. Известны и первые прямые жертвы этой инструкции — Татьяна Осипова, объявившая 20 июня 1984 года в Мордовском женском политлагере голодовку, через два дня была *за это* водворена в карцер на 15 суток. А несколько месяцев тому назад за объявление голодовки протеста брошен в карцер Сыктывкарского лагеря пятидесятник Иван Федотов.

Цель этих нововведений — разрушить всю структуру традиционных способов самозащиты политузников.

Ужесточение специальных методов подавления. Эти методы подавления против тех, кто и в лагере находит в себе силы протестовать. С юридической точки зрения эти методы распадаются на две группы: режимные, то есть оговоренные Кодексом или инструкциями МВД; и внережимные, то есть неоговоренные нигде (разве что в особо секретных инструкциях), и, следовательно, абсолютно произвольные.

К пыточным вариантам режима относятся прежде всего тюремный карцер (в лагере ему соответствует ШИЗО — штрафной изолятор), а также строгий режим в тюрьме,

которому в лагере соответствует ПКТ (помещение камерного типа или, проще говоря, внутрелагерная тюрьма). Новые правила внутреннего распорядка, введенные в 1978 году, еще более ужесточили эти виды режима. Так карцер (ШИЗО) хотя и назначается как и прежде не более чем на 15 суток, но срок содержания в карцере может быть продлен вновь, каждый раз опять на 15 суток. Предельного срока непрерывного содержания в карцере нет. Так что, в принципе, человека могут держать в карцере весь срок лишения свободы, назначенный ему по приговору суда.

А теперь несколько случаев. По состоянию на апрель прошлого года Иван Ковалев непрерывно находился в ШИЗО 35-го Пермского политлагеря около 9-ти месяцев (дошел до крайней степени истощения, постоянных головокружений и голодных обмороков), а Валерий Сендеров (тот же лагерь и на тот же период времени) — около 7 месяцев.

Практика продления срока содержания в карцере известна и до принятия новых Правил. Так еще в 75-м году зафиксировано несколько случаев, когда политузники не выходили из карцера по месяцу-полтора. Но тогда этот метод истязаний только осваивался, да и текст прежних Правил не был столь однозначен как теперь. Применяемая сейчас многомесячная пытка голодом и холодом — это как минимум сознательный подрыв здоровья узника, а то и растянутое во времени целенаправленное убийство.

Ужесточились и правила содержания в ПКТ и, соответственно, на строгом режиме в тюрьме. Теперь для заключенных, находящихся на этих режимах срок содержания в ШИЗО не защищает в срок ПКТ. Тем самым появилась возможность удлинять срок содержания в ПКТ. На время содержания в ПКТ прерывается и течение срока для получения очередной посылки или свидания. То есть появилась возможность отодвигать сроки предоставления свидания и получения посылок.

К внережимным методам специального подавления относятся прежде всего физические расправы как руками самой тюремно-лагерной администрации, так и руками заключенных, действующих по поручению этой администрации.

Интересующиеся судьбами политзаключенных в Совет-

ском Союзе знают о существовании так называемых «пресс-камер». Это камеры, где специально подобранные зеки-уголовники, исполняя поручение оперчасти, расправляются с непокорным арестантом: грабят его, избивают, калечат, а то и насилуют.

В последние годы физические расправы с политузниками приобрели систематический характер. В политлагерях и Чистопольской тюрьме избиениями политзекков занимаются нередко сами надзиратели под руководством офицеров. На политзаключенных, рассеянных по бытовым лагерям, натравливают уголовников; нередко используют против них и лагерные «пресс-камеры» — и все это, чтобы заставить политузников отказаться от своих убеждений. В следственных тюрьмах «пресс-камеры» применяются, чтобы сломить политзаключенного на следствии, заставить его подписать нужные следователю показания, отказаться от своих убеждений и от какого бы то ни было сопротивления властям.

Лагерные «раскрутки» — неосвобождение из заключения по окончании срока и осуждение по новому делу — еще один способ, так сказать «законных», расправ с политузниками. В 80-е годы власти в 7-8 раз чаще прибегали к этому способу расправ, чем во второй половине 70-х годов. Причем, если раньше для лагерной раскрутки приходилось прибегать к фабрикациям дела с помощью провокаций и лжесвидетелей, то с включением в 1983 году в Уголовный кодекс статьи 188³ «злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения», лагерные «раскрутки» превратились фактически в разновидность дисциплинарного взыскания. О том, с какой легкостью ныне наматывают лагерный срок, говорит дело Владимира Пореша.

Обвинение, предъявленное В. Порешу по статье 188³ УК РСФСР, было построено на следующих эпизодах:

1. Переброска записки из одного прогулочного двора в другой. — Сама записка не была изъята, и вообще осталось недоказанным, что именно было переброшено.

2. Отказ от выхода на работу. — Протестуя против жестокого обращения с политзаключенным С. Григорьянцем, которому охранники сломали руку, В. Пореш вместе с

другими политузниками две недели отказывался выходить на работу.

3. Клевета на администрацию. — Написал заявление протеста против избиения надзирателями одного из заключенных тюрьмы. Факт избиения подтвердил во время следствия и сам пострадавший.

4. Оскорбление администрации. — После того как начальник тюрьмы распорядился вместо 450 грамм хлеба в день выдавать ряду заключенных 350 грамм, В. Пореш в заявлении прокурору обвинил начальника тюрьмы в фактическом воровстве хлеба у заключенных.

23 октября 1984 года суд приговорил В. Пореша к 3 годам лагерей строгого режима.

Используя лагерные «раскрутки», власти превращают срок заключения из безусловного определенного, установленного приговором суда, в неопределенный, стремясь обусловить его готовностью политзаключенного покориться властям.

Ухудшение положения политссыльных

Политссыльные рассеяны по громадным пространствам Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Казахстана, Северо-Востоку Европейской части Союза. Для их поселения выбираются, как правило, труднодоступные места, а то и вовсе запрещенные для въезда посторонних — пограничные зоны. По климатическим условиям место ссылки обычно резко отличается от привычных ссыльному. В бытовом отношении политссыльному приходится особенно тяжело в первое время, когда нет еще необходимого опыта жизни в необычных условиях и человеческих связей с местным населением. Именно в это время ему особенно необходима помощь родных и друзей.

Хотя юридически условия отбывания ссылки в последнее десятилетие никак не изменились, положение политссыльных значительно ухудшилось. Власти отнюдь не нейтральны к политссыльному и, используя специфику ссылки, оказывают на него всяческое давление. Как пишет Татьяна Великанова, отбывающая сейчас ссылку в Казахстане: «Ссылный имеет право... на выбор места жительства в

пределах района. Ну а «они» (власти) имеют право выбрать «подходящий» район, «подходящую» квартиру и могут вынудить на «подходящую» работу».

Упомяну лишь конспективно обстоятельства, используемые для давления на политссыльного:

- давление работой и жильем;
- давление на родственников политссыльного;
- настраивание местного населения против политссыльного путем распространения о нем ложных слухов или публикации специальных статей в местной печати;
- угрозы физической расправой;
- засылка доносчиков и провокаторов;
- фабрикация нового уголовного дела.

Заключение

Многие из приемов ужесточения условий содержания политзаключенных, воспринимаемых нами как нечто новое, в действительности таковыми не являются. Эпизодическое применение некоторых из них в политлагерях известно и по прежним временам. Другие составляют обычную практику уголовных лагерей. Что действительно является новым, так это систематичность и целенаправленность применения этих методов.

Вообще произвол лагерной администрации представляет собой как бы накопленный опыт расправ с непокорными, который при надобности можно легко легализовать и ввести в оборот в широких масштабах.

Превращение срока содержания в карцере в неопределенный, перенесение практики физических расправ с заключенными из уголовных лагерей в политлагерь, лагерные «раскрутки» и, наконец, легализация некоторых элементов произвола тюремно-лагерной администрации — все это призвано создать ощущение незащищенности перед угрозой физической расправы и продления лагерного срока. Цель всех этих лагерных новшеств, на мой взгляд, однозначна — подавить, сломить непокорных политузников, вплоть до их физического уничтожения. Гласность мешает осуществлению этой цели. Поэтому одновременно ужесточилась информационная блокада политузников.

Пожалуй, можно назвать и дату, когда была принята общая установка на подавление — 1975 год, год подписания Заключительного акта хельсинкского Соглашения. Об этом свидетельствует высказывание начальника оперотдела КГБ, курирующего Пермские политлагеря, Дегтярникова. В октябре 1975 года он заявил одному из политузников: «Мы сейчас получили санкции, которых давно добивались. Как в 1952 году». (Цитирую по «Хронике текущих событий», выпуск 39, страница 16.)

А вот некоторые результаты реализации этой установки. За последние 15 лет наблюдается устойчивая тенденция роста числа политзаключенных, умерших в лагерях «естественной» смертью. Особенно тревожный показатель дал 1984 год, когда умер почти каждый сотый известного списочного состава политзаключенных против почти каждого 200-го в среднем в год за период 1980-1984 годов. Столь же последовательно за последние 15 лет падал средний возраст политузников, умерших «естественной» смертью. На прошлый год этот показатель составил 55,4 года. Эти цифры дополнительно свидетельствуют о систематическом ужесточении условий содержания политузников. Но особенно жестоки эти условия в спецпсихбольницах — политзаключенные, умершие в психбольницах, в среднем оказались на 10 лет моложе умерших по всем вообще местам заключения (42,3 года против 53 лет).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ДИСКУССИЯ

Ольга Максимова

ПАТРИОТИЗМ

«Прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное — это любовь к истине».

П. Чаадаев

«Вот Энгельс, кажись, говорил, что труд облагораживает человека, а что мне делать, если я вже благородный?» — спрашивал один мой знакомый алкоголик и находил ответ — на работу не шел.

По такому же принципу действуют издавна российские патриоты. Сказано было, что «Москва — третий Рим, а четвертому не бывать» и коль мы «вже благородные», то чего же нам «на работу ходить», можно сидеть отгородившись от всего мира и считать, что «нам и так хорошо, нам ихнего не надо, от этого только вред». А можно пойти и дальше, считая, что мы не только «вже благородные», но и самые лучшие, необыкновенные.

В начале прошлого века будущие декабристы, пройдя с армией от Москвы до Парижа через всю Европу, еще задолго до Тютчева констатировали, что у России «особенная статья» — рабская. Рабская и страшная в сравнении с другими народами Европы. Будучи патриотами (Даль определял патриота как «ревнителя о благе отечества») они почли за благо попытку переменить эту особенную статью на более общую, присущую народам, обладающим человеческим достоинством. К сожалению, попытка осталась попыткой и, когда Тютчев писал свои знаменитые строки, рабство было

всего пять лет как отменено юридически. Но мы знаем, что от юридического акта до его реального, психологического осуществления может пройти много времени.

Но что есть вообще «благо отечества», кого можно считать патриотом и так ли это хорошо быть патриотом?

Лярусс определяет патриота как «человека горячо любящего родину, желающего быть ей полезным». Ушаковский словарь 1938 года заметно расширяет смысл слова согласно нуждам идеологии: «Патриот — человек, преданный своему народу, любящий свое отечество, готовый на жертвы и совершающий подвиги во имя интересов своей родины». (Не совершил подвига — значит и не патриот?) Правда, в последнем Академическом словаре русского языка уже снова требуют только любви и преданности родине и народу, но не подвигов и жертв.

Есть, конечно, разница между «желанием быть полезным» и готовностью к жертвам и подвигам, но все же ни одно из этих определений не требует от патриота считать свое отечество объективно исключительным и ни одно не говорит о том, что же такое польза и благо отечества.

Довольно трудно, согласно этим определениям, оценить, кто был бóльшим патриотом — Чаадаев, критиковавший обособленность, замкнутость России от европейских народов, или Константин Аксаков, который «оделся так национально, что народ на улицах принимал его за персианина» (Герцен), считавший, что у России было какое-то свое особенное развитие, к которому и надо вернуться, отринув дурное западное влияние.

Кто больший патриот — современный диссидент, борющийся за элементарное достоинство, личное и народное, или тот, кто воспекает свой рабский труд, ищет оправдания во что бы то ни стало гнусности, ибо она «своя», «российская».

Что есть благо и польза страны — осознание своих несовершенств и попытка встать на уровень других, более развитых народов, или восхваление своего тупого, нищенского, пьяного рабства как выдающегося исторического достижения?

Казалось бы, после всех споров славянофилов и западников 19 века, после свершившейся на наших глазах

русской истории XX века, вопросы эти лишь риторические и ответы на них совершенно ясны.

Но вот, совсем недавно прочла у совершенно честного и порядочного автора о Пушкине, что в стихотворении «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет») «отчетливо вырисовывается национальный колорит: буря уже не абстрактно-романтическая, но бушует на псковской земле, бытовые приметы не спутаешь ни с какими другими». Тот же автор в другой статье уверяет, что Тютчев в своем знаменитом «Молчи, скрывайся и тай» «говорит о хрупкости и уязвимости душевного мира.., но и об одиночестве поэта в отрыве от родной речи, в иноязычном окружении». А дальше больше — в недавно вышедшем стихотворном сборнике современного поэта, среди других, находим такие строки:

И мы за дальними снегами,
в заторах,
на пути крутом
тому движенью помогали
своим нерадостным трудом.

Это он в лагере помогал, движению «вперед к победе коммунизма».

Прочла и стало страшно.

Когда Михалков старший сочиняет и пересочиняет гимн Советского Союза или Михалковы младшие творят свои киношедевры, заставляющие рыдать таких патриотов как Светлана Аллилуева и даже возвращаться на покинутую родину (правда, не под сень родных берез, а под сень папиного имени в Грузию), так что с них взять, с Михалковых —

Родина любимая,
чувствуешь ли зуд?
Трое Михалковых
по тебе ползут.

И для них патриотизм—отнюдь не последнее убежище, а найпервейшая кормушка. Но вышецитированные авторы ведь люди безусловно честные, не ждущие себе наград за написанное, выражающие свое искреннее мнение. Это-то и есть самое страшное в современном духовном состоянии внутри страны — невольное, подсознательное смыкание

идей и чувств просвещенного меньшинства страны с официальной идеологией, выгодное существующему режиму. (О влиянии этой тенденции на эмиграцию поговорим позднее). Опять вытащили на свет Божий «в Россию можно только верить», опять пошел в ход весь славяно-русофильский арсенал, начались разговоры о необычности, особенностях судьбы России, ее мессианстве. Начались, вернее возродились, эти разговоры не вчера и даже не позавчера. А. Янов в своей книге «Новые правые в России» прекрасно проанализировал начало и развитие патриотическо-националистического духа в СССР—ВСХСОН, «Вече», размышлизмы Шиманова и пр. Книга написана в 1978 году. Мрачная книга. Но когда читаешь ее сейчас, в 1985, она кажется еще мрачнее, потому что то, что было в книге лишь анализом, предположением, возможностью, становится сегодня действительностью, ничего хорошего не предвещающей.

В книге дана схема развития национализма от стадии А — либерального национализма, сопротивляющегося авторитарному режиму, через стадию В — изоляционизма и сотрудничества с режимом, к стадии С — империалистическо-милитаристскому национализму, сливающемуся с режимом.

Мне скажут, что национализм и патриотизм — вещи разные. Генерал де Голль говорил, что патриотизм — в первую очередь любовь к своему отечеству, а национализм — в первую очередь ненависть к другим народам. Я позволю себе возразить.

Когда-то, если не ошибаюсь Ницше, сказал: «Маленькая, серенькая птичка, но она свила гнездо у моего окна и я ее люблю». Наверно в чистом, ничем не омраченном виде, патриотизм должен быть похож на эту любовь, должен быть любовью — «я знаю, что моя птичка не павлин, не райская птица, но она живет рядом со мной, она прилетает ко мне каждый год, давая ощущение связи прошлого и настоящего, и я люблю ее, не заставляя и не призывая весь мир следовать моему примеру, не уверяя, что моя птичка единственная или самая лучшая».

К сожалению, патриотизм такого типа встречается крайне редко и обычно в среде образованных людей. Идеи вообще зарождаются (хотя это и не принято произносить вслух), получают свое оформление в образованной среде.

Доходя же до масс, любая идея упрощается, исчезают полутона мысли, а с их исчезновением рождается возможность делать выводы, никак не вытекавшие из начальной идеи. Именно так обстоит дело с патриотизмом. Казалось бы, что плохого в любви к месту своего рождения? Но для любви принято находить оправдания, объяснения — «я люблю этого человека, потому что он такой красивый», «я люблю своего ребенка, потому что он не только красивый, но еще и талантливый», «я люблю свою родину, потому что она самая красивая, самая лучшая, самая-самая...» А коли так, то все другие страны и народы, естественно, должны «в страхе сторониться», как от гоголевской птицы-тройки. И это уже тот патриотизм, который я бы назвала, в отличие от аристократически-интеллигентского, народным.

Народный же патриотизм есть чувство гордости тем, чего человек сам не сделал, не заработал, не добился — чем-то, что было ему дано случайностью рождения. И не просто чувство гордости (весьма отличное от чувства любви), а и превосходства — «я *лучше*, потому что русский» (а все остальные — «черножопые», «желтопузые», «жиды», пр. и пр.). Примерно такое же чувство, как чувство мужского превосходства — «я *лучше*, потому что я мужчина» (а все бабы — дуры) или расового превосходства — «я *лучше*, потому что я белый» (а все прочие — недоделанные расы). Это как бы прямое следование пушкинскому ироническому совету «и почитайте всех нулями, а единицею себя». Это самый легкий путь самоутверждения, не требующий никаких усилий. Такой патриотизм, ничем не отличающийся от национализма (и самый распространенный), воистину становится «последним прибежищем подлеца». Из него вырастает чорносотенство всех сортов и фасонов, что очень хорошо показал Янов в своей книге.

У русского патриотизма есть еще особенности, порожденные историей страны, замкнутой и запертой, вот уже почти два века играющей роль, по крылатому выражению классика, «жандарма Европы» и «тюрьмы народов». Человеку, рожденному и выросшему в тюрьме, все предки которого тоже были заключенными, естественно начинает казаться, что за стенами его тюрьмы существуют только другие тюрьмы, а не воля, что тюремные порядки естественны. И не

просто естественны, но и плодотворны, что все происходит благодаря им, а не вопреки, несмотря на них. Воистину

Прошла зима,
настало лето.
Спасибо партии
за это!

Благодарственно-тюремный патриотизм, вроде рака, имеет разные стадии, степени развития, степени распространения метастазов. Можно, как вышеприведенный автор, серьезно уверять, вопреки всем доступным учебникам географии, что буря мглою небо кроет исключительно в России и по преимуществу в псковской губернии, или что береза — типично русское дерево. Это еще самая невинная стадия и, если бы все ограничивались такими утверждениями, можно было бы и не волноваться. Но на следующем логическом этапе патриотического развития появляется утверждение, что без этих бурь, берез, церковных луковиц прожить нельзя, они становятся важнее морального состояния страны. Я часто вспоминаю разговор почти десятилетней давности с одной знакомой, еврейкой, сына которой только что нагло, унижительно провалили при поступлении в университет. Не просто провалили, а показали — «не суй сюда свою жидовскую морду». На мой вопрос, не хочет ли она эмигрировать, она ответила: «Нет, как можно жить вдали от родины, от этих берез, от моего города, от моего народа». От какого «народа»? От того, который показал ее сыну, что он нежелательный элемент в университете? От того, который каждый день толпой идет на службу в большой серый дом на площади Дзержинского? От того, который живет по деревням, медленно деградируя от непосильного труда и дикого пьянства? Вопросы эти не возникают, не ждут ответа. «Березовый» патриотизм сильнее.

И опять же, это еще не самое главное. В конце концов, если раб, которому предлагают волю, от нее отказывается, это его дело. Не всем воля по плечу.

Дело в том, что березовые патриоты, как и националисты всех фасонов, манипулируют словами «Россия», «Русь» (а то и «матушка-Россия», «святая Русь»), «истинно-русское

явление», «типично-русский пейзаж» и пр. и пр., забывая о том, что как Российская империя, так и СССР в наши дни есть конгломерат (простите — «дружная семья») весьма различных народов. Разных по языку, культуре, религии, обычаям. В этом конгломерате русский народ составляет несколько меньше половины. Так что же делать второй половине с «истинно-русским» пейзажем, с Тютчевым, одиноким в иноязычной среде, что делать с единственной истинной религией — православием — миллионам мусульман, протестантам, католикам? Более откровенные националисты дают вполне четкий ответ (в вежливой, а иногда и не очень вежливой форме): остальные должны быть в подчинении у великого русского народа (старшего брата), ибо, как давно было сказано Достоевским, есть только одна истина и только один народ может обладать ею и истинной верой — и это русский народ.

Менее откровенные, или более боязливые, прячущие как страусы голову в песок, стараются не только не давать ответа на этот вопрос, но и не задавать его ни другим, ни себе, чтобы не быть обязанными додумать проблему до конца. И, вопреки совету поэта

«...из грехов нашей родины вечной
не сотворите кумира себе»,

они творят, а сотворив, молятся ему.

Казалось бы националистическо-патриотическая тенденция должна осуждаться официальной идеологией, ведь большевики при захвате власти провозгласили себя интернационалистами. На самом деле происходит обратное явление — подогревание подобных тенденций. За последние лет 10-15 это уже нельзя назвать тенденцией. Это магистральная линия идеологической обработки народа.

Восстанавливаются памятники былой славы русского оружия, вроде церкви Всех святых на Клишках, что напротив Центрального Комитета партии. (Вот, правда, кастрюльку с горячей водой, которая теперь на месте Храма Христа Спасителя, не получилось вывернуть наизнанку, превратив снова в храм славы.) Устраиваются помпезные празднества на полях былых сражений, вроде Бородина. Волокнут со всего мира знаменитых русских покойников. Благо мертвые не

только «сраму не имут», но и возразить не могут. А русские патриоты смотрят и приговаривают — «правильно, на последний покой надо в родную землю ложиться». По этой логике те немногие дети, которые родились в концлагерях и выжили, умирать должны возвращаться к себе «в родную зону». Дико? Смешно? Преувеличение? Ничуть. Недавно вот приволокли Шалапина — лечь в родную московскую землю. Того самого Шалапина, который ныне царствующую власть называл «сволочью» и «мерзавцами», который бежал от нее, как от тюрьмы, чтобы не возвращаться. Но ведь давно известно, что «брань на вороту не виснет». Как он ругался, как он презирал и ненавидел режим, не все помнят и знают. А вот, что это был великий РУССКИЙ певец, помнят. Только это и важно для создания образа Великого Русского Народа и Великого Советского Правительства, пекущегося о национальном наследии. А это, в свою очередь, нужно для создания идеологического механизма управления народом. Народом, объединенным одной (простой, ибо сложная сделать этого не может) идеей, всегда легче управлять, чем толпой.

Идеи социализма, коммунизма, светлого будущего давно умерли в советском обществе. Никого нельзя заставить защищать их, умирать за них, даже просто работать с полной отдачей. Советский Союз превратился в толпу, запертую в одну огромную мрачную клетку. Это грозит развалом (хотя и медленным) всей системы, грозит правящему новому классу потерей всех привилегий и власти. Жуткое пьянство, полный развал на производстве, воровство, деморализация армии показывают, что процесс зашел довольно далеко. Для борьбы с ним идея национального величия, исключительности, мессианства — прекрасное средство. И смешная погоня за трупами великих покойников, восстановление (хотя бы внешнее) церковью атеистическим государством становится не ошибкой, не чьим-то заблуждением, а серьезным делом государственной важности.

Преуспела ли система в этой идеологической борьбе? К сожалению, да. И статьи вышецитированного автора о Пушкине и Тютчеве (а таких статей можно процитировать великое множество), как и стихи поэта, прославляющего свой рабский труд на благо коммунизма, подтверждают это.

Это образованные, честные и добрые люди. И если они попадают под влияние идеологической машины, то чего же требовать от других — менее образованных, менее честных, менее добрых...

Герцен говорил: «Такова судьба всего истинно социального, оно невольно влечет к круговой поруке народов. Отчуждаясь, обособляясь, одни остаются при диком общинном быте, другие — при отвлеченной мысли коммунизма, которая, как христианская душа, носится над разлагающимся телом». «Отвлеченная мысль коммунизма» не может существовать долго, она вырождается, превращаясь в трупный яд национализма, помогающий разложению тела. Разлагающийся же труп всегда опасен для окружающих.

Смотреть на это разложение страшно и больно, ибо речь идет о разложении той страны, о которой еще 150 лет назад писал Пушкин, —

«...сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил».

И мы тоже. От этого так больно.

ДВА НАЦИОНАЛИЗМА

Антитеза национализму — космополитизм, но в истории национализм всегда сталкивался не с космополитизмом, а с национализмом же. Объяснение кажущемуся парадоксу простое. Мир наш давно поделен, и границы государства редко совпадают с границами территории, на которой живет та или иная этническая группа.

Русский национализм и национализм нерусских народов империи — различные понятия, имеющие общее название. Противоположны их сущности: национализм русских — идеология защитников интересов российской державы, цель националистов не русских — независимость для народов, которые находятся под властью чужого государства и потому не могут отстаивать свою культуру, свой национальный стиль жизни.

На первое место поставим народ мы российский
На первое место поставим народ мы российский
На первое место поставим народ мы Российский
Чтоб первое место досталось только ему...

Дмитрий Пригов, из цикла «Заклинание именем»

По существу, русских националистов правильно было бы назвать империалистами, да только название это им очень не по вкусу. Что ж, воспользуемся их самоназванием «русские националисты». Но как его понять? В той стране, которую еще и сейчас называют *Россией*, половина всего населения (а раньше было и скоро вновь будет — больше половины) — этнически *не* русские. Казалось бы, *русские* националисты должны защищать интересы только своего народа, но оказывается, что для них интересы империи и интересы русских — одно и то же. И завоюй Российская империя целый свет — все будет для *русского* националиста

своим, национальным. И китайцы будут русскими (как киргизы сегодня), и немцы, и африканские негры. И любить их всех будут, да только странной любовью: не такими, какие они есть, а «россиянами» — теми, что живут по-русски.

Русский национализм никого ни от чего не защищает (во всяком случае — не защищал до революции 17-го года). Идеология эта откровенно наступательна.

Когда-то давно Иван Калита «собирал» действительно русские земли. Но уже во времена Ивана III Васильевича не только русские земли входили в состав Великого княжества Московского. Вскоре после того, как князь московский надел шапку Мономаха и объявил себя преемником византийских самодержцев, монах Филофей написал:

«Блюди и внемли, яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти!»

Третий Рим — это Москва. Напрасно русские националисты утверждают, что Филофей имел в виду лишь православное царство с изоляционистскими тенденциями, а не всемирную империю с центром в Москве.¹ Сказанное Филофеем трудно толковать иначе, как то, что Москва должна следовать традициям западно- и восточноримской империй. Чтобы было ясно, какие тенденции были характерны для Второго Рима — Константинополя, процитируем отрывки из писем Димитрия Кидониса (одного из наиболее просвещенных людей Византии XIV столетия) императору Иоанну Кантакузину:

«... все народы будут покорены, все города примут твои (императора) законы, все признают единого властителя... Итак, покажи, Василевс, что есть и македонцы, и царь, отличающийся от Александра только по времени»²

Та же цель, что и у язычника Александра Македонского — завоевать «народы и города, острова и континенты», всю ойкумену. Вот только природа власти — по мнению

1. См. Р. Редлих, Российское и русское национальное самосознание, «Посев» N 6, 1985, с. 31.

2. Démétrius Cydonès. Correspondance (Publication par R.-J. Lönerztz). Città del Vaticano. 1956, V. 1, 1960, V. 2.

Димитрия Кидониса — у византийского императора иная, чем у великого Александра:

«Твое имя как нечто из Божественного... Бог передал (тебе) заботу обо всех... Божественный закон требует и общая природа советует царям нынешним всяческие почести воздавать... От Бога к тебе, от тебя к нам идут обычаи.»³

Такое понимание роли цезаря характерно для политиков Восточноримской империи. Его же унаследовала Москва-Третий Рим. Традиция, начало которой восходит к тем временам, когда император Константин сделал христианство государственной религией Римской империи. Наиболее полное развитие получила она не в западном Риме, где существовало разделение духовной (у Папы) и светской (у императора) властей, а в Византии, где утвердился принцип цезаре-папизма.

Не одни только русские князья-цари претендовали на господствующее положение если не во всем мире, то в своем регионе. У многих европейских властителей были точно такие же намерения. Но в тесной Западной и Центральной Европе довольно быстро установилось относительное равновесие сил различных претендентов, и государственные границы оказались более или менее стабильными. Московское же государство возникло на окраине Европы. Орда была не только поработителем Руси, но и ее покровителем, защитником от наступления с Запада. Под крылом у Орды смог Иван Калита собрать русские земли. А когда сила Орды ослабла, молодое Московское государство смогло начать движение на Запад (до столкновения с Польшой-Литвой), на Юг (насколько позволят турки и Крымское ханство) и беспредельно на Восток.

С раскола и, особенно, с Петра (Аввакум и Никон, Петр и Алексей) началось разделение русских националистов. Одни — за традиционный русский быт, за сохранение церковных традиций; другие — за государственные, преимущественно имперские, интересы, за подчинение церковного управления самодержцу. Конфликт хотя и серьезный, но не настолько принципиальный, каким его часто представляют.

3. Там же.

В течение почти полутора столетий после Петра под русскими национальными интересами понимались исключительно интересы Российской империи, которая в это время — покорив Финляндию, прибалтийские государства, Польшу, Украину, Белоруссию, Кавказ, народы Поволжья и Сибири — превратилась в огромную многонациональную державу.

«По северу, по югу
С Москвы орел парит;
Всему земному кругу
Полет его звучит.

Орел бросает взоры
На льва и на луну
Стокгольмы и Босфоры
Все бьют челом ему.»⁴

Еще сильнее:

«Где есть народ в краях вселенны,
Кто б столько сил в себе имел...
Кто столько свету страшен был?...

О кровь славян! Сын предков славных,
Несокрушаемый колосс!
Кому в величестве нет равных,
Возросший на полсвета росс!
Твои коль славны древни следы!
Громчай суть нынешни победы:
Зрю вокруг тебя лавровый лес;
Кавказ и Тавр ты преклоняешь,
Вселенной на среду ступаешь
И досягаешь до небес.»⁵

В этих державинских стихах — смысл русского патриотизма XVIII-XIX вв. Не трудно заметить переключку с идеями, характерными для византийского царства: «все народы будут покорены...»

К середине XIX столетия обнаружилось, что «возросший на полсвета росс» плетется в хвосте у буржуазной Европы

4. Г. Державин. Заздравный орел. Орел — изображение на русском, лев — на шведском, полумесяц — на турецком гербах.

5. Г. Державин. На взятие Измаила.

(Крымская война была тому подтверждением). Как раз в это время часть российских патриотов вспоминала о неевропейских корнях русской культуры, об особой миссии России, об опасности западного влияния на развитие «русского духа». Как бы в компенсацию за отставание в социальной сфере (экономика, образование, право) выдвигается идея об исключительной роли православия (именно православия, а не христианства вообще) в будущем преображении мира. Но «славянофилы» и «почвенники» не отказались от поддержки имперских интересов Российского государства. Они были вовсе не прочь нести в мир «Божие» на штыках царя-кесаря.

«...для русской Церкви связь православия с самодержавием... остается значительным моментом в ее теократическом сознании. Таким образом нужно уметь дорожить теократическим началом, не смущаясь несовершенством, даже уродливостью его воплощений. Инстинкт церковных черносотенцев, смешивающих принцип с историческим воплощением, неизмеримо глубже, подлинно-церковнее, т.е. теократичнее, чем стремления церковных либералов...» — утверждал в 1916 году религиозный философ А. Карташев.⁶

Идеологии цезаре-папизма, принципа неразрывности православия и самодержавия придерживались, увы, не только черносотенцы. О возможности водрузить российское знамя над Айя-Софией мечтал Федор Михайлович Достоевский:

«Да, Золотой рог и Константинополь, — все это будет наше...

Но во имя чего же, во имя какого *нравственного* права могла бы искать Россия Константинополя? Опираясь на какие высшие цели, могла бы требовать его от Европы?

А вот именно — как предводительница православия, как покровительница и охранительница его — роль, предназначенная ей еще с Ивана III, поставившего в знак ее и царьградского двуглавого орла выше древнего герба России...»

И еще для того, чтоб нашим был «знаменитый порт, пролив, „средоточие вселенной“, „пуп земли“», чтобы

6. А. Карташев, Реформа, реформация и исполнение Церкви, «На путях», Геликонъ, 1922, с. 40.

«такому огромному великану как Россия выйти, наконец, из запертой своей комнаты, в которой он уже дорос до потолка, на простор, дохнуть вольным воздухом морей и океанов».⁷

Формула *Третьего Рима* Филофея звучит для Достоевского символом решимости русских не просто отстоять *свою* православную веру от мифических врагов, а оружием утвердить ее в мире. «С Москвы орел парит».

Искренняя приверженность русских православных националистов идее Великой (не столько в духовном, сколько в физическом смысле) России заставляла многих из них с уважением (и надеждой) следить за победами атеистической коммунистической власти. Убеденный русский националист Василий Шульгин откровенно писал еще на пороге 1920 года, еще в Белой армии:

«России суждено возродиться... через безумие Красных... Социализм смоется, но границы останутся... И теперь очевидно стало, что, кто сидит в Москве, безразлично кто это, будет ли это Ульянов или Романов (простите это гнусное сопоставление), принужден, «мусить», как говорят хохлы, делать дело Иоанна Калиты. «Мусить» собирать воедино русские земли... Допустим, что им, красным, только *кажется*, что они сражаются во славу Интернационала... На самом же деле хотя и *бессознательно* они льют кровь только для того, чтобы восстановить Богохранимую Державу Российскую... Они своими красными армиями (сделанными по «белому») движутся во все стороны только до тех пор, пока не дойдут до твердых пределов, где начинается крепкое сопротивление других государственных организмов... Это и будут естественные границы Будущей России... Интернационал «смоется», а границы останутся...»⁸.

Предсказание Шульгина сбылось. И не просто предсказание, но и признание за большевиками права наследовать российскую государственность. Сам Шульгин окончательно признал коммунистическую Россию лишь в конце своей жизни. Но подтвердившееся в дальнейшем предположение, что большевизм может послужить интересам русской империи, породило «сменовеховцев» и национал-большеви-

7. Ф. Достоевский, «Дневник писателя», март 1877 г.

8. В. Шульгин, «1920 г.», София, 1921, сс 264-275.

ков. Эмигрантский журнал «Социалистический вестник» так писал в 1921 году об идеологии готовых на сотрудничество с красной Москвой русских патриотов:

«Пусть большевики тешатся тем, что водружают красное знамя в Варшаве и в Анкаре. На самом деле они защищают независимость России от разбойничьего нападения Польши, а союзом с Турцией осуществляют или готовят осуществление исконных национальных задач на Ближнем Востоке. Пусть большевики насаждают коммунизм на Украине, в Грузии, Сибири или Азербайджане. На самом деле они объединяют российскую государственность, которой в ином случае грозил бы совершенный распад.»⁹

И не важно, какой флаг будет развеваться над Константинополем-Стамбулом — трехцветный или красный. Для тех, кто продолжает мыслить категориями национал-большевизма, возможно, не имеет существенного значения и цвет флага, под которым советские солдаты воюют в Афганистане.

«Первое и главное, — утверждал национал-большевик Устрялов, — собиране и восстановление России как *великого и единого государства*; все остальное приложится».

Есть и другая форма русского национализма. Так называемые «евразийцы» считали патриотизм устряловского типа греховным. Признавая закономерность победы большевизма в России, они тем не менее отказывались морально оправдать коммунизм. Причины гибели старой России евразийцы видели в отчужденности от народа «европейски-вышколенных» правящего класса и «общества». Начало этого отчуждения восходит к петровским временам, когда «создалась, а не родилась» Петербургская Россия. Петербурго-европейская культура верхов, по мнению евразийцев, не имела ничего общего с ценностями русского народа. Один из авторов сборника «На путях» Георгий Флоровский писал:

«...европеизация затронула лишь меньшинство населения: основная масса осталась, в сущности, в пределах

9. С. Сумский, О национал-большевизме, «Социалистический вестник», 2. 12. 1921 г., Берлин.

старого мироощущения и миропонимания. Именно от него, от всей совокупности истари складывавшихся культурно-бытовых навыков надо было отказываться, чтобы выйти из народа в интеллигенцию. В этом и заключался общественный раскол».¹⁰

Все, кажется, верно. Но почему бы не попытаться преодолеть раскол, содействуя образованию народа, приобщая его к культуре (и не только европейской), решая проблему хлеба насущного, привлекая как можно больше людей к участию в общественной и государственной жизни страны, обеспечивая каждому право выразить себя? Впрочем, этого и хотела русская интеллигенция и лишь потому, что ее стремление помочь народу натолкнулось на сопротивление правителей, оказалась она в оппозиции к режиму. Именно демократизация жизни в европейских странах, в результате которой стерлись границы между элитой и массой и все общество стало более однородным, способствовала выработке иммунитета против вируса коммунизма (хотя как раз Европа — родина этой соблазнительной для многих утопии).

Увы, демократия европейского образца не устраивала евразийцев. Спору нет — образец этот не идеален. Но что нам предлагают взамен?

«Единение с народом есть *задание* для культурно-творческой воли *исходить* в своем строительстве из *основных начал народного духа*».

Какие же это начала? — «Необходимо *быть православным*»¹¹.

Почему православие — основа *русского* народного духа, а не, скажем, византийско-греческого? Ответа на этот вопрос мы, по-видимому, не получим. Допустим, что в допетровский период народ русский жил согласно учению православной церкви. Но чем же тогда объяснить, что первым русским царем — помазанником Божиим — стал небезызвестный Иоанн Васильевич Грозный? Чем объяснить смуты, казачьи бунты, разбой, раскол, наконец? Надо все же признать, что

10. Г. Флоровский, О патриотизме праведном и греховном, в сб. «На путях», Геликонъ, 1922, сс. 273.

11. Там же, с. 277.

православный идеал воплощался в жизнь далеко не всегда. Главное, по-видимому, для евразийцев — что такой идеал был. Не так важно, что грешил — важно, что каялся.

Словом, противопоставление не реальностей, но идеалов: православие — европейская культура.

Хотелось бы еще раз напомнить высказывания Карташева о характерной для православия идее цезаре-папизма (и о том, что черносотенство для православных «подлинно-церковнее», чем либерализм) и советы Димитрия Кидониса православному василевсу. Быть может, это напоминание заставит читателя еще раз задуматься о причине раскола между русским народом и его правителями — самодержцами всея Руси. «От Бога к тебе, от тебя к нам идут обычаи».

Европейская культура и социальное воплощение этой культуры — демократия не только не препятствуют развитию христианского сознания, но и способствуют ему. Вот только принцип цезаре-папизма никак не совместим с демократией. Но принцип этот не совместим и с учением христианства. Он связан лишь с *историческими традициями* церковной жизни в Византии и России. Далеко не все исторические традиции достойны освящения, но этого как раз и не принимают во внимание те русские националисты, чьи взгляды наиболее полно представлены евразийцами.

Позиция евразийцев, судя по всему, близка и сегодня очень многим русским националистам. Они как-будто и отказаться от имперского наследия России-СССР готовы и даже покаяться перед поработочными народами предлагают, но как только начнут каяться — что-то их тотчас же и останавливает. В этом «что-то» нет ничего таинственного: согласно концепции этих националистов, жизнь народа русского «напоена православием» и он, если и грешен, то гораздо менее других народов — словом, Народ-Богоносец. А от нерусских территорий отказаться как? Ведь это значит — обречь народы, в прошлом связанные с едва ли не святой Россией, на «неизбежный провинциализм», консерватизм, отсталость.*

*Показательно, что не только черносотенцы (монах Илиодор, например) и сменовеховцы признали советскую власть, но и кое-кто из евразийцев (С. Эфрон и Д. Мирский). — *Ред.*

Два направления выделяются сейчас в русском национализме. Одно — откровенные империалисты. Они признают любую силу, способную сохранить и приумножить *внешнее* величие «единой и неделимой». Представители другого направления стыдливо прикрывают свою приверженность цезаре-папизму и неприятие демократии разговорами (часто, чтобы обмануть самих себя) об особом, отличном от европейского, пути России. К этому направлению относится большинство националистов-диссидентов. Ничего более реального, чем возвращение к полумифической допетровской России, они предложить не могут. Националисты второго направления презирают первых, прислуживающих сегодня советскому тоталитаризму. Но те видят в националистах-оппозиционерах своих союзников и иногда пытаются использовать их идеи для маскировки агрессивной сущности советско-российского империализма. И потому не кажется удивительным, что национал-большевик, придворный имитатор Илья Глазунов, любивший старательно украшать орденами грудь-подушку на портрете Брежнева, вдруг со страниц *советской* печати осмеливается повторять слова безусловного противника тоталитарного коммунизма Александра Солженицына. Что ни говори, есть у них что-то общее.

Между тем, русский народ, видимо, не менее других нуждается в подлинно патриотической партии, приверженцы которой могли бы честно, без ссылок на мифы, проанализировать пути русской истории и тем самым помочь русскому национальному самосознанию избавиться от раболепия, ксенофобии и мании величия. (Эти пороки присущи не только сознанию русских. Но поляки, например, или немцы сегодня уже не боятся говорить о них открыто — свидетельство высокого уровня общественной мысли и предпосылка духовного очищения).

А русские? Очень мало сейчас найдется в России людей, желающих защищать коммунистические идеалы, но «священным патриотизмом» заражены очень и очень многие. И не патриотизм это вовсе, а откровенный шовинизм: «Уж мы вас научим! Мы вам покажем!» И покажут, коли прикажут цари — они же идеологи. Россия-то — вон какая!

Попробуй сказать как-нибудь не так о «славных победах» российского оружия, тотчас же попадешь у себя на

родине в отщепенцы, если не во враги, а в эмиграции — в русофобы. Дозволяется «только верить» в Россию.

Россия... «Гром пушек на Босфоре», парадные залы дворцов, элитарная культура и занужденный, бесправный, в рабстве живущий народ. Сегодня, как и в прошлом.

Н. Гоголь:

«Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный Божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение?...»

«Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? — Никого мы не лучше, а в жизни еще неустроенней и беспорядочней всех их.»

*

Кто тебе сказал, что русский двор
Счастье даст грузинскому народу?
Что единство веры, если нрав
Так различен в навыках обоих?
Русским в подчинение попав,
Как мы будем жить в своих устоях?

Николаз Бараташвили, «Судьба Грузии»

Как жить «в своих устоях» не по доброй воле оказавшимся в составе империи мусульманам, католикам, протестантам, иудеям, которых с русскими не объединяет даже единство веры? В СССР, к тому же, и среди русских православные в меньшинстве. Идеология же коммунизма чужда в равной степени всем — и русским и нерусским, поскольку в основе своей она антинациональна.

Разное место определила судьба различным народам России-СССР.

Когда-то народы Поволжья и Урала жили за пределами восточных границ «истинно-русских» земель. Но завоевав в XVI-XVIII веках территории, населенные этими народами,

Россия продолжала движение на восток и на юг — в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию. И вот к востоку от татарских, башкирских, чувашских, марийских и иных нерусских земель вновь оказались земли, заселенные, в основном, русскими. Более того, русская колонизация Поволжья и Урала привела к тому, что и у себя на родине некоторые из этих народов оказались в меньшинстве.

Иначе сложилась ситуация в Средней Азии, где мусульманские народы довольно долго сохраняли свою государственность, или, скажем, в Прибалтике, тесно связанной с европейскими культурными традициями.

Судьба горцев Северного Кавказа не во всем подобна судьбе православной Грузии, при царе имевшей ряд привилегий (правда, эти привилегии распространялись лишь на тех, кто готов был служить империи; грузинский язык, грузинская культура подавлялись, грузинская история сознательно искажалась), или Армении, до сих пор разделенной.

Крымские татары, по воле уже советских властей, оказались без родины, евреи не имеют возможности воспитывать детей в традициях своей религии и культуры.

Украинцы и белорусы в царское время были лишены родного языка. Сегодня им, более чем другим народам, угрожает ассимиляция, способная погубить эти нации.

Везде и всегда подчеркивается близость украинцев и белорусов русским, но когда дело касается молдаван, язык которых фактически неотличим от румынского, то выпячивают как раз обратное — их особенность.

Условия жизни каждой из поработанных наций в чем-то отличны, и это отличие накладывает отпечаток на национальную идеологию того или иного народа. Важно, однако, другое. Важно, что в национальных устремлениях всех этих народов есть много общего. Все они не удовлетворены своим положением в составе империи и хотят добиться независимости или, по крайней мере, равенства в своих союзных отношениях с русскими.

Это утверждение не голословно. Доказательство тому — 1917 год.

Как только сбросили двуглавого орла, среди всех нерусских народов империи широко распространились

сепаратистские настроения. Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, к тому времени уже сильно русифицированная Белоруссия, Украина, Дагестан, Грузия, Армения, Азербайджан, Бухара... — все требовали самостоятельности, все готовы были за нее сражаться. Даже чувашаи, даже марийцы, о национальных претензиях которых в Российской империи слухом не слыхивали (впрочем, не очень и прислушивались). Некоторые народы пытались объединить свои усилия: мусульмане Поволжья и Туркестана пытались, например, создать республику Туран*.

Сепаратистские движения могли бы быть еще сильнее и в конце концов похоронили бы империю (вспомним, как боялись этого Шульгин и сменовеховцы), если бы большевикам, спекулируя на лозунгах интернационализма, не удалось привлечь на свою сторону часть национальных сил. К тому же и у большевиков и у националистов был тогда общий враг — белое движение, защитники «единой и неделимой».

Размах национальных движений в годы революции и гражданской войны был настолько широким, что Ленин, ранее считавший, что «не дело пролетариата проповедывать федерализм и национальную автономию», вынужден был пойти на создание советского государства на федеративных началах. При этом он подчеркивал, что «решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первой очередной задачей нашей партии».

Под сильным давлением национальных движений, а не по собственной воле изменил Ленин свою первоначальную позицию в национальном вопросе. И тем не менее изменил. И если бы отношения между республиками были бы действительно построены на принципе равного партнерства всех, можно было бы надеяться на решение значительной части национальных проблем нерусских народов бывшей империи. Но уже первая конституция Советского Союза, принятая после смерти Ленина, существенно ограничила права республик в пользу московского центра. А после того, как Сталин окончательно захватил власть, республики

* История революции 1917 года как революции *национальной* еще ждет своего исследователя.

превратились в колонии-провинции единой советско-русской империи.

Лет десять назад в одном из НИИ Минздрава Украинской ССР проходила апробация кандидатской диссертации врача из Ивано-Франковска. Рецензент, старший научный сотрудник, заканчивает свое выступление: «Соискатель должен лучше представлять материал. Его русский язык не идеален».

В этом же институте директор перебивает докладчика — заведующего лабораторией, профессора (тот докладывает по-украински): «Не могли бы Вы говорить на понятном всем языке?»

В киевском магазине продавщица — приезжей крестьянке с раздражением: «Та кажи вже по-человечески, по-русски!»

В прикарпатском городке Болехов трое приехавших из Киева врачей, раздеваясь в гардеробе ресторана, разговаривают между собой по-русски. Когда они, пообедав, вернулись в гардероб, их меховые шапки были изрезаны в куски.

Хочу заметить, что рецензент, директор института, продавщица и киевские врачи — украинцы.

В Таллине на улице на вопрос приезжего эстонец отвечает вежливо на чистом русском: «извините, но я не говорю по-русски».

Там же, в церкви Олевисте священник читает проповедь в присутствии сотен людей: «Есть различные системы власти: олигархия, демократия, социалистическая демократия и т. д. Но подлинная власть только одна — теократия, власть Бога над нашими сердцами». Говорит пастор по-эстонски, но желающие могут услышать и синхронный перевод на русский.

В Ташкенте на базаре узбеки — все в одинаково серых, массового производства, костюмах и тюбетейках, и потому все похожие друг на друга — заискивающе, на плохом русском предлагают свой товар, торгуясь из-за каждой копейки. В доме узбека-колхозника в кишлаке под Ташкентом: хозяин, в цветастом халате, сидит в окружении семьи на ковре и, полуприкрыв глаза, по-таджикски читает гостью рубай Хайяма.

Примеры не всегда бывают доказательными. Но сценки, подмеченные на Украине, в Эстонии и Узбекистане, на мой взгляд, характерны.

Не только в науке, но и в государственных учреждениях, на заводах и фабриках, в сфере обслуживания господствует в городах Украины русский язык. Продавщица, едва устроившись на работу в Киеве, учится презирать родной язык — хочет быть «городской». Новое мещанство говорит на своеобразном «суржике», коверкая как родной, так и русский язык. Они выбиваются в «люди». А чтобы стать «человеком», нужно говорить по-русски. Почти во всех вузах Украины преподавание идет на русском языке. Родителям естественно желать, чтобы их ребенок хорошо устроился в жизни, сделал успешную карьеру. И они вынуждены отдавать детей в русскую школу, так как иначе им потом не попасть в «русский» университет или институт. Да и простому рабочему русский язык нужнее украинского — не зная русского он не сможет прочесть чертеж, понять инструкцию мастера. И теле- и кинофильмы тоже на русском — не нужен украинский и для досуга. В украинской литературе и искусстве очень трудно пробиться чему-то самобытному, талантливому — цензура здесь намного жестче, чем в РСФСР. Историю Украины искажают, привязывают к истории «государства российского».

Все это вовсе не означает, что Украина уже не способна сопротивляться русификации. Протест украинцев не только стихийный (как в случае с шапками), но и осознанный, а часто и организованный. У всех на памяти украинское культурное возрождение 60-х годов, когда украинской интеллигенции едва не удалось отвоевать у русификаторов большие города — в те годы в Киеве украинский язык был языком не только приезжающих в город крестьян, но и языком культурных салонов, интеллигенции, творческой молодежи.

Эстонцы успешно отстаивают свой язык и по сей день. Вытеснение эстонского языка из социальной жизни в Эстонии не удалось, и центральные советские власти надеются русифицировать маленькую прибалтийскую республику прежде всего при помощи направленной миграции в города Эстонии русских, украинцев, белорусов. Эстонцы

оказывают сопротивление и тем самым защищают не только национальные, но и духовные (наднациональные) ценности.

Мы не много знаем имен мусульман-диссидентов. Формально успехи русификаторов в Средней Азии поразительны. Но только формально. Жизнь очень многих узбеков, таджиков и туркмен двухслойна. Они по-разному строят свои отношения с русскими (внешне демонстрируя согласие признать их господствующее положение) и со своими земляками (во многом традиционные, основанные на национальных и общемусульманских ценностях). Чем-то все это напоминает жизнь евреев в средневековом гетто: один стиль — в отношениях с населением и властями города, совершенно иной — в своей среде. Существенная разница в том, что евреи жили согласно двойной шкале ценностей в чужой стране, а мусульмане Средней Азии — у себя на родине. Кстати, из-за того, что скрытая сторона жизни народов Средней Азии малодоступна тем, кто не знает их родного языка, трудно сказать точно, какие настроения — националистические или панисламистские — шире распространены в этих республиках.

На Украине, в Прибалтике, на Кавказе, в Поволжье, Казахстане и Средней Азии — повсюду советская власть делает все возможное, чтобы вытеснить родной язык нерусских народов русским и культуру этих народов заменить ее эрзцем, маскирующим национальную форму антинационального содержания.

Подтверждая правильность предсказания Василия Шульгина, что большевики восстановят «Богохранимую Державу Российскую», власти в СССР пытаются сплавить десятки подсоветских национальностей в единую советскую нацию, говорящую на русском языке. Возможности у имперской власти колоссальные, и она, если не встретит сильного сопротивления нерусских народов, цели своей (и той, что определили для нее Шульгин и национал-большевики) добьется.

Создать единый советский народ — это значит ликвидировать нерусские народы как нации, русифицировать их до такой степени, чтобы люди забыли свое прошлое, родной язык, родную культуру. Поскольку после этого бывшие

«нацмены» говорить будут не на эсперанто, а по-русски, а своим прошлым будут считать историю России (последней страницей которой будет, по замыслу советских вождей, история СССР), то очевидно, что нерусские нации падут жертвой не абстрактного интернационализма, а вполне конкретного русского национализма (он же — империялизм).

И спасти нации от гибели сможет не интернационализм или космополитизм, которым нет до них никакого дела, а готовность нерусских защищать свои национальные интересы — т.е. *охранительный национализм*. В нынешних условиях, когда СССР — вовсе не союз суверенных республик, а империя с единым центром в Москве и национальными провинциями-колониями, большинство участников национальных движений видит единственное спасение в достижении независимости*.

Как мы видим, смысл национализма нерусских народов советской империи (в отличие от империализма российского) — в защите наций от гибели, от расстворения в едином русском народе.

Погибший в советском концлагере украинской поэт Василь Стус — человек в общем-то далекий от политики, поклонник Киркегора, Ясперса, Камю, — так объяснял свое участие в национальном движении:

«Я думаю, цель поэта — саморазвитие, свобода от всего того, что мешает творчеству. Но мой народ — в круговой осаде, его превращают в холопов, бессловесных рабов. И в этих условиях равнодушие к судьбе нации — аморально и губительно для творческой личности.»

Ситуация, в которой находится нация, определила судьбу поэта, сделала его бойцом.

Естественно стремление националистов воспитывать и поддерживать национальное самосознание в каждом соплеменнике. Лишь личная сопричастность к трагедии нации

* Требование независимости безусловно справедливо, вот только пути ее достижения должны быть определены с учетом реальностей сегодняшнего дня.

может заставить человека пойти на жертву ради ее спасения. Жертвовать тем труднее, что советские власти сейчас стремятся не физически ликвидировать «нацмена», а национально обезличить его, т.е. они дают возможность выбора. Более того, переход на русский язык, превращение в «русского» не только не сопряжено ни с какими трудностями, но, наоборот, дает массу преимуществ. Все это очень привлекательно для обывателя. Обыватель-приспособленец, прикрывшись броней собственного и семейного благополучия, кажется неуязвимым, непроницаемым для каких-либо идей, что не может не раздражать идеалиста-патриота.

Отсюда и проскальзывающие иногда у некоторых идеологов охранительного национализма агрессивные нотки. Порой забывается, что каждый человек должен сам, непременно сам, определять свой жизненный путь и меру возможной жертвы, что безответственно раздувать массовый психоз и тем самым вовлекать в национальное движение людей, до конца не осознающих смысл своих поступков.

Все это легко декларировать, но гораздо труднее найти в страшных условиях советской действительности ту форму деятельности, которая могла бы привести к успеху национального дела и в то же время оставалась в рамках нравственно допустимого.

Михаил Хейфец в книге «Украинские силуэты» приводит слова своего союзника Романа Семенюка, в прошлом бойца Украинской повстанческой армии, воевавшей как против большевиков, так и против немцев:

«Я так казав маты: я пидняв зброю на людыну, мене за це можуть вбыти и це буде справедливо. Я знаю, на що иду — я християнин, маты»¹².

Конечно, для христианина и убийство, за которое заплачено собственной жизнью, есть зло, т.е. поступок нехристианский. И все же нравственный потенциал Романа Семенюка (понимающего, что, убивая во имя своего народа, он тем не менее совершает грех) гораздо больший, чем у

12. Михаил Хейфец, «Украинские силуэты», «Сучасність», 1983, с. 197.

миллионов его современников, считающих убийство во имя «высшей идеи», часто национальной, подвигом.

Сегодня борьба за освобождение нации ведется не военными средствами, и потому пример Семенюка может показаться неактуальным. Мне же кажется, что оценивать свои действия по шкале высших моральных ценностей необходимо во всех без исключения случаях. Даже тогда, когда речь идет о таком безусловно правом деле, как защита нации от гибели.

Еще одна серьезная проблема. Угнетенные Россией народы немало страдали по воле петербургско-московской власти. Очень многие испытывают желание отомстить угнетателям, причем часто жажда мести распространяется не только на властителей империи и их подручных, но и на всех русских. На это чувство рассчитывают некоторые лидеры национальных движений (особенно в эмиграции). — Если мы не будем воспитывать ненависть, как мы сможем поддерживать в массах готовность к борьбе за свободу? Мы имеем на это право — нам причинили много горя, — сказал в разговоре со мной очень уважаемый деятель одной из национальных эмиграций. В ответ я привел слова Данилы Шумука о том, что у него нет ненависти ни к какому народу — ни к русским, ни к полякам, ни к немцам. Шумук убежден, что националисты, готовые использовать в борьбе любые средства, не страшны большевикам, потому что

«такие „националисты“ укрепляют их пропаганду против национализма и помогают им мобилизовать против национализма весь народ. Самым страшным врагом для них являются *культурный гуманизм* и *благородный национализм* — этой идее им нечего противопоставить.»

Более сорока лет провел украинский патриот Данило Шумук в неволе — в польской тюрьме, в нацистском лагере для военнопленных, в советском концлагере. Бог уберег его от ненависти.

Все, о чем говорилось выше, касается проблем охранительного национализма. Но встречаются в национальном движении поработанных или зависимых от советско-российской империи народов люди, чей национализм лишь по форме охранителен. По существу же он, подобно российско-имперскому, агрессивен.

В подпольном польском журнале «Biuletyn Dolnoślaski» (1985, N 1) напечатана статья Ю. Билета. Автор утверждает, что Речь Посполитая в XVI-XVIII веках способствовала «самостоятельному развитию малых народов», и предлагает украинцам, литовцам и белорусам бороться за федерацию с Польшей (в которой, судя по оценке автором исторической роли Речи Посполитой, поляки будут иметь наиболее сильные позиции). То есть империя по русскому образцу — плохо, а по польскому — хорошо. Правда, чтобы узнать, действительно ли Речь Посполитая гарантировала «малым» народам национальные права, лучше познакомиться с мнением на этот счет не поляка, а украинцев, литовцев или белорусов. Надо сказать, что история на этот вопрос уже ответила, поведав нам о множестве массовых антипольских выступлений на Украине и в Белоруссии.

Еще один пример агрессивного национализма. Вот что рассказывает в своих «Лекциях по истории Украины» Валентин Мороз, имя которого достаточно хорошо известно в эмиграции:

«...железо решит, сколько будет украинских губерний. Так всегда было, и так всегда будет... Так будет и у нас, в украинской истории. Нужен новый Конотоп, нужна новая битва, которую Украинцы выиграют у Москвы... кто не хочет иметь много, тот не будет иметь и мало... Судьба таких земель, как Пряшевщина, Закерзонье или Кубань, будет решаться в Киеве. Если будет сильное движение, сильный организм на Украине, то мы тогда будем иметь столько территории, сколько есть земель, где живут украинцы и которые для нас являются жизненно важными. Это вопрос силы. Тут важно только определить пространство, чтобы не тратились напрасно усилия на такие территории, которые не могут геополитически быть обеспечены для Украины... Будет очень долгая борьба за переходную степную полосу до Волги и на восток от Волги... Украинский элемент и в наше время разными путями продолжает проводить этническую экспансию на восток. Украинцев очень мало интересует пространство от Чернигова и Сум на север. Но Украинца всегда интересует степное пространство, которое тянется полосой очень далеко на восток, аж до Сибири.»¹³

13. В. Мороз, Лекції з історії України, «Anabasis Magazine», Торонто, 1982.

А один из участников грузинского национального движения возмущается тем, что в *столице Абхазии Сухуми* был открыт абхазский университет и телевидение начало вести регулярные передачи на абхазском языке. Более того, он счел для себя возможным обратиться к Первому секретарю ЦК компартии Грузии с призывом *арестовать* активистов абхазского движения за культурную автономию. Этот человек вскоре сам стал жертвой репрессий, при помощи которых предлагал решать межнациональные проблемы.

Словом, некоторые националисты не прочь подменить вопрос о защите интересов своего народа вопросом о том, как добиться выгодного для нации *геополитического* положения за счет соседей. К счастью, эта тенденция встречает отпор со стороны наиболее авторитетных участников национальных движений (думается, правда, что этот отпор должен быть более энергичным).

Рядом с наиболее радикальными группами националистов находится довольно много людей, у которых нет сколько-нибудь выраженных *фобий* по отношению к другим народам, но есть ощущение комплекса неполноценности, порожденного веками народного бесправия и унижений. В зависимости от личных качеств человека и общей ситуации этот комплекс может проявлять себя в большей или меньшей мере. Иногда он порождает слепую ненависть ко всем, кто, по мнению комплексующего, недостаточно внимателен к проблемам его народа. Иногда же, наоборот, заставляет прилагать колоссальные творческие усилия для того, чтобы «по каплям выдавливать из себя раба».

К крылу наиболее терпимых и либеральных националистов (подобных Д. Шумуку и украинским «шестидесятникам») примыкает группа оппозиционеров-сепаратистов, которых в прямом смысле слова националистами не назовешь. Это безусловные противники российско-советского империализма, защитники прав человека и национальных прав *всех* (без какого-либо предпочтения) народов Союза.

Довольно широк спектр оттенков у национальных движений нерусских народов советско-российской империи, но в общем все они имеют целью *защиту* народов от

угрожающей им денационализации. Хотя национальные движения борются за то, чего нации сегодня не имеют, — за независимое государство, их цели остаются охранительными: по мнению участников этих движений, без достижения независимости защита национальной культуры, национальных форм жизни от все усиливающейся русификации невозможна.

*

И русский национализм мог бы, вероятно, быть национализмом охранительным, т. е. защищать интересы именно русской нации, положение которой сегодня далеко не благополучное. Мог бы, да пока не стал. Дело, конечно же, не в том, что русские националисты, в отличие от националистов нерусских, — все как один люди безнравственные. Причина в другом.

Исторически так случилось, что русская культура, русские национальные традиции сложились под византийским влиянием. Даже послепетровская Россия, хотя и приделась по-западному, продолжала следовать перенятому у Царьграда принципу цезаре-папизма. Русский национальный стиль жизни возник из взаимовлияния и взаимопроникновения народных (языческих), часто только местных, традиций и греческого православия (в форме славянского обряда), догматически отличного от христианства западного. Со временем разделение церквей (и двух стилей жизни — русского и европейского) все более увеличивалось, особенно после Возрождения и Реформации, которых не знали русская церковь и русская культура.

Даже те русские националисты, что на словах отказались от следования имперским традициям и проповедуют «изоляционизм», боятся влияния Запада с его прагматизмом, секуляризацией, буржуазностью. Боятся, что это влияние может погубить «устои» русских. Причем к недостаткам европейского влияния многие националисты относят и то, что оно способно помочь развитию личностного сознания русских и содействовать демократизации общественной жизни страны, которая, по моему убеждению, только и может возродить Россию и *духовно* раскрепостить русских. И конечно же, любому противнику западного влияния легче противостоять ему, имея на своей стороне могущественную

(пусть даже только внешне) державу, которая может существовать хоть и плохо, но независимо от Запада. И потому «изоляциялизм» таких националистов не последователен.

Еще один фактор, очевидно влияющий на сознание какой-то части русских националистов. Национализм, в основе которого лежит принцип защиты интересов только своей этнической группы, дурно пахнет: «голос крови», «Германия — только для немцев», борьба против «безродных космополитов» и т.п. В западном мире под национальными интересами подразумевают сейчас интересы всех граждан того или иного государства, без различия их этнического происхождения. Это внешне выглядит демократично. Аналогичным образом относятся к нерусским в СССР-России и некоторые русские националисты: «Пусть не добровольно связали вы свою судьбу с Россией, но так уж случилось. Так будьте же русскими — тогда и о вас в равной мере будут наши заботы».

Подобный подход и в условиях западных демократий мне кажется упрощенным (национальные конфликты знакомы и Западу). Особенность же национального вопроса в СССР в том, что эта последняя на Земле империя. И в силу этой особенности даже «благожелательное» отношение русских националистов к нерусским народам чревато трагедией — уничтожением десятков наций, суммарно включающих в себя, как минимум, половину всего населения империи.

Объективное зло — в самом существовании империи. Это оно превращает добрые чувства русских националистов в злые. Но, в свою очередь, и без русского имперского национализма существование империи невозможно. Порочный круг. Разорван он может быть тогда, когда нерусские народы империи смогут реализовать свое право на самоопределение и каждый человек получит возможность свободно выбирать место проживания. Лишь после этого на всех русских и тех нерусских, что *по доброй воле* предпочтут остаться в России, сможет русский националист, не боясь угрызений совести, распространить свою заботу и покровительство.

ПОД ЛЕЖАЧИЙ КАМЕНЬ И ВОДА НЕ ПОТЕЧЕТ

(Несколько замечаний по поводу одной полемики)

В статье «О лозунгах и реальности» («Форум» N 10, 1985) Малинкович пишет: «Русификация в национальных республиках зашла настолько далеко и проводится столь интенсивно, что если она не встретит серьезного общественного сопротивления судьба нерусских народов СССР будет решена в самое ближайшее время».

Хейфец же («Форум» N 12, «Антитела против ассимиляции»), отвечая на вопрос о высказывании украинского историка и политзаключенного Юрия Бадзьо, что «насильственная русификация угрожает самому существованию украинского народа как нации», говорит: «Я вполне понимаю отчаяние Юрия Бадзьо, его ужас перед возможностью этнической гибели своего народа, но с ним категорически не согласен... Достаточно, однако, напомнить, что евреи, вопреки всем предсказаниям, просуществовали в рамках чужих господствующих культур тысячи лет... Историческая действительность доказывает, что на самом деле у нации есть гораздо более сильные и глубокие механизмы, чем это иногда кажется ее благородным, но отчаявшимся защитникам.»

По-моему, Михаил Хейфец не прав. Его ссылка на механизмы прошлого мне кажется неуместной. «Историческая действительность», о которой он говорит, — это действительность *прошлого*, действительность исторических условий, которые уже быльем поросли. Евреи жили в течение многих веков в окружении чужих культур, но в основном замкнутые в своих гетто, а в позднейшее время, когда гетто уже не было, все-таки, *в основном*, в своей среде, в особенности, в странах Восточной Европы; *насильственных мер*, ведущих к ассимиляции, там не было. Именно эта обособленность (даже полностью абстрагируясь от вероисповедания) создала предпосылки расцвета новейшей

еврейской культуры и способствовала формированию современного еврейского (не древнееврейского) языка в XIX, а в особенности в XX веке. Возрождение и расцвет еврейской культуры в странах Северной и Южной Америки в конце XIX и в первой половине XX века черпали свои питательные соки в еврейских конгломерациях стран Восточной Европы, в непрерывном притоке живых сил и культурных деятелей из этих стран. Кроме того, эмигранты-евреи, прибывавшие в Америку, жили и там, в основном, компактными массами. А сейчас? Сейчас редко кто из американской еврейской молодежи знает еврейский язык, а если немного знает — редко им пользуется и еврейских книг не читает. Ассимиляция продвигается там с невероятной быстротой. Почему? Кроме ряда общих причин, решающую роль в отмирании еврейской культуры в Америке сыграло *уничтожение административными мерами* этой культуры в СССР и во всех странах Восточной Европы. Не считая Израиля, где совершается возрождение еврейского народа в своем государстве, на наших глазах совершается уничтожение остатков еврейского народа во всех странах Восточной Европы путем насильственной ассимиляции. Гитлер физически истребил шесть миллионов евреев, но это не могло бы привести к уничтожению их как нации. Эту последнюю задачу решает советская политика.

Нельзя также рассматривать проблемы русификации украинцев и белорусов, подходя к этому с меркой прошлых веков, в частности, без учета специфических советских условий. В столице БССР Минске нет *ни одной* школы, в которой учеба велась бы на белорусском языке. В Минском университете все предметы преподаются на русском языке. Многие белорусские прозаики с горечью говорят, что их произведения больше читаются в русских переводах, чем на родном языке.

На Украине немного лучше, но и там применяются — наряду с прямыми административными — всяческие хитроумные меры к вытеснению украинского языка.

В царское время тоже проводилась политика русификации. Однако, основная часть народа — деревня — жила своей жизнью, относительно замкнутой. Даже безграмотность способствовала сохранению в нетронutom виде родной

народной речи. Все это в далеком прошлом. Много уже написано о массовом перемещении русских в национальные республики и коренных жителей — в русские области; о военной службе литовцев, белорусов, украинцев и т. д. не на родной территории; о сотнях других рычагов государственного аппарата, для вытеснения местного языка и замене его русским. Национальная культура нерусских народностей все более начинает играть лишь декоративную, показную роль.

Один из основоположников новейшей белорусской литературы, Франтишек Богушевич, еще в прошлом веке писал: «Берегите родной язык. Язык — это душа народа. Потеряете язык — потеряете душу.» Всем нерусским народам СССР, а прежде всего украинцам и белорусам, угрожает потеря души, своего национального облика. Это жестокая историческая действительность нынешнего дня.

В прошлом не было такого уклада жизни, как в конце XX века (не только в СССР), и потому везде возникают условия для размывания обособленных этнических групп в крупных государствах, даже без средств принуждения и насильственной ассимиляции. Поэтому все доводы Михаила Хейфеца сегодня неприменимы. Полагаться сегодня на какие-то мифические «антитела» никак нельзя. Под лежащий камень и вода не потечет.

Я уверен, что и М. Хейфец является противником пассивности. Однако, утешать, указывая на неистребимые силы, дремлющие в каждом народе даже в тягчайших условиях, недостаточно. Угроза слишком велика. Важно выискивать пути и средства, могущие «антитела» привести в действие.

Статья Малинковича именно тем особенно ценна, что предлагает ряд конкретных мер сопротивления русификации. Это своего рода важный программный документ. К предлагаемым в этой статье требованиям я бы лишь добавил одно: русские работающие на территории национальных республик, должны в обязательном порядке изучать и знать местный язык.

На стр. 13 Малинкович пишет: «Привлечь внимание Запада к национальным проблемам СССР очень трудно, но тем не менее очень важно». К этому я бы добавил: внимание Запада находится в прямой зависимости от *размаха*, силы

национального движения. Чем шире оно будет, тем более будет расти интерес Запада.

Наблюдая рост внутренних противоречий в СССР, нельзя не прийти к выводу, что в борьбе за свержение тоталитарной власти роль национальных движений будет непременно расти — вполне вероятно, они сыграют решающую роль.

Наконец, еще одно замечание: Малинкович пишет, что Драгоманов не верил в возможность независимости от России и добивался лишь автономии. Это не совсем так. В своих планах переустройства России (царской империи) на демократических началах Драгоманов действительно писал об автономном самоуправлении каждой области. Однако, из всего того, что он в этой связи писал, логически вытекает, что он это рекомендовал как *первый шаг*, не предрекая наперед, что будет потом. Здесь не место распространяться на эту тему. Стоило бы опубликовать в «Форуме» особую статью о взглядах Драгоманова на национальный вопрос. *Все* что он писал на эту тему свыше ста лет назад чрезвычайно интересно.

Читатель из Белостока.

РЕЛИГИЯ И НАЦИОНАЛЬНОСТЬ В СССР*

Образ Советского Союза как государства не просто атеистического, но и населенного людьми, исповедующими различные религии, представить себе западному человеку еще сложнее, из-за наличия всякого рода культурных и идеологических барьеров, чем образ СССР как многонациональной империи. Значительным достижениям западной науки в исследовании религиозного и национального аспектов жизни советского общества до сих пор не отвечает уровень исследования их взаимоотношений. Эта проблема важна для понимания динамики советской национальной политики и этнически-культурной жизнестойкости, сохранившейся вопреки немалому числу «идеологических» решений. Эту взаимозависимость следует принимать во внимание и при оценке влияния политической интеграции и культурно-языковой ассимиляции на способность к выживанию отдельных религий в СССР.

Настоящая статья может лишь частично и лишь временно заполнить существующий пробел исследованием объема, разветвлений, и импликаций сложных и переменчивых взаимных отношений между институционной религией и национальностью в государстве, которое одновременно стремится к слиянию всех наций в «единый советский (и русский, во всяком случае по языку) народ» и к окончательной ликвидации в обществе всех и всяческих религий.

Руководителям коммунистической партии давно известна проблема, которую создает для советской религиозной

Б. Боцюркив — известный специалист по проблемам религии, профессор Карлтонского университета в Оттаве (Канада). «Форум» предлагает перевод расширенной версии доклада Б. Боцюркива на съезде Канадской ассоциации славистов в июне 1983 г. в Ванкувере.

и национальной политики взаимозависимость религии и национальности. Но только при Брежневе этим проблемам уделено первоочередное внимание в советских программах политического воспитания молодежи и взрослого населения (особенно среди нерусских). Оно проявляется в различных формах воспитательной работы от так называемого «интернационально-атеистического воспитания» до синтетических «новых советских обрядов». В то время, когда Кремль все чаще обращается к «советско-русскому» национализму в поисках наиболее подходящих символов интегрирования и легитимации, которые могли бы как-то компенсировать широко распространившееся циничное отношение к «марксизму-ленинизму», — русское православие (вера, которая служила интересам легитимации и была объединяющей силой в бывшей царской империи) завоевывает все большее количество приверженцев — «неофитов» из среды русской интеллигенции и молодежи. Явно амбивалентное отношение режима к растущей популярности русского православия свидетельствует о наличии дилеммы, перед которой стоит советское руководство. С одной стороны, православие, исторически связанное с бывшим царским режимом и традиционным русским национализмом, ставит под сомнение законность диктатуры партии и ее господства над нерусскими, в частности неправославными, народами. С другой стороны, по мере того, как старая *национальная* символика теряет свое объединяющее значение, а демографическое равновесие начинает сдвигаться в пользу нерусских (особенно за счет Средней Азии), потенциал русского национализма и православия в качестве средства русификации украинцев, белорусов, молдаван и некоторых других европейских наций и их интеграции в меньшую, «белую» версию «единого советского народа» может все более привлекать некоторую часть советской политической элиты.

Модели

Природа и устойчивость взаимоотношений между институциональной религией и национальностью различаются не только между разными нациями или разными религиями,

но и в пределах одной и той же нации. Практически всегда они зависят от политических и демографических изменений. Из всех факторов, которые вызывают изменение структуры традиционных этнически-религиозных моделей, самый существенный для любого народа — утрата им политического контроля над своей судьбой.

Для определения основных моделей связи институциональной религии с национальностью в СССР можно использовать четыре показателя:

1. Исторически сложившиеся (положительные или отрицательные) взаимоотношения между господствующей в данной национальной группе религией и этно-культурной жизнестойкостью и формированием нации;

2. Степень, в которой данная религия или религиозные установки использовались имперским режимом (царским или советским) в качестве средства вненациональной интеграции и подавления этнической, культурной или языковой особенности подвластного народа («разрушение нации»);

3. Влияние (в частности продолжительность и интенсивность) «советизации» (точнее — советской политической социализации, модернизации и межреспубликанской миграции) на традиционную взаимозависимость религии и национальности; и наконец

4. Характерные признаки данной религии, в число которых входят: ее отношение к государству, ее организационная структура, местонахождение ее высшего духовного руководства (в пределах или за пределами советской сферы влияния), число верующих, где в основном находятся и какое политическое влияние имеют единоверцы за рубежом, мера ее способности приспосабливаться к политическим и социальным изменениям, степень ее податливости советской инфильтрации и контролю.

Используя эти показатели, можно выделить семь имеющихся в СССР основных моделей взаимосвязи институциональной церкви с национальностью, а именно: «имперская церковь», «национальная церковь», «традиционные автохтонные секты», «вненациональные религиозные общности», «национально-религиозное рассеяние», «совре-

менные космополитические секты» и «националистические религиозные культы».

Имперская церковь

Модель «имперской церкви» происходит от византийской традиции «симфоничной» взаимозависимости между *sacerdotium* и *imperium*. На практике эта «симфония» означала подчинение церкви императору, легитимацию и укрепление его авторитета при помощи церковных доктрин и церковной дисциплины в обмен на поддержку императора и защиту от домашних ересей и иных вероучений. Пределы территориальной юрисдикции церкви и государства признавались одинаковыми. В послании Вселенского патриарха Великому князю московскому в конце XIV века утверждается, что нельзя себе представить, чтобы у христианина могла быть церковь и не было бы царя; ведь государство и церковь так тесно связаны, что их нельзя отделить друг от друга¹.

Во многонациональной Византийской империи имперская церковь не только служила основным средством вненациональной интеграции и социализации, она также применяла церковную кару (экскоммуникацию и анафему) против тех, кто выступал против целостности империи или законности прав ее правителя. В свою очередь правитель пользовался императорской властью для того, чтобы воспрепятствовать возникновению отдельных национальных церквей, которые угрожали бы влиянию имперской церкви в государстве².

В Советском Союзе лишь Русская православная церковь (РПЦ) укладывается в рамки традиционной модели «имперской церкви», но с учетом атеистической направленности советского государства. В то же время она остается

1. См. в книге: P. Milucov, *Outlines of Russian Culture, Part I*, Филадельфия, 1943, с. 18.

2. Следует обратить внимание на оппозицию Константинопольского патриарха по отношению к автокефалиям Русской (XV-XVI вв.), Эллинской (XIX в.) и Болгарской (XIX-XX вв.) православных церквей. Подобным же образом Московская патриархия после 1917 г. выступает против церковной независимости православной церкви в Грузии (признана лишь в 1943 г.), Белоруссии, Польше и на Украине.

исторической национальной церковью русских и наследницей двух (традиционных в русской истории) типов отношений между церковью и государством.

Первый тип основан на доктрине «Москва — Третий Рим». Она была разработана русскими церковниками после одностороннего провозглашения автокефалии московской церковью в 1448 году, которое отделило эту церковь от Константинопольского патриарха. Эта доктрина определила как для московского государства, так и для московской церкви миссию (якобы от Божьего провидения) — объединить все христианство вокруг Третьего Рима — Москвы, «последнего вселенского земного царства перед приходом небесного царства»³. Это было что-то иное, чем только теоретическая формула. Доктрина подводила основание под политическую и церковную экспансию Москвы. Это заметил Николай Бердяев:

«Под символикой мессианской идеи Москва — Третий Рим произошла острая национализация церкви. Религиозное и национальное в московском царстве... между собою срослось... Но религиозная идея царства вылилась в форму образования могущественного государства, в котором церковь стала играть служебную роль»⁴

Другим элементом в историческом наследии РПЦ, который заменил (хотя и не вполне устранил) мессианскую формулу Третьего Рима была «эрастийская» модель церкви, подчиненной государству, — модель, которую перенес из протестантских стран Северо-Западной Европы на российскую почву Петр I.

Экспансия РПЦ проходила параллельно с установлением господства русского государства над соседними восточнославянскими народами: постепенное поглощение Левобережной Украины Московской империей после Переяславской рады 1654 года сопровождалось присоединением Киевской православной митрополии в 1686 году. Результатом этого были окончательное расчленение украинской

3. William K. Medlin, *Moscow and East Rome: A Political Study of the Relations of Church and State in Muscovite Russia*, Женева, 1952, сс. 93-95.

4. Николай Бердяев, *Истоки и смысл русского коммунизма*, Умса-Press, Париж, 1955, сс. 9-10.

церкви на несколько провинциальных епархий, непосредственно подчиненных Святейшему Синоду в Санкт-Петербурге, русификация ее иерархии, обрядов и церковного языка. Подобная же судьба ожидала уцелевшие православные епархии на Правобережной Украине и в Белоруссии после разделов Польши. В 1839 г. Униатскую церковь в Белоруссии и на Правобережной Украине заставили раствориться в РПЦ под ширмой так называемого «воссоединения» с последней. После этого она сохранилась лишь под Австро-Венгерской властью — в Галиции и Закарпатье. Аннексия Бессарабии Россией позволила ассимилировать Молдавскую православную церковь в рамках имперской церковной структуры.

После периода конфронтации с советским режимом РПЦ в конце-концов вновь взяла на себя некоторые из своих дореволюционных функций, в частности — функцию имперской интеграции украинцев, белорусов, молдаван и некоторых малых неславянских народностей, путем возвращения их в православие. Характерно, что даже тогда, когда Московская патриархия жестоко преследовалась новым коммунистическим режимом, она решительно боролась против движения за автокефалию на Украине, которое после 1917 г. пыталось избавиться от последствий русификации и хотело демократизировать православную церковь на Украине, превратив ее в независимую от Москвы. Эта борьба продолжалась в двадцатые годы вплоть до того времени, когда сталинский режим не уничтожил Украинскую автокефальную православную церковь (УАПЦ), обвинив ее в «буржуазном национализме» и «контрреволюции»⁵. Когда во время немецкой оккупации Украины в годы II мировой войны вновь возникла УАПЦ, Московская патриархия объединилась со сталинским режимом в пропагандистской войне против этой церкви на Украине и такой же церкви в Белоруссии. После возвращения советских войск на Украину парафии ликвидированной УАПЦ вновь вынуждены были вернуться в лоно РПЦ.

5. В. Bociurkiw, «The Ukrainian Autocephalous Orthodox Church, 1920-1930: A Case Study in Religious Modernization», Dennis I. Dunn (ред.), *Religion and Modernization in the Soviet Union*, Болдер, 1977, сс. 310-347.

Показательно то, что историческое изменение национальной политики Сталина, от «интернационалистической» ленинской до почти откровенной поддержки русского национализма как объединяющей силы в многонациональном Советском Союзе, сопровождалось, начиная с 1938 года, официальной «реабилитацией» исторической роли РПЦ в строительстве российского централизованного государства. После страшных погромов и религиозных преследований на протяжении двух десятилетий РПЦ было поручено после нацистско-советского раздела Польши в 1939 г. приятное задание привести под церковный и политический контроль Москвы большие православные епархии в аннексированных западных областях Украины и Белоруссии. Подобным же образом расширилась юрисдикция Московской патриархии после аннексии православных земель Бессарабии и Северной Буковины в 1940 г. и трех балтийских государств с их православными церквями национальных меньшинств.

Но, безусловно, наиболее драматическим проявлением новой «симфонии» между русской церковью и Кремлем (символом которой стала встреча Сталина и Молотова с ведущими иерархами РПЦ в сентябре 1943 г.) была послевоенная ликвидация Украинской греко-католической церкви в Галиции и Закарпатье. Церковь эта была насильно «воссоединена» с РПЦ при помощи сотрудников советских органов безопасности, взявших на себя беспрецедентную роль «миссионеров» имперской церкви.

Лучшей иллюстрацией роли РПЦ как фактора интеграции прежде всего «младших братьев» — украинцев и белорусов — с русским ядром империи может служить тот факт, что РПЦ является единственной всесоюзной многонациональной организацией в СССР, которая сохранила свое дореволюционное название («Русская») и свою «монархическую» (патриархальную) централизованную структуру. Лишь старинная Грузинская православная церковь, благодаря тому, что Сталин отказался «воссоединить» ее с Московской патриархией, избежала объятий своего духовного «старшего брата» после того, как восстановила свою автокефалию в 1917 г. В своей ограниченной сфере РПЦ символически представляет то, что советские лидеры,

вероятно, считают сутью «новой исторической общности — советского народа», т. е. слияние украинцев, белорусов с русскими в «новую Русь». В стремлении достигнуть такого слияния, надо понимать, нет принципиальных расхождений между патриархатом и Кремлем. В этом стремлении едины большинство русских (как в Советском Союзе, так и за его пределами) и правящий в СССР режим.

Национальные церкви

Национальные церкви — это уникальный симбиоз религиозного и национального сознаний, которые усиливают и поддерживают друг друга. К верующим национальной церкви относятся (очевидно — с некоторыми исключениями) лишь представители данной нации — в отличие от имперской церкви. Такой религиозно-этнический симбиоз проявляет себя организационно в форме независимой или автономной церковной структуры, которая строится на собственной территории этой нации и объединяет ее представителей как на родине, так и в рассеянии. Она имеет особое значение для той нации империи, которая утратила независимость и стремится к государственности. Из-за отсутствия других автономных этнических структур национальная церковь становится убежищем для национальных традиций и культуры, узаконивает борьбу за их сохранение и, по крайней мере косвенно, за национальное освобождение, принимая на себя роль выразителя «подлинных» национальных интересов. Соответственно, как имперское правительство, так и имперская церковь стараются нарушить этот религиозно-этнический симбиоз, используя различные методы — от «привлечения» или «кооптации» духовной элиты до суровых ограничений или даже объявления вне закона деятельности национальной церкви.

В СССР примерами «модели» национальной церкви могут служить древняя Армянская григорианская церковь (АГЦ), объединяющая армян в Советском Союзе и за рубежом, Грузинская православная церковь (ГПЦ), Литовская римско-католическая церковь и Украинская грекокатолическая церковь. Последние две церкви можно было бы также включить в категорию межнациональных религий

(католичество), но, принимая во внимание тесную взаимосвязь религии (обрядов) и национальности в Литве и на Западной Украине, их следует классифицировать как «национальные» церкви. Обе церкви в какой-то мере связаны с литовским и украинским «национализмом» и трактуются соответствующим образом советским режимом.

АГЦ косвенно признана режимом как «национальная» организация и имеет намного больше верующих в рассеянии за пределами СССР, чем внутри страны. Советская власть даже стимулирует главу этой церкви, «католикоса всех армян», поддерживать широкие международные контакты и конкурировать с «католикосом Силиции» (который находится в Ливане), добиваясь не только духовной, но и политической лояльности проживающих за рубежом армян. В то время, как лояльное режиму руководство АГЦ пользуется материальными и прочими льготами, предназначенными для высшей советской элиты, сама эта церковь находится под неослабным контролем государственной власти, а ее монастыри, семинарии и церкви по своему количеству и влиянию — лишь тень того, что было до революции. Учитывая географическое положение Армении и армяно-турецкую вражду, Кремль не считает армянский религиозный национализм представляющим серьезную угрозу для своей власти в Закавказье.

Грузинская православная церковь (ГПЦ), напротив, все еще сохраняет живую память об угнетенном состоянии, в котором она находилась по воле Российской империи и имперской церкви. Будучи государственной церковью еще с первой половины IV столетия, ГПЦ была поглощена русской церковью в 1811 г., т. е. через десять лет после присоединения Грузии к России. На место католикоса Санкт-Петербург назначил экзарха. Причем все экзархи, кроме первого, были русскими. Языком богослужений в Грузии стал совершенно непонятный грузинам русский язык. Лишь после революции 1917 г. уцелевшие грузинские епископы провозгласили восстановление грузинской автокефалии. Московская патриархия отказывалась ее признавать до тех пор, пока ее не «убедил» в целесообразности такого шага осенью 1943 г. Сталин. Лишь небольшая часть грузинских монастырей и церквей уцелела после сталинского правления и хрущевской

антирелигиозной кампании 1959-64 гг. В 1972 году только 60 церквей (из 2455 накануне 1917 г.) действовали в республике. Из самиздата последних десяти лет мы узнаем о вандализме, осквернении и ограблении национальных церквей партийными и продажными церковными деятелями. Религиозные и национальные настроения в Грузии имеют намного большую антирусскую направленность, чем в Армении. Лишенная, в отличие от армянской церкви, многочисленных и богатых мирян за пределами страны, ГПЦ была более чувствительной к давлению режима. Тем не менее, начиная с 70-х годов, она получает сильную поддержку со стороны грузинской интеллигенции и даже некоторых официальных лиц.

Литовская римско-католическая церковь (ЛРКЦ), попав под советскую власть лишь во время II мировой войны, не знала того антирелигиозного террора, который ощутили на себе грузинская и армянская церкви в 1929-38 гг. Хотя продолжительность религиозного симбиоза с национальным сознанием в Литве составляет не более двух столетий (т.е. со времен разделов Польши в конце XVIII в.), межвоенный период независимости завершил процесс религиозно-этнической консолидации. После того как Советский Союз поглотил независимое литовское государство, церковь осталась единственной в СССР литовской организацией, которая выступала в защиту национальных интересов Литвы не только внутри страны, но и в Ватикане. Она подверглась репрессиям за то, что отказалась осудить националистическое движение сопротивления после войны. Советские попытки добиться отделения ЛРКЦ от Рима окончились неудачей, несмотря на массовые репрессии против иерархии и духовенства. Каноническое подчинение ЛРКЦ Римскому папе до сих пор сводило на нет все попытки советских проникнуть в иерархические корни литовского католицизма. Одновременно религиозно-национальное сознание литовцев дало им возможность компенсировать запрещение режимом католических монашеских, просвещенческих и издательских организаций при помощи «подпольной» церковной сети, которая действует в тени легальной церкви. Подпольная «Хроника Литовской католической церкви», самый популярный самиздатский журнал в

Литве, выходящий с 1972 г., — лучшее доказательство взаимосвязи религии и национализма в Литве и свидетельство постоянной национально-объединяющей (с другой стороны — разлагающей для империи) роли, которую играет Литовская католическая церковь.

Украинская греко-католическая церковь (УГКЦ) в Галиции (в несколько меньшей степени и в Закарпатье) также представляет собой подобный симбиоз между религией (и религиозным обрядом) и национальностью. Этот симбиоз возник в конце прошлого столетия в тех частях Украины, которые вплоть до недавних времен не входили в состав Российской империи. Когда-то популярная в Польско-литовском государстве Украинско-белорусская («Рутенская») униатская церковь, известная с конца XXVI в., была ликвидирована в Белоруссии и на большей части украинских земель после разделов Польши общими усилиями Российского имперского правительства и РПЦ. То, что уния выжила в Галиции, которую аннексировала Австрия, имело решающее значение для национального возрождения в этой части Украины. УГКЦ — уравниваемая в правах с римско-католической церковью политически и экономически господствующего в Восточной Галиции польского меньшинства — обеспечила основную организационную структуру, руководящие кадры и ресурсы для народного движения, которое с началом XX века стало массовым, имело целью достижение независимости и возглавлялось светским руководством, что соответствовало духу времени.

Драматический контраст между отношением имперской православной церкви к украинской революции и государственности в 1917-20 гг. и отношением УГКЦ к Западно-украинской народной республике иллюстрирует возможности институциональных религий в деле разрушения и создания государства. На Восточной Украине, полностью православной, в 1917-19 гг. нельзя было найти ни одного местного епископа, который мог бы обеспечить руководство и придать легитимность движению за украинизацию и каноническую самостоятельность (автокефалию) украинской церкви. Иерархия РПЦ откровенно сочувствовала белогвардейцам и их борьбе против украинского движения за независимость, проповедовала неотрывность православия от идеи «единой и

неделимой России» и изображала украинское движение исключительно как политическую антиправославную авантюру крайних антиклерикальных элементов, готовящих почву для союза с Римом.

УГКЦ в Галиции, наоборот, оказала всяческую духовную и организационную поддержку украинскому государству, провозглашенному в 1918 г., и обеспечила солидарность галицийских украинцев, когда они защищали Западноукраинскую народную республику от вторжения возрожденной римско-католической Польши. После победы поляков УГКЦ создавала ядро украинского национального движения в межвоенной Польше. На протяжении более сорока лет (1901-1944 гг.) глава этой церкви митрополит Андрей Шептицкий был не только духовным владыкой и главным арбитром по проблемам морали для западных украинцев, но и всеми признанным представителем их национальных интересов. Неслучайно поэтому Кремль, когда ему не удалось заставить церковь осудить украинское движение сопротивления после новой советской оккупации Галиции в 1944 г., взял курс на уничтожение этой церкви. Все иерархи и несколько сот священников, отказавшихся присоединиться к РПЦ, были арестованы, отправлены в концлагеря и ссылку. Взаимосвязь религиозных и национальных начал в сознании украинцев оказалась, однако, более крепкой, чем полагали представители режима. УГКЦ не только выдержала почти десятилетие сталинских преследований, но и смогла в послесталинский период в условиях нелегальности и постоянных репрессий воссоздать свою организацию и иерархию на Западной Украине. Даже насильно «возвращенные» в православие священники в большинстве своем остались верными унии, а рядовые миряне отказывались и отказываются сейчас принимать русских или обрусевших парафиальных священников. Это помогло сохранить в Галиции — в отличие от Восточной Украины — украинский характер номинально русских православных диоцезий. Как мы далее увидим, послесталинский детант между Ватиканом и Москвой вызвал чувство горечи у многих западноукраинских католиков. В результате небольшая часть их отделилась от католической церкви и создала эсхатологическую секту покутников.

Армянская, грузинская, литовская церкви и УГКЦ демонстрируют особенности статуса «национальных церквей» в СССР. Они, однако, не являются единственными «национальными церквами» в Советском Союзе. Следует вспомнить еще и лютеранские церкви Латвии и Эстонии, в которых по разным причинам (в частности из-за их немецкого происхождения и традиционного уважения к политической власти) не выявилась в полной мере взаимозависимость между религией и национальностью, как в вышеназванных четырех церквах. С другой стороны, лютеранство немцев, сосланных в азиатскую часть СССР, служило объединяющим фактором, способствующим их этно-культурному самосохранению.

Латинское католичество в Латвии представляет, так сказать, «смешанную модель». Хотя оно и не создает национальной церкви, оно все же имеет глубокие корни в истории и проводит четкое различие между латышами и русскими. С другой стороны, оно, больше чем литовская или украинская церкви, олицетворяет католицизм как межнациональную религию. Не случайно именно рижская епархия и рижская семинария служат в советских условиях (при отсутствии единой католической организации) своеобразным объединительным центром для всех католиков — поляков, немцев и т. д.

Традиционные местные секты

В СССР есть несколько религиозных групп, которые можно отнести к этой категории. Для них характерны такие признаки: прямое или косвенное происхождение от протестантов против Никоновских реформ XVII века («старообрядцы») или отрицание «священной и иерархической организации» государственной церкви («духовные христиане»); русское происхождение; самоизоляция и нежелание возвращаться в церковь, что связано во многих случаях с коммунально-общинным способом жизни; традиционное недоверие к государственной власти. Эти особенности создают для религиозных групп большие трудности, т. к. не позволяют им приспособиться к советским политическим, экономическим и социальным условиям, что в конце концов

привело к упадку «традиционных местных сект». Их наследники либо присоединились к «благочестивым» направлениям, действующим в рамках русского православия, либо отошли от РПЦ еще дальше, перейдя в «новейшие космополитические секты» западного происхождения.

Разделенных доктринально и организационно старообрядцев трудно отнести к какой-либо одной из двух категорий — «национальной церкви» или «традиционной местной секте». Их можно одновременно отнести и к той и к другой. Среди них «единоверцы» фактически признают верховенство Московской патриархии, тогда как «поповцев» (к которым относится большинство старообрядцев Белой Криницы) и «беглопоповцев» следует, скорее, считать «национальными церквами». Зато «беспоповцы» — целый спектр религиозных групп, от официально признанных Поморского и Феодосьевского согласий до официально преследуемых апокалипсических течений аскетов — «странников» — четко попадают в категорию «местных сект». Некоторые из этих сект («бегуны», «пустынники» и «скрытники») нельзя отличить от остатков катакомбных «истинно-православных христиан».

Типичными «традиционными местными сектами» в СССР являются «духовные христиане», представителями которых являются почти исчезнувшие «скопцы» и «христоверы» (или «хлысты»). Возникшие в XIX в. как ответвления от «хлыстов» «староизраильская» и «новоизраильская» секты, а также отколовшиеся от «хлыстов» еще в XVIII в. «духоборы» и «молокане» при Ленине пользовались расположением властей благодаря образу жизни в форме сельскохозяйственных коммун и своему пацифизму. Сталинская коллективизация и антирелигиозный террор 30-х годов уничтожили большинство этих сект-общин, и сейчас они сохранились лишь в виде русских этнических островков в некоторых сельских районах Закавказья. Аналогичным образом и старообрядцы сохранились (еще лучше, чем «духоборы» и «молокане», т.к. меньше подвергались религиозным гонениям) на нерусских окраинных землях (например, в балтийских республиках, Белоруссии, Молдавии, на Украине и Кавказе), где изоляционизм, отказ от

возвращения в церковь и коммунальные формы жизни помогли удержаться русской самобытности.

Вненациональные религиозные общности

Вненациональную религиозную общность в Советском Союзе представляет *ислам*, который, не уничтожая и не подрывая этнической самобытности тюркских и ираноязычных народов, объединяет их в умма. Ислам резко отделяет эти народы от русских и других европейцев, одновременно соединяя их с исламскими нациями за пределами СССР. Советский режим пытался бороться с панисламизмом и пантюркизмом путем создания нескольких союзных республик, автономных республик, областей и округов. Но содействие режиму процессу национального строительства не смогло привести к вытеснению традиционных мусульманских ценностей новым «советским» национальным сознанием и лояльностью к власти. Эти традиционные ценности в свое время были духовной основой многолетнего сопротивления басмачей советско-русской власти в Средней Азии, а сегодня играют такую же роль в Афганистане. Фактически политика «разделяй и властвуй» и рассчитанная на долгие годы политика уничтожения институционального ислама и способствовали образованию прочного сплава из тех элементов ислама, на который не смогло повлиять возникшее в последнее время этническое сознание тюркских и ираноязычных народов. Религиозные и светские компоненты новых «социалистических наций», возникших на исторически исламских территориях СССР, неразделимы в одном общем понятии «мусульманин». Процесс демографического «взрыва» в районах с тюрко- и ираноязычным населением в СССР и драматически возрастающее стратегическое, экономическое и политическое значение исламских народов Третьего мира дают советским мусульманам основания с оптимизмом смотреть в будущее.

После II мировой войны созданы, с согласия советского правительства, четыре духовных управления, задание которых — направлять деятельность мусульманских организаций в Средней Азии и Казахстане, в Европейской России и

Сибири, в Азербайджане и на Северном Кавказе. Находящиеся под строгим контролем правительства эти управления получили задание удерживать религиозные чувства мусульман в тех узких пределах, которые определило для них советское право. Одновременно они, подобно другим официально признанным религиозным центрам в СССР, должны служить интересам советской внешней политики, ведя пропаганду среди зарубежных мусульман. Духовные управления, возглавляемые главным муфтием Средней Азии и Казахстана, были особенно активны в теологическом оправдании советских ограничений мусульманских религиозных традиций и противоречий между исламом и нормами советского права и политикой режима. Пытаясь приспособить мусульманскую доктрину и практику к советским условиям, они тем самым способствуют сохранению мусульманских ценностей. Однако этот мусульманский «истэблишмент» не смог до сих пор справиться с традиционным «неофициальным исламом». Ему бросили вызов тайные фундаменталистские направления *суфи*, которые не только осуждают советскую антиисламскую политику, но и обвиняют официальные духовные управления в измене основным принципам веры. Советское вторжение в Афганистан и продолжающееся вооруженное сопротивление мусульманских повстанцев стали испытанием политической лояльности духовных управлений и доверия к ним со стороны мирян, что привело к еще более напряженным, чем раньше, отношениям между официальными лидерами ислама и их оппонентами-фундаменталистами.

Национально-религиозное рассеяние

Типичный пример национально-религиозного рассеяния — советские евреи.* Еврейская этническая группа, когда-то определяемая по религиозному принципу, выжила в условиях территориального рассеяния и социальной мобильности частично благодаря светскому определению

* С некоторыми оговорками можно признать, что армянская диаспора за пределами Армянской ССР, немецкая и польская диаспоры также демонстрируют особую связь религиозного и национального моментов в условиях рассеяния.

еврейской национальности, частично из-за нежелания русских абсорбировать ассимилированных евреев, а частично вследствие советской политики (включающей паспортизацию), которая практически исключила возможность изменения советскими гражданами своей национальности.⁶ Только в восточных еврейских общинах Средней Азии и Кавказа, а также среди небольшого числа сохранившихся после нацистского геноцида евреев западных областей, аннексированных Советским Союзом в годы II мировой войны, иудаизм остался серьезным фактором, формирующим еврейское национальное сознание.⁷

В целом, советское еврейство демонстрирует самый высокий уровень модернизации, а также — что не удивительно в советских условиях — самую низкую степень религиозности.⁸ Создание государства Израиль и, особенно, Шестидневная война 1967 года оказали колоссальное влияние на национальное самосознание советских евреев и одновременно повлияли на советскую политику по отношению к евреям. Возрождение еврейского национального самосознания во время и после II мировой войны оказало незначительное влияние на остатки институционального иудаизма в СССР, несмотря на то, что синагоги с конца 40-х годов остаются единственными еврейскими национальными институтами в Советском Союзе. Неоднократные попытки возрожденного усилиями молодежи сионизма превратить синагоги в дни еврейских праздников в опорные пункты манифестации еврейства, не привели к еврейскому религиозному возрождению. Парадоксально, что некоторое количество ассимилированных еврейских интеллектуалов-диссидентов перешло в русское православие, а небольшая часть — в католичество. Это само по себе свидетельствует о безотрадном положении институционального иудаизма в

6. Zvi Gitelman, *Moscow and the Soviet Jews*, «Problems of Communism», Вашингтон, январь-февраль 1980, XXIX, 1, сс. 18-34, и др.

7. Joshua Rothenberg, *The Jewish Religion in the Soviet Union since World War II*, в сб. «Aspects of Religion in the Soviet Union, 1917-1967», Чикаго, 1971, сс. 352-353.

8. По данным И. Шапиро (см. «Иудаизм в СССР», *Наука и религия*. Киев, 1980, 9, с. 38), в СССР около 60 тысяч верующих евреев, что составляет немногим более 3% всех советских евреев.

СССР. Усиление антисемитского акцента советской антисионистской и антииудаистской пропаганды привело скорее к возникновению в среде советских евреев движения за массовую эмиграцию, чем к появлению у них каких-либо религиозных чувств.

Новейшие космополитические секты

В противовес быстрому исчезновению старых русских сект новейшие секты (западного происхождения) — эгалитарные и активные по своей направленности, требующие строгого соблюдения доктрины и моральных норм, с установкой привлечь в свою веру как можно больше людей, не стесняемые советскими правовыми ограничениями и национально-культурными барьерами — растут быстрее всех религиозных общин в СССР. Эти секты, в частности евангельские христиане-баптисты, пятидесятники и адвентисты седьмого дня, неожиданно смогли воспользоваться особенностями советско-русской национальной и религиозной политики, направленной на разрушение традиционных национальных и религиозных связей, на разложение иерархии традиционных церквей при помощи инфильтрации и коррупции.

На Украине, где, как сообщают, находится приблизительно половина всех сектантских общин, они распространяются особенно быстро в индустриальных и урбанизированных районах — там, где в период хрущевской антирелигиозной кампании было закрыто большое количество православных церквей. То, что сектанты относятся к русскому языку как к *lingua franca* и равнодушны к украинскому (а в Белоруссии — к белорусскому) языку и другим национально-культурным ценностям, может быть как следствием евангелистского «космополитизма» и миссионерских соображений, так и результатом политической социализации в СССР. Лишь диссидентский Совет Церквей Евангельских Христиан-Баптистов, который имеет много приверженцев на Украине, использовал украинский язык в своих самиздатских публикациях.

Показательно, что советская политика направлена на достижение как можно большей централизации и институционализации сект с целью установления максимального

контроля над «служителями культа». Внутренняя напряженность взаимоотношений между кооптированными руководителями официального Всесоюзного Совета Евангельских Христиан-Баптистов и баптистами-фундаменталистами завершилась расколом в начале 1960-х годов, когда хрущевский режим впервые попытался реально ограничить баптистскую организационную и проповедническую деятельность. Отколовшийся Совет Церквей Евангельских Христиан-Баптистов стал объектом бесконечных репрессивных кампаний (180 баптистов-диссидентов находятся сейчас в заключении).

Одна из наиболее преследуемых в СССР сектанских групп — «Свидетели Иеговы». Исторически так сложилось, что ядро этой группы пришло с Западной Украины, и потому украинский язык широко используется в подпольной деятельности и в изданиях секты.⁹ Из-за этого и, конечно же, из-за их откровенного неприятия советского режима секту обвинили в том, что она является прибежищем украинских националистов и выполняет задания «американской разведслужбы».¹⁰ Некоторые украинские самиздатские источники представили, однако, иеговистов как группу абсолютно чуждую украинским национальным устремлениям и, из-за своей языковой притягательности, более разрушительную для украинского национального дела, чем другие сектанские группы.¹¹

Националистические религиозные культы

Полной противоположностью «Свидетелям Иеговы» является другая нелегальная, также основанная на Западной Украине, религиозная группа *покутников*. Принимая во внимание их доктрину, религиозные традиции и органи-

9. См., Эволюция религиозного сознания и деятельности свидетелей Иеговы, «Вопросы научного атеизма», 1979, XXIV, с. 135. В 60-е годы в Томске был нелегально издан на украинском языке журнал «Башня Стражи».

10. Н. Возняк, Їх справжнє обличчя (Ужгород, 1974), сс. 108, 116-117. Ср.: В. Коник, Ілюзії свідетелів Ієгови (Москва, 1981), сс. 148-149.

11. V. Moroz, «Amid the Snows», Boomerang, The Works of Valentyn Moroz (Балтимор, 1974), с. 82.

зацию (или, точнее, нечеткость ее структуры), их следует причислить к категории *националистических религиозных культов*. Группа покутников, образовавшаяся в 1954 г., смогла появиться в Прикарпатье в связи с объявлением вне закона УГКЦ. Группа исповедует культ Марии. Культ сосредоточен вокруг предполагаемого явления Богородицы (подобного известному чуду Фатимы в Португалии) женщине, которая стала посредником в передаче пророчеств, предостережений и обращений Марии к последователям этого культа. Эти предсказания, расширительно интерпретируемые, покутники превратили, объединив их с некоторыми элементами католической доктрины, униатской традиции и украинского национализма, в учение об отчуждении и спасении, которое можно было бы обобщить следующим образом: советский режим, уничтоживший украинскую «веру.., нацию, народ, страну и человечество», есть не что иное, как осуществление апокалипсического пророчества о Сатане, который должен овладеть миром перед концом света и Страшным судом. С 1958 г., после смерти последнего истинного Папы — Пия XII, Сатана овладел Римом, и центр подлинного католичества переместился на многострадальную Украину, где идет последний бой между Сатаной и Богом.¹² Следуя указаниям Богородицы, истинный христианин-католик должен не принимать сатанинскую советскую систему: отказаться от советских паспортов, системы обслуживания, школ; не принимать участия в советских выборах; не работать в советских учреждениях; не служить в Советской Армии. В отличие от «лжепап» в Риме (от Ронкалли до Войтылы), подлинный наследник Пия XII был избран Богом на Западной Украине в лице основателя культа Игната Солтыса (который принял имя *последнего Папы Петра II*, а позднее называл себя Эммануилом).¹³ Со

12. См. рукописное открытое письмо «До нашої родини — далекої і близької» (1981 г., архив автора).

13. См. самиздатские обращения «До всіх рас і національностей на всіх континентах» и др., рукописное обращение от «участников, современников и свидетелей» судебного процесса над 70-летним Солтысом, который состоялся во Львове 12-15 мая 1981 г. В обращении Солтыса называют «священником, епископом, кардиналом, экзархом, папой», а в конце — «Христом» (архив автора). Реакцией на процесс Солтыса, который был

временем было провозглашено, что он — воплощение Христа, вернувшегося на землю. Когда наступит конец света, а это должно произойти очень скоро, спасутся только покутники. Они совершают особые обряды, в частности «девятины» (девять дней «покуты»). Есть и особые формы благочестия и подчинения «Папе». Разорвав связи с Римом в 1958 г., покутники также отреклись и от подпольной Украинской католической церкви за то, что она, якобы, «примирилась» с коммунистическим режимом и, таким образом, «предала» своих людей и свою веру.¹⁴

Советская власть сначала положительно отнеслась к расколу среди униатов, но очень скоро направила свои усилия против покутников, которые привлекали большое число богомольцев к «Святой горе», расположенной неподалеку от прикарпатского села *Середне* (месту, где должна была явиться Богородица). И распространяли свою *Благую весть*, рассылая письма по цепочке и через странствующих проповедников. Проповедников вновь и вновь арестовывают и приговаривают на все более длительные сроки лишения свободы, покутников-родителей лишают родительских прав, а рядовых верующих постоянно преследует милиция за «паразитизм». Несмотря на ярко выраженный национализм, покутникам сочувствует лишь относительно небольшая часть украинцев-католиков, и они стали скорее источником беспокойства, чем угрозы для подпольной церкви.

Несколько, хотя и отдаленно, напоминают покутников истинно-православные христиане в России, полностью отрицающие как «сатанинский» советский режим, так и официальную Московскую патриархию, которая, как они

осужден (в третий раз) на 5 лет лагеря строгого режима и 5 лет ссылки, была статья Орлика в советском антирелигиозном ежемесячнике «Людина і світ» (1983, 2). Во время предыдущего срока заключения Солтыса сектой руководил бывший униатский священник Антон Поточняк. Его арестовали и осудили вместе с другими руководителями секты в 1968 г. (В октябре 1983 г. Поточняк был вновь арестован и умер в лагере 29 мая 1984 г. — *ред.*)

14. См. рукописное обращение «До нашої родини...», в котором нелегальное униатское духовенство обвиняется в «измене» Церкви Христа и в том, что оно покинуло свою паству, заключив «тайное перемирие» с безбожным режимом.

считают, «продалась» режиму еще в 1927 г., когда митрополит Сергей пошел на компромисс с Кремлем. Традиционно националистический и монархический, этот остаток прежней Русской катакомбной церкви (во главе которой когда-то стояли епископы, отказавшиеся принять декларацию Сергея 1927 г.) также жестоко преследуется режимом.

Выводы

Типология, предложенная здесь для анализа взаимосвязи религии и национальности, а также отношений той или иной религиозной группы к советскому государству, нуждается еще в усовершенствовании и дополнениях, должна включать еще некоторые малые религиозные группы в СССР. Но уже в этой своей предварительной стадии она может помочь понять важные связи между религиями и церквями, с одной стороны, и процессом построения (и распада) империи, с другой. Советская политика по отношению к религии и антирелигиозная пропаганда уже учитывают взаимодополняемую и охранительную роль национальных и религиозных чувств. Недостаточность национальной и религиозной лояльности давно уже считается основным препятствием для советской политики социализации в национальных республиках. В этом видят повод, который западная пропагандистская агентура и эмигранты-«буржуазные националисты» могут использовать для организации антисоветских диверсий. Симбиоз религии и национальности стал объектом особого внимания советских специалистов по «интернационально-патриотическому» воспитанию.

Селективный подход к этой проблеме, используемый средствами массовой информации в СССР, можно проиллюстрировать данными недавнего исследования эффективности атеистического воспитания в семи областях Западной Украины!¹⁵ Обзор показывает, что лишь 13,3% всех антирелигиозных статей, напечатанных в газетах этих семи областей в 1971-1978 гг., были направлены против правосла-

15. Академия Наук Украинской ССР, Институт истории, «Становлення і розвиток масового атеїзму в західніх областях Української РСР», под ред. Ю. Сливки (Киев, 1981).

вия (хотя подавляющее большинство религиозных общин в этих областях — православные).

Важно отметить, что большинство этих статей атаковало национальную церковь, которая официально уже давно под запретом — Украинскую автокефальную православную церковь (30% всех статей на эту тему — в волынской областной газете, более чем 20% — в ровенской); лишь несколько статей касаются РПЦ, и то лишь ее «реакционных» действий до 1917 г. Главным же, однако, объектом советских антирелигиозных газетно-журнальных кампаний является Украинская греко-католическая церковь, которая официально «не существует» и которой посвящено 23,7% всех статей (47% всех атеистических статей во львовской ежедневной газете, более 31% — в ивано-франковской, 25,5% — в тернопольской, и 23,3% — в Закарпатье). В 1957-1977 гг. одна только «Прикарпатська правда» опубликовала 200 антиуниатских и антикатолических статей. Из других религиозных групп в семи газетах были подвергнуты нападкам: Свидетели Иеговы (14%), баптисты (8,4%), иудаисты (7,2), пятидесятники (3%) и адвентисты (3%). Волынская областная газета более чем 32% своих антирелигиозных статей направила против баптистов; в Закарпатье областная газета посвятила одну треть всего антирелигиозного материала Свидетелям Иеговы, на Буковине почти 18% антирелигиозного материала направлено против иудаизма.

Пристальное внимание, которое партия уделяет антирелигиозной пропаганде, подтверждает то важное значение, которое советские власти придают объединяющей, «патриотической» роли имперской Церкви на нерусских территориях СССР. И напротив, односторонность подхода иллюстрирует особую враждебность режима по отношению к «буржуазно-националистическим» национальным церквям с их «разлагающим» влиянием, к «нелояльным», «космополитическим» сектам и националистическим культам. Обострение идеологической напряженности между Западом и Востоком в последние годы, развитие событий в Польше, деятельность польского Папы и характер сопротивления, с которым Советский Союз столкнулся в Афганистане, — все это заставило советских вождей сосредоточить свое внима-

ние на все углубляющемся взаимопроникновении религии и национализма в СССР.

И из-за фасада «гармоничных» отношений между Московской патриархией и режимом прорываются голоса диссидентов. Они обвиняют лояльных церковных руководителей в трусости, материализме, в том, что иерархи изменяют своим духовным и патриотическим обязанностям, беспрекословно подчиняясь произволу государственных правителей, которые стараются еще более ослабить влияние церкви на общество. Сначала медленная и относительно мягкая реакция режима на диссидентство в РПЦ со временем ужесточилась. Дело дошло до арестов и судебных расправ, когда некоторые диссиденты, во главе с о. Глебом Якуниным и Христианским комитетом защиты прав верующих, коснулись национальных проблем, критикуя с национальных и религиозных позиций нечестивый союз патриархии и атеистического режима. Важным, а возможно и наиболее характерным для послебрежневских политических тенденций, является то, что КГБ выступает в роли «крестного отца» небольшой группы «прирученных» православных диссидентов (Шиманов, Карелин и др.), которые теперь проповедуют своеобразный «православный национал-большевизм» с антисемитским привкусом, очевидно стремясь привлечь к себе шовинистические элементы среди верующих.

Подводя итоги, нужно сказать, что взаимопроникновение религиозных и национальных элементов, вероятно, является главным препятствием проведению советской стратегической линии, направленной на денационализацию и секуляризацию, как раз тогда, когда режим очутился в состоянии кризиса (причем не только социально-экономического кризиса, но и кризиса легитимности), который касается основ его религиозной и национальной политики. Сомнительно, чтобы этот кризис можно было бы преодолеть лишь при помощи усиления репрессивных мер. Какие бы способы преодоления кризиса не предлагали советские руководители нового поколения, пришедшие к власти после переходного периода Черненко, они должны будут обратить внимание на взаимосвязанные проблемы религии и национальности. Так как, вопреки тому, на что надеялись основатели советской системы, модернизация не сделала эти проблемы менее актуальными.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

Лев Копелев

АДАМУ МИХНИКУ

Дорогой Адам Михник!

Ваши письма из тюрьмы мне душевно очень близки. В апреле 1984 года в одной из церквей Нью-Йорка Чеслав Милош принимал Ваш диплом Почетного доктора «Новой Школы социальных исследований». (Этот Институт был учрежден в 1933 году немецкими учеными, которых изгнали гитлеровцы.) Милош прочел с кафедры Ваше письмо генералу Кищаку. И в английском переводе я услышал внятные интонации польской речи: письмо дышало гордой любовью к отчизне, выражало насмешливое презрение к ее властным и лживым угнетателям и спокойную уверенность в конечном торжестве живого духа Польши.

Мое детство прошло в Киеве и в украинских деревнях на днепровском правобережье. Я часто слышал вблизи и польскую речь; мои друзья-ровесники учили меня, без учебников, говорить и читать по-польски.

«Пана Тадеуша» и трилогию Сенкевича я читал жадно и по-русски и по-польски. Панорама Яна Стыка «Голгофа» в 20-е годы была одним из достопримечательных украшений Киева. Мы восхищались мастерством польского художника и после того, как стали юными пионерами-атеистами. И сейчас я вижу перед собой все детали этой огромной картины.

Киев был издавна разноплеменным городом, в нем жили украинцы, русские, евреи, поляки, немцы, армяне, караимы и др. На улице, в городских дворах, в парках, в школах иногда прорывались и страсти межплеменной вражды. Мальчишки дразнили друг друга: «хохол», «кацап», «жид», «лях», «немец-перец» и жестоко дрались, отстаивая свое национальное достоинство.

Мне посчастливилось: мои учителя и друзья нашей

семьи, мои старшие товарищи в скаутском, а потом пионерском отряде и книги, полюбившиеся с детства, воспитали во мне устойчивый иммунитет против любых националистических, шовинистических предрассудков и предрассудков.

Уроки Евангелия, Л. Толстого, В. Короленко, Ф. Шиллера, Ч. Диккенса, Г. Бичер-Стоу, В. Гюго в моей душе позднее сочетались с уроками «Коммунистического Манифеста», с идеалами безнационального Эсперанто, с лозунгами советской дружбы народов. Я почти не ощущал — во всяком случае не сознавал — противоречий между иными из этих уроков.

И, любя украинскую родину моего детства и ранней юности, любя русскую родину всего моего духовного развития, чувствуя и сознавая неотделимость своей жизни от России, от русского языка, русской словесности, я в то же время мог любить Германию и Польшу, Францию, Англию, Испанию, Италию. Именно любить живую душу другого народа, а не только любопытствовать, изучая литературу, язык, историю...

Гитлеровско-сталинский раздел Польши осенью 1939 года вызвал у меня чувство мучительного стыда и растерянность — ведь приходилось уговаривать и других и самого себя в «исторической необходимости» таких уродливых путей к прекрасному будущему. А в 1944 году, когда я советским офицером вступил на польскую землю, я радовался не только победам своей армии, своего государства, но и тому, что мы теперь искупим постыдные грехи, совершенные в союзе с нацизмом, — грехи перед поляками, латышами, литовцами, эстонцами, финнами, — и радовался, вспоминая польский язык, встречая поляков и полек, которые видели в нас освободителей. Пожалуй за всю мою жизнь мне не досталось столько нежных поцелуев от прекрасных женщин и девушек, как за несколько дней марта 45 года на улицах Грудзенца...

Неумение и нежелание возненавидеть другой народ привело к тому, что в апреле 45 года меня арестовали за «пропаганду жалости к врагу». В тюремных камерах Тухеля, Щецина, Быдгоща, Бреста, Москвы, Орла, Горького и в лагерных бараках я нашел друзей, среди которых были и

поляки: варшавский повстанец, подхорунжий Тадеуш Ружаньский, уланский ротмистр, АК-овец Казимеж Кавецкий и другие. И с ними я снова, как в детстве — без учебников, учил польский язык по стихам, по солдатским партизанским песням.

Естественный интернационализм, неотделимый от естественного патриотизма, мне в юности казался проявлением социалистических, коммунистических идей, взглядов. Но с годами я убеждался, что истоки такого, по-моему, просто здорового человеческого мировосприятия явственны уже в учениях Лао-Цзы, в Евангелии, в умозрениях Дидро и Канта...

Полтора столетия тому назад Гете говорил: «Национальная ненависть... сильнее, резче всего обнаруживается на самых низких уровнях культуры. Но есть такой уровень, когда она вовсе исчезнет... когда счастье или горе соседнего народа ощущается так же, как счастье и горе своего».

Именно так ощущаем сегодня моя жена, многие мои русские и немецкие друзья и я радости и горести польского народа. Поэтому сегодня меня так привлекает и то, *что* Вы пишете, и то, *как* Вы пишете, как размышляете о судьбах Польши, о наших общих судьбах.

Пять лет «Солидарности» для меня, едва ли не самая прекрасная страница в новейшей истории Европы и мира.

Все эти годы я со всевозрастающей уверенностью доказываю, что «Солидарность» побеждает, уже победила. Вопреки всем бедствиям, потерям, страданиям, вопреки неизбежной усталости, разочарованию, вероятно и отчаянию многих борцов, вопреки отступничествам, изменам, вопреки все новым угрозам извне и противоречиям внутри торжествует дух «Солидарности». Ее пятилетняя история — беспримерное чудо.

Беспримерным было уже то, что в миллионногласой «Солидарности» объединились люди разных сословий — рабочие, интеллигенты, духовенство, крестьяне, — разных поколений и разных взглядов.

Как могло возникнуть это движение? Почему его не могут одолеть и самые мощные противники?

Такие вопросы я слышал множество раз от сочувствую-

щих и от противников, от сострадающих и недоверчивых, кто снова и снова объявляли «Солидарность» окончательно разгромленной.

Отвечать мне помогает Лех Валэнса — истинный пролетарий, можно сказать — олицетворение моих юношеских коммунистических идеалов, и в то же время страстно патриотичный поляк и набожный католик. Этот вождь массового общенародного движения лишен «вождистских» претензий, остается добрым товарищем в своем цеху и среди прихожан своей церкви. А все его обращения к правительству и к своим сторонникам, выражающие искреннюю волю к диалогу, к соглашению, исполнены веры в духовные силы народа, отличаются здравым смыслом и политической мудростью.

Отвечать мне помогает ксендз Ежи Попелушко. И его мученическая судьба свидетельствует о торжестве бессмертного духа «Солидарности». Дух Попелушко живет, тогда как его убийцы и те, кто их послал, духовно мертвы, сколько бы они еще ни просуществовали.

И очень помогаете мне Вы, Адам Михник, — Вы, один их самых свободных людей, которых я знаю. Вы свободны и в наручниках и в тюремных одиночках. А ваши обвинители, судьи, тюремщики остаются жалкими пленниками директив, приказов, доктрин, а то и просто корысти или трусости.

Ваши письма убедительно излагают именно то, что мне представляется главными источниками, корнями великого чуда «Солидарности».

Ваш отказ от насилия — не тактика, а стратегия, не следствие слабости, а выражение силы, духовной зрелости, не хитрый маневр, а сущность, основа вашего движения. Потому, что насилие и террор не просто искажают любую благородную цель, но делают ее недостижимой, создают цепные реакции мести, ответного насилия, ответного террора. Вы это высказали просто и точно:

«Этика „Солидарности“... имеет много общего с идеей non-violence Ганди и Мартина Лютера Кинга. Однако, это не этика обычных пацифистских движений. Этика „Солидарности“... предполагает, что есть цели, ради которых стоит страдать и умирать, но нет таких целей, ради которых позволено приносить страдания и убивать».

Ненасильственное отважное сопротивление, которое Ваши друзья и товарищи противопоставляют жестокому насилию военно-полицейской партийной диктатуры, — это не только для меня источник надежд на лучшее будущее Вашей и моей родины.

Вы помогаете мне понять сущность небывалой социально-исторической новизны: всего, что отличает «Солидарность» от большинства прошлых и нынешних революционных и освободительных движений.

Ваши друзья и товарищи отказываются от насилия еще и потому, что вы отказываетесь от борьбы за государственную власть, отвергаете и для себя любой вид идеологической, или партийно-политической монополии. Вы создаете, уже создали «новые общественные структуры». Вы стремитесь к духовному оздоровлению всего общества, к настоящей демократии, к плюрализму, к терпимости, к независимости культурной жизни от любых государственно-политических и административных инстанций.

В этих ваших идеалах и стремлениях живут и давние традиции польского вольнолюбия, давние рыцарственные представления о достоинстве и чести граждан.

Но главное все же в том, что Вы неоднократно подчеркиваете:

«В Польше за последние десять лет все беспрецедентно — все, начиная от первых выступлений КОР'а, от ранних завязей союза рабочих и интеллигентов до торунского процесса над убийцами Попелушко.»

Очень дорого мне то, что Вы и Куронь писали об Андрее Сахарове и то, что Вы пишете о других народах — об украинцах, «самом трагичном из народов Европы», о том, как многим Вы обязаны немецкой философии и немецкой литературе от Томаса Манна до Генриха Белля.

Однако в этом письме я хочу высказать и некоторые печальные соображения.

За те пять лет, что мы с женой прожили на Западе, нам несколько раз пришлось читать и слышать враждебные отзывы о России, о русском народе. И всего больше поражали нас такие отзывы, исходящие от некоторых

польских и чешских литераторов, которых мы глубоко уважаем, чьи произведения любим.

Можно понять, что за десятилетия — от сентября 1939 до августа 1968 — возникали самые горькие, самые недобрые эмоции. Но я не могу примириться с тем, что из понятных чувств — боли, обиды, страха — рождаются мысли глубоко несправедливые, жестоко оскорбительные для русского народа.

Куронь точно пишет, что «русский народ страдает от советского тоталитаризма тяжелее, чем все другие народы».

Но в первых же строках этой статьи Куронь откровенно признается: «Нам, полякам, очень трудно любить русских».

Причины этих трудностей коренятся и кроются в многовековых предрассудках, возникавших после войн XVI-XVII вв., после разделов Польши, восстаний 1831, 1863 гг., и всего сильнее в новейших горестных воспоминаниях о сентябре 1939 года, о Катыне, о сталинском терроре...

Следы таких предрассудков омрачают и некоторые стихи Мицкевича и Пушкина, страницы Достоевского, Сенкевича и других русских и польских поэтов, писателей, публицистов. Недобрая живучесть всех старых и новых националистических, шовинистических легенд, стереотипов и «теорий» определяется прежде всего давним роковым заблуждением — привычкой отождествлять государство и управляемый им народ, отождествлять власть и подвластных. Между тем, тиранические государственные традиции, развитие которых прослеживается от Ивана Грозного и Петра Великого до Ленина, Сталина и их наследников по существу глубоко чужды и часто даже прямо враждебны духовным традициям русской национальной культуры, которые развиваются от Андрея Рублева, от старинных былин и сказаний через Пушкина, Герцена, Толстого, Достоевского, Чехова к Ахматовой, Пастернаку, к Андрею Сахарову и к тем сегодняшним русским «инакомыслящим», о которых Куронь писал, что он и его друзья «в начале 70-х годов восхищались ими и завидовали им». Сегодня они восхищаются вами и завидуют вам. Как хорошо написал Вам об этом наш друг Виктор Некрасов в мае 1984 года из Парижа.

Дорогой Адам Михник, я надеюсь, что Вы, так же как я и

мои друзья, сознаете необходимость преодоления дурных последствий всего того, что Пушкин назвал «спор славян между собою». В июне прошлого года Вы написали, что видите «в деятельности Сахарова шанс изжить недоброе прошлое в отношениях между нашими народами.»

Вы правы, утверждая, что «после 13 декабря (1981 г.) опыт поляков приобрел масштабы поистине универсальные».

Так же, как Вы и Чеслав Милош, я верю, что «в те исторические минуты, когда от человека ничего не зависит, от человека зависит все». И я надеюсь, что Вы и Ваши друзья будете вместе с нами преодолевать все, что разделяло и еще продолжает нас разделять, мешая нашей общей солидарности в борьбе за вашу и нашу свободу.

Я радуюсь тому, что я Ваш современник. Желая Вам оставаться таким, как Вы есть.

Сердечно Ваш

Лев Копелев

8. 10. 1985

Кельн

СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Сергей Юрьенен

ОБРАЗ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ: НОВЫЙ СТЕРЕОТИП

Уроженец села Ново-Кусково Томской губернии, выходец, как утверждает «Краткая литературная энциклопедия», из «семьи сибирского крестьянина-охотника», Георгий Мокиевич Марков совершил образцовую карьеру в литературной сфере «общепартийного дела». Известный недостаток чисто писательских возможностей он возместил усидчивостью, консерватизмом и «таежной смекалкой» на пути неукоснительного следования «генеральной линии» партии в литературе. Первый крупный успех он познал в 1952 году, удостоившись Сталинской премии за эпопейный роман о советизации Сибири «Строговы». Жанру эпопеи Г. Марков остался верным до сегодняшнего дня. Линия его карьеры в союзписательском аппарате пошла резко вверх после Хрущева — в брежневские годы. Секретарь Правления СП СССР с 1956 года, депутат ВС СССР с 1966-го, в 1971 году Г. Марков становится членом ЦК КПСС и первым секретарем СП СССР. С 1979 года он — председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры. Герой Социалистического труда (1974), лауреат Ленинской премии (1976), в конце переходной, «черненковской» эпохи Г. Марков получает орден Ленина, 2-ю золотую медаль «Серп и Молот» и бронзовый бюст в родном сибирском селе.

С утверждением в Кремле «группы» Горбачева карьера «первого писателя СССР» входит в стадию окончательного апофеоза. Можно предположить наличие прочных «неформальных связей» между нынешним шефом-идеологом Егором Лигачевым (в 1965-1983 гг. первым секретарем

Томского обкома КПСС) и Георгием Марковым. Согласно слухам, Лигачев проявляет интерес к произведениям сибирской когорты советской литературы, к которой принадлежит и Г. Марков — наименее одаренный, но, без сомнения, наиболее увенчанный официальными почестями писатель-«сибиряк». Так или иначе, но именно Г. Маркову досталась prerogative сыграть роль «литературного» рупора нового руководства. В эти дни, на фоне напряженных будней Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева, поистине бурное возрождение пережил роман Г. Маркова «Грядущему веку» (1981), который в свое время по выходе был встречен читателями более чем сдержанно («тепло», — утверждает сейчас «Литературная Россия»¹, тогда как «Литературная газета» измеряет реакцию на роман красноречиво корректной формулой: «привлек внимание»²).

«Привлек внимание» роман Г. Маркова, согласно «ЛГ», «прежде всего тем, как ярко и выпукло явлен в нем образ нашего современника — незаурядного партийного руководителя»³. Можно усомниться в том, что образ партийного руководителя, даже «незаурядного», способен скольконибудь взволновать современного советского читателя. Поэтому вышеуказанный образ решено было довести до массового сознания путем того, что «ЛГ» называет «телевизионным прочтением» романа. В конце мая месяца советские телезрители увидели пятисерийный телефильм «Грядущему веку» (сценаристы Георгий Марков и Эдуард Шим, режиссер Искандер Хамраев). Любопытно совпадение во времени и пространстве этого фильма о руководителе нового типа с документальным «сериалом» подверстанных к нему телепрограмм «Время» о пребывании Михаила Горбачева на Украине, с докладами и «хождениями в народ» Генерального секретаря КПСС в Киеве и Днепропетровске. Это соотношение вымышленного и реального образа не скрывают и отклики на телефильм советских газет. Согласно «Литературной России», например, главный герой телефильма по роману Г. Маркова первый секретарь вымышлен-

1. «Литературная Россия», N 27 (1171), 5. 7. 85, стр. 3.

2. «Литературная газета», N 28 (5042), 10. 7. 85, стр. 8.

3. Там же.

ного, но локализованного в Сибири Синегорского обкома КПСС Антон Васильевич Соболев — «олицетворяет» собой новый стиль руководителя.

Тем временем жизнь этого «олицетворения» продолжается. Герой романа и телефильма секретарь Синегорского обкома Антон Соболев стал еще и героем пьесы Георгия Маркова и Эдуарда Шима «Из новостей этого дня». Пьеса появилась в июльской книжке «Нового мира», время действия ее, согласно соавторам, — «наши дни». Очередное возникновение Антона Соболева, на этот раз в театрально-драматургическом варианте, вряд ли объяснимо тем, что соавторы просто не могут остановиться в разработке открывшейся «золотой жилы». Это низменное соображение в данном случае следует отметить. И Эдуард Шим, который во времена «оттепели» обещал стать самостоятельной литературной единицей, но предпочел превратиться в то, что американцы неизбежно называют «ghost-writer», («литзаписчик», скажем), а уж тем более Георгий Марков — литераторы, надо полагать, финансово неозабоченные. Скорее всего, побуждения соавторов были идеологического свойства и продиктованы стремлением максимально актуализировать образ секретаря обкома с «сибирской» фамилией Соболев, этот, вне всякого сомнения, свыше санкционированный стереотип.

За кулисами сюжета

Сюжет пьесы «Из новостей этого дня» приводит в действие единожды появляющийся персонаж — «один из секретарей ЦК», обладатель «говорящего» имени, отчества и фамилии — Виктор Константинович Богачев. Замысел имени-отчества расшифровывается с помощью «Словаря русских личных имен»: Виктор Константинович — то есть, в переводе с латинского, «Стойкий», или, скорее, «Постоянный Победитель». Фамилия высокопоставленного персонажа фонетически и орфографически вызывает ассоциации только с двумя реальными «руководящими» фамилиями — Горбачев и Лигачев. Нет сомнения, что столь репрезентативная фамилия (Богачев — это ведь не только «богач», по меньшей мере, еще и помазанник Божий, если не сам «Бог») пристала,

скорее, Генеральному секретарю ЦК КПСС. Последний в пьесе, однако, пребывает за кулисами и безымянно, так что под «Богачевым» подразумевается, видимо, все же Лигачев. На это указывает и характеристика персонажа: «коренастый, плотный, но легкодвигающийся человек лет шестидесяти». (Егору Лигачеву сейчас 64).

Главный герой пьесы Антон Соболев, молодой партийный работник из Сибири, автор диссертации «Некоторые вопросы оптимального развития Синегорского региона», — креатура секретаря ЦК КПСС Богачева. По инициативе Богачева Соболев около двух лет работает по линии Внешторга на Западе — дважды посещает Соединенные Штаты, Францию, Англию, Италию, скандинавские страны. Этот опыт был для Соболева «поучительным»: «Яснее видишь и наши преимущества и наши недостатки, да и глобальные, общечеловеческие проблемы»⁴.

«Западником» Соболев, впрочем, не стал, напротив: «Если откровенно — изныл от тоски...» От ностальгии Соболева опять-таки спасает Богачев, который отзывает его из Венеции, объявляет о смерти первого секретаря Синегорского обкома КПСС Полосухина и о том, что «в ЦК сложилось мнение» — на освободившийся пост рекомендовать его, Антона Соболева.

Герой «принимает» область. На этом, собственно говоря, и исчерпывается действие пьесы, уступая место иллюстрациям «нового стиля».

Новость «этого дня»: «национальное самосознание»

В телефильме «Грядущему веку» образ руководителя нового типа был предьявлен как бы в тумане. Идеологическая «расфокусированность» Антона Соболева в его телеипостаси привела к тому, что советские рецензенты впадают в многозначную неопределенность, пытаясь «сформулировать» стереотип. Слишком уж велик «джент льменский набор» новых партийных качеств и свойств. В соответствии с этим набором, согласно советским газетам, партийный руководитель сегодня должен быть «личностью крупной,

4. Г. Марков, Э. Шим, «Из новостей этого дня», «Новый мир», 1985, N 7, стр. 102-131.

привлекательной». Он должен «уметь мыслить поистине государственно». Сочетать «истинный, непоказной демократизм» с «большевистской деловитостью», «крутыми мерами», «строгим, принципиальным стилем работы». Еще он обязан «находиться на самом переднем крае экономики и культуры», «великолепно разбираться в политике и математике, электронике и культуре». Следует также «одинаково свободно чувствовать себя и во дворце миллионера, и в деревенском доме в дальнем селе своей области».

Пьеса «Из новостей этого дня» во многом уточняет и конкретизирует императивные свойства стереотипа. Выше уже упомянуто о пребывании Антона Соболева на внешне-торговом поприще. На Западе он проявляет себя настолько дипломатом, что на приеме заказывает себе отнюдь не водку: «Пожалуйста, бурбон со льдом». При этом он остается патриотом, причем не столько «советским», сколько — русским. Идея об *органическом* «почвенничестве» секретаря обкома пронизывает всю пьесу, достигая кульминации в воспоминании о том, как он... «землю ел». Буквально: целую пригоршню родной синегорской земли — в качестве доказательства любви к будущей жене Лене. Образ, быть может, «мало высокохудожественный», но зато — наглядный.

Несмотря на то, что раз в пьесе секретарь обкома КПСС поминает Священное писание, его предрасположенность к религиозно-нравственным устоям русского прошлого обозначена осторожными намеками. Однако по ходу действия он обильно цитирует — и не классиков марксизма-ленинизма, а русскую классику. В интимно-задушевные моменты он читает наизусть лирику Иннокентия Анненского. Этому поэту русского «Серебрянного века» советское телевидение недавно посвятило проникновенную передачу — еще одно свидетельство того, что «возвращают» Анненского в сегодняшний духовный обиход по инициативе «свыше». Сталкиваясь с хозяйственными проблемами, секретарь обкома — опять-таки наизусть — цитирует Николая Васильевича Гоголя. Интересно, что в поэме Гоголя «Мертвые души» секретаря обкома прежде всего привлекает образ идеального помещика-капиталиста Константина Федоровича Костанжогло. Напомним, что этот рачительный хозяйственник-миллионер характеризовался автором «Ме-

ртвых душ» как самый умный человек в России,

который не то, что именем помещика, целым государством управит. Будь у меня государство, я бы его сей же час сделал министром финансов⁵.

Отметим также, что, изучая состояние дел в принятой области, первый секретарь постоянно консультируется с первым писателем региона Демьяном Ермолаевичем Угрюмовым-Вьюжным, носителем «национально-государственного» сознания.

Практичнее, чем Сталин

«Чудо обновления» Синегорской области должны принести реформы. До них дело в пьесе не доходит, тем не менее новоназначенный первый секретарь намечает направления возможной реформистской деятельности. Он совершает «хождения в народ»: посещает колхозные рынки, магазины. Обижая директора «прославленного, четырежды орденоносного завода», ведущего предприятия группы «А», отдает предпочтение встречам с руководителями группы «Б» — легкой промышленности. Отказываясь от персональной «Чайки», он разъезжает по Синегорску в битком набитом транспорте, теряя при этом в толкучке пуговицы на плаще. Более того, он вносит предложение, чтобы и все ответственные работники области ездили на службу общественным транспортом. И надо сказать, ответработники отказываются от персональных машин — впрочем, не навсегда, а до тех пор, пока работа городского транспорта не будет налажена. «В ближайшее время» он обещает «спокойно, без запальчивости» решить проблему нехватки земли для частных садоводческих хозяйств. Он клянется изменить положение в деревне, «чтобы женщины, матери наши, не подбирали картошку обмороженными руками». Он борется за восстановление экологического равновесия в Синегорске и добивается отмены проекта строительства химического комбината над «уникальным подземным морем» с «хрустальной родниковой» — «живой водой».

Особенно энергично включается секретарь обкома в

5. Н. В. Гоголь, Собрание художественных произведений в пяти томах, Издательство Академии наук СССР, Москва, 1959, т. 5, стр. 456.

антиалкогольную кампанию. В этой связи в пьесе, где ни разу не упомянут Ленин, возникает имя «товарища Сталина»:

В двадцать седьмом году он заявил так: надо выпуск водки сворачивать, ее заменят радио и кино. Ну что же — радио есть, кино есть, вдобавок у всех телевизоры. А водку свернуть не удалось⁶.

Тут следует заметить, что именно в 1927 году в беседе с иностранными рабочими делегациями, Сталин заявил, что государственная монополия на торговлю водкой, введенная с одобрения Ленина, приносит доход более чем в полмиллиарда рублей, а посему со свертыванием водки партии приходится повременить⁷. Характерно, однако, что, указывая на сомнительное историческое первенство Сталина в этом вопросе, соавторы пьесы дают понять, что «подвиг» нынешнего кремлевского руководства во всесоюзной борьбе с «мутноглазой» от этого не тускнеет, а «наоборот — становится ярче». Потому что «сделан практический шаг».

Итак, Антон Соболев — образцовый «национал-большевик»? Все точки над «і» соавторы пьесы не расставляют. Однако создается впечатление, что не столько «большевистская деловитость» первого секретаря Синегорского обкома КПСС, сколько присущая ему национальная озабоченность является, по замыслу соавторов, той «живой водой», «что способна одной каплей совершить чудо обновления»⁸.

6. Г. Марков, Э. Шим, цит. произв., стр. 133.

7. И. В. Сталин, Сочинения, Государственное издательство политической литературы, Москва, 1953, том 10, стр. 231-234.

8. Г. Марков, Э. Шим, цит. произв., стр. 134.

ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ

Вступление.

В Российской империи в армию не забривали беззубых.

Конечно, неприятно остаться без зубов, но что поделаешь? Рекрут вырывал все зубы, раззевал голую пасть в воинском присутствии, и его с миром отпускали домой.

В советской армии такие детские игры не проходят. А за нанесения самоувечья полагалась штрафная рота. Для сведения: служба в штрафной роте не защищает за действительную службу. Так что после штрафной роты вы попадали в уже обыкновенную — на полный срок.

Прохождение службы в Советской армии оказалось столь непривлекательным занятием, что властям пришлось не только принуждать, но и агитировать. (На заре Советской власти необдуманно издан был закон, освобождающий от воинской повинности толстовцев и пацифистов. Срочно пришлось отменить: объявилось неслыханное количество непротивленцев и «вегетарианцев». История повторяется. Только с нынешними пацифистами церемонятся. На Западе, конечно).

Неожиданно воскрес из небытия первый офицерский чин царской армии — прапорщик. Была срочно организована даже школа прапорщиков. А что делать? Младшим и средним комсоставом Советская армия укомплектована на 65%.

Затея, однако, успеха не имела. Кого из специалистов на летних сборах не убеждали остаться в кадрах? Врачу, инженеру предлагали тройной оклад против гражданского. Желающих не было. Наплыв был в академии исключительно технического профиля. Цель преследовалась одна: приобрести надежную специальность, получить диплом и как можно скорее демобилизоваться.

Спору нет, учиться в гражданском институте куда

вольготнее, нежели в военной академии. Но и поступить гораздо труднее. Большой конкурс.

Между тем, по всей стране из уст в уста передавался целый комплект полезных советов, как избежать призыва в армию. Разумеется, не нанося себе серьезных увечий. Из этих ценных рецептов можно было свободно составить «Справочник дезертира». Я бы мог легко перечислить несколько наиболее эффективных способов, но это не входит в задачу данной статьи.

Мне хотелось бы остановиться только на некоторых особенностях Советской армии.

Только в Советской армии каждому офицеру положен ординарец (по-старому — денщик).

Только в Советской армии солдатская форма отличается от офицерской не только знаками различия, но и качеством материала.

Только в Советской армии питание разделяется на следующие категории:

1. Для солдатско-сержантского состава (формально, конечно, — сержанты и старшины всегда найдут возможность урвать для себя лишний кусок);
2. Для младшего офицерского состава;
3. Для старшего офицерского состава (не зря шутят, что первое офицерское звание начинается с майора);
4. Для высшего офицерского состава — генеральская кухня. (Не случайно: офицерское звание для полковника включительно — присваивается министерством обороны, начиная с генерала — Совмином СССР).

Только в Советской армии распространено рукоприкладство. (Разумеется, я здесь не говорю об армиях некоторых арабских стран, где официально существует наказание палками. Если, допустим, солдату назначают по десять палочных ударов ежедневно в течение недели, то в пятницу не бьют: в четверг наказуемый получает двойную порцию). Правда, между царской армией и советской есть различие: в первой — зуботычины раздавались солдатам. В Советской армии солдат, как правило, не бьют. Но маршалы (Жуков, Чуйков) били генералов.

Только в Советской армии старослуживые нещадно эксплуатируют и обирают первогодков.

Речь пойдет о другом. Какие задачи ставит перед собой руководство Советской армии?

Случай помог мне собрать некоторый материал, который я и предлагаю вниманию читателей.

Форма изложения свободная...

— Вы уже знаете новость? Одна колхозница выдоила курицу. Получила золотую звезду героя. Я тоже получил золотую звезду. За прорыв фронта.

— Какая связь?

— Прямая. Переоценка ценностей. Произошла инфляция. До войны на человека с орденом глазели на улице. После войны — человек с орденом на улице собирал милостыню.

*

Одно время со мной по соседству проживал некий крупный военачальник. В дальнейшем, для удобства, я буду называть его генералом).

Сначала мы просто раскланивались. Потом стали останавливаться на минутку. Потом — на час. Дальше — больше. Он начал захаживать ко мне. Я — к нему. Это было взаимноинтересно. Так, он впервые познакомился с богемой. Я — с генералом. Дальнейшее я постараюсь изложить в форме диалога. Свои литературно-художественные высказывания я оставлю за бортом. Они общеизвестны: дайте свободу самовыражения, и мы себя проявим. Дали (в эмиграции). Проявили. Непризнанные гении остались непризнанными. Признанные по способностям и остались ими. Разве что стали получать больше или меньше по потребностям.

Впрочем, это уже другая тема. Сейчас я хочу остановиться на армейской точке зрения. Стало быть, речь пойдет не о людях чем-то ущемленных, обойденных — наоборот: говорит элита.

Итак:

— Для чего нужна воинская повинность? Почему молодого человека нужно принуждать служить в армии, почему он добровольно идет служить в контору? В случае войны контора не спасет — забреют. Броня — исключение.

Но в мирное время? Чем штатская карьера предпочтительней?
— Свобода.

Свобода

У нас можно критиковать начальника, а у них правительство. Вот и вся разница.

— Свобода... кстати, гайд-парк не дал еще ни одного пророка. Вы наслушались импортных голосов, но они все на один голос. У них, дескать, свободное общество, у нас — нет. А гражданская должность предоставит, вы полагаете, относительно большую свободу, нежели военная?

Ерунда!

Свобода общества и свобода личности не взаимосвязаны. Свобода личности, наша личная свобода совершенно не зависит от того, в каком обществе вы живете. Но исключительно от того, какое положение вы занимаете в любом обществе. Судите сами: заключенный — в любом обществе — пользуется меньшей свободой, нежели вольный. Мысль можно развить... Так вот и стремитесь занять такое положение, которое обеспечит вам максимум свободы.

Наибольшие возможности может предложить только армия. Командир дивизии пользуется неизмеримо большей свободой действий, чем, допустим, директор треста. Вы, конечно, можете сослаться на богему. И ошибетесь. Поручик Лермонтов был куда свободнее Лермонтова писателя. Армия освободила его от всех жизненных забот. Он получает приказы и в свою очередь отдает их. Задача заключается в том, чтобы как можно меньше получать приказов и как можно больше отдавать их. Направьте свои усилия в этом направлении и вы добьетесь для себя лично именно той свободы, о которой надрываются ваши голоса.

Популярность? Поверьте мне, что командир роты гораздо популярней среди своих солдат, чем модный поэт среди своих поклонниц.

— Хочется иметь надежную специальность, профессию...

Специальность? Солдат.

— А почему бы и нет? Молодой человек оканчивает

ремесленное училище, приобретает специальность, скажем, слесаря, стремится повысить квалификацию. А с повышением квалификации он повышает и заработок, Но если он будет плохо работать, его попросту уволят.

Такое же положение должно существовать и в армии. Солдат — специальность. И — высокооплачиваемая. В зависимости от разряда. И уж во всяком случае, — не ниже слесарной! Выше, денежней. В гражданке платят надбавку за вредность, в армии должна быть куда большая надбавка — за опасность. Тогда отпадает необходимость в воинской повинности. Речь идет о трудоустройстве. О личной заинтересованности. О нежелании быть уволенным, потерять высокооплачиваемую работу. Не офицера, работу кадрового солдата.

Согласен. Это обойдется дорого. Но, как говорят самураи, самый дорогой меч оправдывает цену.

Партия. Правительство. Профсоюз.

— Партия и правительство — это два паразита, которые только дублируют друг друга. О профсоюзах я не упоминаю. — Это просто бесполезный отросток, вроде аппендикита. Говорят, у медиков есть сторонники теории, которая предлагает удалять аппендикс в грудном возрасте? Не слышали? Действительно, зачем сперва отращивать, а затем отсекать? Кому нужен этот тупик? Ампутировать раз и навсегда. Организм должен быть здоровым. Зачем нужна кишка, если в ней неожиданно может возникнуть воспалительный процесс? Например, забастовка. Вы говорите, — интересы трудящихся? Интересы трудящихся должны представлять не сами трудящиеся, но тот, кто их правильно понимает. К сведению, эту мысль задолго до меня высказал некто Ленин. Только он считал, что правильно понимает партия, а мы считаем — армия.

Вернемся к побратимам — партии и правительству. Вы скажете, что все верховные и прочие советы — функция. Согласен. Но для чего же тогда их содержать? Чтобы создать видимость демократии? Но она сегодня без надобности даже дворнику. Он уже рожден без этого... тоже аппендикса. Хотите поинтересоваться его мнением? Пожалуйста. Вот он,

кстати, подметает. Трофим, иди сюда. Скажи прямо, тебе нужна демократия?

— Выпить нужно, товарищ генерал.

— Молодец! Возьми 3 рубля.

Убедились? Лучшая общественная структура — армейская. Приказы не обсуждаются, а выполняются. В каждом населенном пункте имеется единоначальник. Он подчинен старшему в звании. Лестница. Командир не избирается, а назначается. Необходима армейская дисциплина. В какой армии солдат выбирает место прохождения службы? Это должно быть и в так называемой гражданке. Никаких самовольных переходов из части в часть. Вы служите там, где вам приказывает ваш непосредственный начальник. За непослушание — трибунал. Пора заменить трудовую дисциплину на воинскую. Лучшее время — комендантский час.

*

Однако, для того, чтобы успешно преодолеть сопротивление, прежде необходимо избавиться от внутренних врагов.

Их — два.

Глист в организме.

— Итак, сложилась ненормальная ситуация. У нас три органа власти: партия, правительство и, извините за выражение, — профсоюзы.

Поговорим о глисте в организме — КГБ. —

В армии эта фирма выдает себя за «спецчасть».

— Чем вам мешает эта почтенная организация?

— При мне состоял глист в звании полковника. Начальник особого отдела. У меня был личный шифр для связи со ставкой. У него тоже был личный шифр для связи с Лубянкой. Он имел доступ к моему шифру. Я — командующий — доступа к его шифру не имел.

Они последними наступали и первыми драпали.

В 41, при великом драпе, я приказал артиллерии прежде подавить спецотдел, а затем перенести огонь на противника.

Кстати, не я один...

Не случайно, ихнее начальство не рисковало лечиться в армейских госпиталях, предпочитало свои.

И правильно делало.

Впрочем, мы отвлеклись.

За всю мою долгую службу я не могу припомнить случая, когда спецотдел был бы мне полезен. В военном отношении. Всю информацию о противнике, о положении в тылу я получал от разведки. Спецотдел занимался исключительно интригами, взаимным подсиживанием. А для успешного продвижения по службе — изобретал внутренних врагов. Неудивительно: внешних он просто не знал.

Это — враг N 1.

Партбездельник

Это — враг N 2.

Помните знаменитую сцену в «Чапаеве»? Вопрос: «Кто командир дивизии? Ты или я?». И ответ: «Ты. И я».

Я считаю такую дивизию небоеспособной. Командиру не нужен политический надзиратель. Соглядатай. И директору завода он тоже не нужен. И председателю колхоза. Что такое институт комиссаров? Еще одна политическая полиция? Кто кого дублирует: партия спецотдел или наоборот. Все, что связано с безопасностью, должно быть полностью передано контрразведке.

Партия изжила себя.

— Однако, это обстоятельство не мешает вам носить партбилет?

— Да. В заднем кармане.

Четвертая подпись

— Смешно слушать ваши претензии! Цензура стишок забраковала. В самиздат пошел. Скажите, пожалуйста, какое геройство. По мне, печатайте всю эту галиматью. За свой счет, конечно. И — конец самиздату. Вам известно, что означает «лит» в переводе на человеческий язык?

— Да. Охрана государственных и военных тайн.

— Вот именно. Военных тайн, а не вашего литературного вольнодумства. Нашли, что охранять... Вам не приходилось читать мемуары маршала Конева? Не в самиздате. В

воениздате. Вот здесь, куда цензура смотрела? Старый дурак проболтался, что на совещании перед началом операции он предложил начальнику артиллерии сократить время арт-подготовки. За счет чего, спрашивается. За счет ввода в бой свежих людских резервов. И это пропустила цензура! Под каждым приказом стоят три подписи: командующего, начальника штаба и члена военного совета. Последний — просто партийный вертухай.

Но есть еще и четвертая незримая подпись — начальника финансовой части. Именно она и была в данном случае решающей.

Вы обратили внимание, что у нас ежегодно торжественно отмечают «День танкиста». «День артиллериста» и пр. А вот «Дня пехотинца» нет. Солдат — не танк, он денег не стоит. Его можно не беречь. Чему вы удивляетесь? Почему вас не удивляет, что в Советском Союзе нет ордена Пугачева, но зато имеется один из высших орденов его усмирителя Суворова?

Четвертую подпись необходимо отменить. В современных условиях она стала нерентабельной. Подготовка квалифицированного солдата сегодня обходится дорого.

Это не наши калеки!

— Объясните, генерал, такую ситуацию. Вы как-то упоминали, что обязательные жертвы запланированы во время маневров...

— Хорошо. Позже я останавлюсь на этом подробнее. Продолжайте.

— С двумя такими жертвами я познакомился в больнице, где лежал с переломом ноги. Солдаты сидели в блиндаже и по правилам игры должны были пропустить через себя танки. А блиндажи почему-то рухнули, не выдержали тяжести танков. Солдаты лет по 20, пожизненно парализованы, мочились в бачки через зонд. Мне сказал завотделением, что проживут они в таком состоянии еще лет по 50-60 — хлопцы здоровые... Но почему они попали в гражданскую больницу, а не в военный госпиталь?

— Прежде всего, блиндажи рухнули не почему-то, а потому, что строительные материалы, отпущенные на

перекрытие блиндажа, пошли на строительство генеральской дачи. Много писали, что всякая гражданская стройка обростает персональными коттеджами начальства. Из каких материалов? Но я ни разу не читал, что строительство любого военного объекта тоже немедленно обростает персональными коттеджами для начальства. Из каких материалов? Неудивительно, что блиндаж не выдержал тяжести танка.

Теперь — другой вопрос: почему солдаты попали в гражданскую больницу? Да потому, что их задним числом демобилизовали. И они уже числятся не за министерством обороны, а за министерством социального обеспечения. И будут получать не военную пенсию, а гражданскую. А так как трудового стажа у них нет, то пенсия потянет рубликов на 15 в месяц.

Это не наши калеки!

Это гражданские калеки!

Разве содержание военной кафедры в любом гражданском вузе оплачивается из бюджета министерства обороны? Нет. Из бюджета соответствующего ведомства.

Разве, когда во время парадов или учений наносится ущерб дорогам или посевам, его покрывают из военного бюджета? Никогда.

Строительство военных училищ, академий, военкоматов, управлений идет только за счет местных бюджетов. Кто содержит контингенты наших войск в странах Варшавского пакта? Они сами их и содержат.

Знаете ли Вы, что каждый завод или фабрика имеет и второй, секретный, производственный план — на случай войны? Это означает, что, допустим, фабрика модельной обуви перейдет на сапоги. Но фабрика входит в систему министерства легкой промышленности.

Поэтому мы можем гордиться тем, что на нужды обороны тратится всего... посмотрите материалы сессии Верховного Совета. Цифра там указана точно.

Вывод: бюджет Министерства обороны должен быть резко увеличен. Официально за счет гражданского населения. Нечего стесняться!

Наши калеки должны быть обеспечены! Солдат

принадлежит государству. А государственное имущество нужно беречь.

21. 8. 68

— В Израиле могут только зарезать курицу, у нас есть возможность съесть ее.

— Поясните.

— Пожалуйста. Израиль может выиграть сражение, но не войну. Выигранная война — это захваченные территории. А у Израиля нет для их освоения людских ресурсов. И соседи Израйля прекрасно понимают это и будут и в дальнейшем навязывать Израиллю заранее проигранные войны. Любая война истощает Израиль и позволяет арабам избавиться от излишка населения, которое невозможно обеспечить ни жильем, ни работой. Оружие мы им будем поставлять: где иначе мы его можем испытывать? Для нас это естественный полигон. Для американцев, кстати, тоже...

— Какое все это имеет отношение к 21 августа 1968 года? Вы ведь сказали, что чисто прагматически не понимаете трех горлопанов, которые устроили на Красной площади «массовую» демонстрацию...

— ...и совершенно справедливо угодили в кутузку. Каждый здравомыслящий человек в СССР должен только приветствовать оккупацию Чехословакии. У нас переизбыток людского материала, чтобы освоить их территорию. И не только их... Мы получили еще один военный плацдарм. На военном языке это называется «стратегическая глубина». А это значит, что будущая война будет вестись на их земле, будут уничтожаться их города и села, а не наши. Согласитесь, что каждый здравомыслящий человек, проживающий в СССР, должен этому только радоваться.

Сталин — трус!

— Тотальная мобилизация — 10% населения. Из них — 25% активных штыков. В 1945 году мы имели отмобилизованную, закаленную в боях армию. Не в пример — союзничкам!

В 1944 году Германия была при издыхании. И тогда-то после блестящей операции Отто Скорцени в Арденнах наших

доблестных соратников пришлось спасти от катастрофы. После капитуляции Германии мы имели возможность походным маршем пройти Западную Европу. Сегодня мы бы стояли на берегу Ла-Манша.

Сталин — трус!

А теперь приходится по крохам отщипывать то, что мы могли сходу иметь в 45 году. Как, например, 21.8.68 г.

— Но у американцев уже была атомная бомба.

— Не посмели бы! Мы — не Япония! Я не говорю уже о том, что мы были в ореоле славы. Но что меняло уничтожение нескольких наших крупных городов (а на большее — бомб у них не было), когда лавина катилась по Европе? Наоборот! Это только бы дало нам повод форсировать Ла-Манш. И они это прекрасно понимали.

Да и вообще, третья война не обязательно должна быть атомной. Не была же вторая война химической? Палка о двух концах! Кроме того, их плотность населения гораздо выше нашей. И еще одно немаловажное обстоятельство. Оружие массового уничтожения мешает военным проявить свои личные качества.

Вполне возможно, что будущая война будет вестись по старинке: классическим оружием.

Будущая война

Вы только что сказали: будущая война. Как профессиональный военный, вы считаете ее неизбежной?

— Как профессиональный военный, я считаю ее желательной. Для меня, профессионала, мир является противоестественным состоянием, а война — нормальным. Я не буду говорить о прописных истинах, о том, что в мирных условиях армия дисквалифицируется, теряет боеспособность. Никакие маневры не заменят настоящего боя. Вам известно, какова норма людских потерь во время маневров? (Вспомните ваших калек!) Три человека на дивизию. Если погибло больше трех человек, значит дивизия плохо подготовлена. Если меньше, — значит командир жалеет людей, и его следует отчислить в резерв: для службы в армии он не пригоден. Его место в министерстве социального

обеспечения. И вот по такой цифровой статистике приходится судить о боеспособности армии. Смешно!

— Кстати, какому уровню доступна эта цифровая статистика?

— После определенного количества выстрелов орудийный ствол изнашивается. Пушку отводили на лайнеровку. То есть вырезывали изношенную резьбу и вставляли втулку со свежей резьбой. Однако, опыт еще первой мировой войны показал, что ни одно орудие не умирает естественной смертью. Следовательно, производить эту длительную и дорогостоящую операцию нерентабельно. Ее больше не производят. Пушка стреляет, пока она стреляет. Согласитесь, что если каждый артиллерист будет знать об участии своей пушки, толку от него не дождешься.

Полагаю, я ответил вам, какому уровню должна быть доступна эта цифровая статистика?

Начиная с командира корпуса. А не для тех калек, которых вы встретили в гражданской больнице.

Но — и не это главное.

Вернемся к 21.8.68 г.

Наша профессия.

— Это была, конечно, не война — подготовка к будущей. (К слову, Чехословакию мы задушили на 20 лет раньше, когда по приказу тогдашнего министра строительных материалов Л. Кагановича, мы вывезли оттуда оборудование цементных заводов: нам срочно нужно было восстанавливать хозяйство. За их счет, конечно).

Давайте поставим точки над і.

Вы можете представить себе врача, который не хочет и не любит лечить? Инженера, который не хочет строить?

Как же военный может не хотеть воевать? Это наша профессия.

Наконец, если врач или инженер может проявить свои способности в мирное время, то военный... Назовите мне хотя бы одного швейцарского полководца за последние, скажем, сто лет?

Нету.

Вам известен генерал Врангель по популярным сти-

шам, а мы изучаем его как крупнейшего стратега XX века.

Знаете ли вы, что в свое время я получил в академии тройку за разбор танковой атаки Гудериана? Правда, уже в свое время я вlepил кол за тот же вопрос нынешнему главнокомандующему бронетанковыми войсками!

Генерал провел тыльной стороной ладони по щетине, усмехнулся:

— Как видите, опять небрит. И это при наличии двух дармоедов-ординарцев. На фронте я брился каждый день. Но не могу же я самого себя посадить на гауптвахту?.. Беря пример с командира, опускаются подчиненные — вот в чем беда. Мирное время противопозказано любой армии, наша — не исключение. Правда, мы не позволяем армии разлагаться. Боеготовность армии мы искусственно поддерживаем непрерывной войной: за последние 50 лет ни одно государство в мире не развязало столько локальных войн, как СССР. Но это не то. Необходима большая война.

— Но, генерал, это не будет война Белой и Алой роз. В случае проигрыша вас ожидает Нюренберг.

— Знаю. Но до этого не дойдет. У нас есть в избытке то, чего не достает нашим противникам.

— Именно?

Единогласность.

— Я люблю гулять в штатском, чтоб не глазели на погоны... Однажды возле высотного здания собралась толпа. Интересуюсь: в чем дело? Застрелился подполковник. Причина? Американский шпион. Боялся разоблачения. Единогласно! Иных причин и быть не может. Действительно, чего подполковнику не хватало? Стало быть, — шпион. Отщепенец. Выродок. Одним словом, — диссидент.

Пока интеллигент борется за права человека — это не опасно. Вот когда колхозник начнет бороться за право быть человеком, за право на водопровод и электричество — другое дело! Вам встречалось подобное явление? Мне — нет. А пока для народа дурак-подполковник обязательно шпион — можно спать спокойно. Для армии — это идеальный материал. Пока солдат не думает — он непобедим.

Я сказал:

— Может быть, еще не думают, но начинают задумываться.

— Пока не начали — в армию! Там у него для размышлений не будет свободного времени. Кстати, согласно уставу, у солдата и нет свободного времени. Только личное.

Подводя итоги.

Робеспьер сказал: «Пруссия — это не государство, которое имеет армию. Пруссия — это армия, которая имеет государство».

Советская Армия уже дважды пыталась захватить государство. (Группа Тухачевского. Группа Жукова). Обе попытки не увенчались успехом. Удастся ли третья (четвертая) попытка — покажет будущее.

В случае успеха — третья мировая война неизбежна.

P. S. В Советской Армии все приказы отдаются только на русском языке. Но это уже тема для особой статьи.

Рафаил Бахтамов

ТРУД В СССР: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

«Теория»

Один из важнейших мифов советской идеологии — миф о научных основах социализма. Если верить этому мифу, Маркс и Энгельс не только открыли «истории законы», но и разработали генеральный план коммунистической системы. Завершил эту работу Ленин, создав конкретную — и вместе с тем универсальную — модель будущего.

Предполагается, что все это настолько очевидно, что должно приниматься как аксиома, не требующая доказательств. И это разумно, ибо стоит нам обратиться к поискам доказательств, как обнаружатся вещи странные, прямо-таки удивительные.

Обнаружится, например, что природой новой формации Маркс и Энгельс практически не занимались. Объектом их исследования был капитализм, и только капитализм. В этой области они действительно немало сделали, продолжив классические работы Рикардо и Адама Смита. О социализме они писали мало и мимоходом, даже и не пытаясь представить себе его экономику и ту систему отношений, которая возникнет между людьми в новых условиях. Что касается Ленина, то его основополагающая работа по этому вопросу — «Государство и революция» — произведение, которое иначе как фантастическим назвать нельзя, настолько далеки его положения от реальной советской действительности.

Особенно нагляден разрыв между практикой и марксистско-ленинской «теорией» в таких сферах, как производственные отношения, труд, зарплата — то есть в вопросах, от которых зависит и общее состояние экономики страны, и благосостояние отдельных людей.

Известная марксистская формула проста: «От каждого по способностям, каждому по труду.» Ну, а как представляли

классики осуществление этой формулы на практике? Оказывается, тоже на удивление просто.

«При общественном присвоении денежный капитал отпадает... — писал Маркс. — Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных запасов предметов потребления то количество продуктов, которое соответствует времени их труда. Но эти удостоверения не деньги: они не совершают функции обращения.»

А теперь Ленин:

«Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного „синдиката“. Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим упрощен капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответствующих расписок.

Позднее «равная оплата» была заменена «оплатой по труду», но святая уверенность в том, что для этого достаточно знания «четырех правил арифметики» у Ленина сохранилась надолго. Вот как он себе это представлял: «Каждый член общества, выполняя известную долю общественно необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответствующее количество продуктов. За вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд, каждый рабочий, следовательно, получает от общества столько же, сколько он ему дал.

Соблазнительно, не правда ли? Теперь мы уже знаем, что последствия этой соблазнительной простоты оказались катастрофическими. Страна, обладающая богатейшими в мире природными ресурсами, не вылезает из «временных затруднений» и вынуждена покупать на Западе зерно, самые обычные товары, станки, инструменты, приборы — короче, все.

Самое поразительное, что эффект этот легко было предвидеть заранее. А это значит, что люди, призывающие к переустройству мира и осуществившие такое переустройство в

ходе страшной революции, кровавой гражданской войны и не менее кровавых пятилеток, никогда не давали себе труда всерьез задуматься о том, как будет функционировать система, которую они собирались создать. Главное для них было захватить власть; все остальное, считали они, приложится.

Каждый, кому в СССР приходилось изучать политическую экономию, не мог не обратить внимания на принципиальное различие двух ее частей. Политэкономия капитализма — при всей тенденциозности ее изложения — наука; политэкономия социализма — набор общих фраз и лозунгов. Достаточно вспомнить «открытый» Сталиным «основной закон социализма: все более полное удовлетворение непрерывно растущих потребностей народа».

Понятно, что к реальной жизни все эти «законы» и «принципы» были абсолютно не приложимы. Сам Ленин обнаружил это уже через четыре года после революции. «На экономическом фронте с попыткой перейти к коммунизму, — вынужден был признать он, — мы к весне 1921 года потерпели поражение, гораздо более серьезное, чем какие бы то ни было поражения, нанесенные нам Деникиным и Пилсудским, поражение гораздо более серьезное, более существенное и опасное...»

Надо отдать Ленину справедливость: он нашел выход. НЭП, то есть все тот же отсталый, реакционный, давно изживший себя капитализм, за какие-нибудь два года вывел страну из того глубокого экономического и политического кризиса, в который завел ее «передовой» социализм.

Однако советские вожди никогда не считали экономику самостоятельной сферой, для них это была лишь часть политики, ей подчиненная и ею направляемая. А главное в их политике была власть — полная и абсолютная. Поскольку же НЭП давал людям хотя бы относительную независимость, то они легко пожертвовали НЭП'ом, а вместе с ним и той экономической стабильностью, которую удалось достичь в этот период. Началась эпоха индустриализации и коллективизации — эпоха голода, разорения крестьян, нещадной эксплуатации рабочих, массовых лагерей принудительного труда. Короче — новых производственных отношений.

Понять суть этих отношений не так просто. Нас

уверяют, например, что труд в СССР — дело чести, доблести и героизма, что рабочие и крестьяне — подлинные хозяева страны, что бесчисленные партийные, советские, профсоюзные, комсомольские вожди — всего лишь «слуги» этих хозяев, непрерывно пекущиеся о благосостоянии избравшего их народа.

Обратимся, однако, к фактам. В свое время Ленин ввел партмаксимум — правило, по которому зарплата партийного деятеля не должна была превышать зарплату рабочего средней квалификации. Под лозунгом борьбы с «уровниловкой» это ограничение было быстро уничтожено. Сейчас зарплата партдеятеля высокого ранга превосходит среднюю и в три, и в шесть раз. Но цифры в данном случае мало показательны, ибо для партийной элиты главное — не зарплата, а те бесчисленные льготы, которыми они пользуются. Это — и кремлевский паек, и путевки в «свои» санатории, и закрытые распределители, и особые больницы, и привилегированные школы и институты для их отпрысков, и огромные благоустроенные квартиры, и персональные пенсии...

Все это, конечно, отнюдь не рекламируется. Но поскольку вовсе скрыть эту практику невозможно, то имеется готовое объяснение со ссылкой все на ту же формулу оплаты «по труду». Нас уверяют, что труд партийного или профсоюзного босса настолько важен и сложен, что было бы просто несправедливо лишать его «заслуженных» привилегий...

Что касается остальных — рабочих, крестьян, интеллигенции — то с ними все обстоит и много проще, и много сложнее. Проще потому, что тенденция здесь достаточно определена: получить как можно больше, дав взамен как можно меньше. А сложнее потому, что эта задача так элементарно не решается: если государство делает вид, что платит за работу, то эти остальные делают вид, что работают. Поскольку же материальные ценности производят не секретари райкомов и председатели профкомов, а рабочие, крестьяне и интеллигенция, с этим фактом приходится считаться. Так возникает сложная игровая ситуация, в которой одна сторона, партия и правительство, используя самые разные методы — от норм до красных

знамен, пытается заставить людей работать, а другая, труженники, инстинктивно этому сопротивляется. Ситуация чрезвычайно важная и интересная, без знания которой трудно понять причины хронического кризиса советской экономики.

Практика «реального социализма»

Глагол «продавать» в Советском Союзе не любят. Может быть, поэтому даже картошку там не продают, а «дают» или «выбрасывают». Но если неприлично продавать картошку, то уж вовсе жутко продавать свой труд. Получается хуже проституции: проститутка торгует только телом, а наемный работник — и телом, и умом, и знаниями. Этот психологический стереотип настолько прочен, что многие вполне разумные люди приходят в ужас от мысли работать на хозяина. Куда благороднее работать на обезличенном государственном предприятии, даже если платят там гроши.

Легко понять, что в данном случае речь идет уже не только о труде и его оплате, но и о чем-то еще более значительном — об отношениях людей в процессе труда, или иначе — о производственных отношениях. При капитализме характер этих отношений ясен: основу их составляет свободный рынок. Это значит, что работник продает свой труд на рынке труда, а работодатель — все равно капиталист или государство — этот труд покупает. При этом, естественно, обе стороны свободны и в выборе, и в назначении условий. Скажем, работник может в любой момент уйти с предприятия, а работодатель может не взять работника только потому, что ему не нравится, скажем, как тот разговаривает.

Определить характер отношений при социализме гораздо сложнее. Сталин уверял, что социалистические производственные отношения строятся не на эксплуатации, а на дружбе и сотрудничестве.

Дружба и сотрудничество — это, конечно, хорошо, прямо-таки замечательно. Но что это означает на практике? Каков конкретно тип отношений, которые связывают работника с работодателем — государственным предприятием, учреждением, ведомством?..

До недавнего времени история знала четыре типа отношений: первобытная община, рабовладение, феодализм и капитализм. Разбирать первый из них нет смысла — слишком давно это было. Что касается остальных, то капитализм, с его куплей-продажей, царством чистогана и прочее, вовсе не кажется самым худшим. Разумеется, раб или крепостной крестьянин не торговали своим трудом, из них этот труд выбивали. Вряд ли второй глагол звучит много лучше...

Можно себе представить (благо человеческое воображение позволяет) и некое светлое будущее, при котором все работают по способностям, а получают по потребностям. Но даже самые заядлые оптимисты на Западе, даже советская пропаганда вынуждены признать, что пока этого нет. А судя по тому, что СССР находится лишь в самом начале длительного периода зрелого социализма, подобный вариант в ближайшее время и не предвидится. Каковы же тогда производственные отношения при социализме?

Не станем спешить с ответом, подумаем. Маркс, горячий поклонник античности, называвший ее золотым веком человечества, представлял себе коммунизм в виде гигантского города-государства, типа Афин. Только работать в нем должны были не рабы, а свободные люди.

Похоже, что и Ленину вначале казалось, что решить эту задачу несложно. Рабочие, освобожденные от капиталистического гнета, с радостью отдадут все свои силы труду на благо общества, не думая о таких презренных вещах, как деньги, продукты, товары, жилье...

Очень скоро, однако, обнаружилось, что именно рабочие (заметьте: не крестьяне и даже не интеллигенция!) менее всего склонны работать даром, что они почему-то предпочитают продавать свой труд и хотели бы продавать его подороже! И вот Ленин, еще недавно восхвалявший сознательность рабочих, начинает честить их последними словами, обвиняя в лени, рвачестве, рабской психологии и других смертных грехах.

Ему уже ясно, что на сознательности далеко не уедешь, что рабочих надо не убеждать, а принуждать. Метод «трудовых армий» прочно связан с именем Троцкого. Он, действительно, был их инициатором. Но не будем забывать,

что звание соавтора этого изобретения с ним по праву делит Ленин. И если от трудовых армий быстро отказались, то вовсе не потому, что они противоречили идеям коммунизма, а потому что они были катастрофически неэффективны. Люди отказывались работать, бежали, поднимали восстания. Не требовалось быть мудрецом, чтобы понять: попытка возродить рабовладение в XX веке не удастся. Строй, который был неэффективен уже во времена позднего Рима, явно не выдержит конкуренции с капитализмом!

Что же оставалось? Оставался, увы, все тот же капитализм. Торжественно изгнанный из социалистического рая в дни революции, он нахально лез в окно, требуя восстановления — хотя бы частично, хотя бы в какой-то мере — тех отношений свободного рынка, купли-продажи, благодаря которым человечество достигло современного уровня производительности труда.

Уже не стоял вопрос о том, допустимы ли такие отношения — было ясно, что другого выхода нет. Возникли другие вопросы. Например, в какой мере государство должно ограничивать свободу рынка и как использовать отношения купли-продажи труда с максимальной выгодой для пришедшего к власти класса?

На первый вопрос советские вожди в разное время отвечали по разному. В эпоху НЭП'а ограничения были невелики, перед войной — огромны. Известные указы о прогулах, опозданиях, запрещении ухода со службы низвели работника до положения то ли раба, то ли крепостного. Принудительная коллективизация и многочисленные законы (типа указа об обязательном минимуме трудовой или закона от 7 августа 1932 года) вернули крестьянина к светлым временам Ивана Грозного. Нынешнюю ситуацию трудно определить однозначно. С одной стороны, опоздание, прогул, переход на другое место работы уголовно не наказуемы; с другой — крестьянин по-прежнему прикреплен к земле, «тунеядство» преследуется, к «летунам» применяются меры административного воздействия. Похоже, наступила эпоха вольноотпущенников и либеральных помещиков, которые отпускали крепостных в город, на отхожий промысел.

Со второй проблемой дело обстояло много сложнее.

Чтобы прокормить правящий класс — всех этих партийных боссов и советских аппаратчиков, профсоюзных и комсомольских бездельников, бесчисленные органы принуждения, контроля и надзора, офицерство и генералитет огромной армии — требуются колоссальные средства. При хронической неэффективности советского народного хозяйства получить эти средства можно было только одним способом — поддержанием уровня оплаты на достаточно низком уровне.

Разумеется, тут тоже есть свои пределы. В разное время власть пыталась перейти эти пределы при помощи стахановских (то есть совершенно нереальных) «рекордов», так называемых «научнообоснованных» норм, низких тарифных ставок и т. п., но неизменно наталкивалась на упорное (чаще пассивное, а иногда и активное) сопротивление работников. Поэтому в последние годы стали практиковаться более тонкие методы. Во-первых, незаметный, ползучий рост цен, то есть повышение косвенных налогов. Во-вторых, новая система производственных отношений, когда оплата отдельного работника ставится в прямую зависимость от результатов общего труда — в том числе от тех элементов трудового процесса, с выполнением которых работник непосредственно не связан. Эта система «круговой поруки» практикуется нынче в двух вариантах. В промышленности и строительстве — система подрядных бригад, в сельском хозяйстве — безнадрядных звеньев.

Интересно, что в обоих этих вариантах принцип купли-продажи выражен куда более четко и наглядно, чем в мире «чистогана», где работнику гарантирована твердая оплата его труда, не зависящая от просчетов других. Тем более забавно, что советская пропаганда именует эти «суперкапиталистические» отношения истинно социалистическими, усматривая в них — в который уже раз! — зримые ростки коммунизма...

Диалектика трудовых отношений

Разработка рациональной системы оплаты труда — задача сложнейшая. Опыт показывает, что ни одна из существующих систем не решает эту задачу оптимально — в лучшем случае достигаются приемлемые, удовлетвори-

тельные результаты. Не случайно в американских курсах науки управления эта тема занимает центральное место.

Все три системы оплаты труда рабочих, которые применялись и применяются в промышленности Советского Союза (повременная, сдельная и аккордная), заимствованы у капитализма.

При повременной системе основу оплаты составляют квалификация работника, определяемая его разрядом, и число отработанных часов. При сдельной — количество (а в какой-то мере — и сложность) затраченного им труда, определяемое по отношению к некоему эталону, «норме». Наконец, при системе аккорда некоторый (обычно — законченный) цикл работ оценивается в определенную сумму, которая и выплачивается, независимо от того, сколько времени заняли эти работы и какова квалификация исполнителей.

Понятно, что у каждой из этих систем есть свои достоинства и недостатки. Однако в Советском Союзе — уже с начала 30-х годов — основное применение получила сдельная оплата. Использование повременной системы допускалось лишь в тех случаях, когда установить норму было практически не возможно — например, при обслуживании агрегатов или при производстве случайных ремонтных работ. Что касается аккордной оплаты, то область ее применения была вообще сведена к минимуму: срочная разгрузка простаивающих вагонов, очистка котлов и иные работы, не терпящие отлагательства.

Может показаться, что такое предпочтение оправдано — ведь именно сдельщина позволяет точнее учитывать труд и оплачивать его по количеству и качеству. Но это — иллюзия. Современное производство включает огромное количество операций, и операции эти производятся в настолько различных условиях, что любая попытка выработать единые критерии оценки, некие общие нормы обречена на неудачу. Вместе с тем заранее заданная норма давит на работника, подгоняя его и вынуждая ускорять работу. В результате некоторый рост количества оборачивается резким снижением качества. Для предприятий, работающих в условиях конкуренции, это недопустимо. Не удивительно, что на Западе от сдельной оплаты практически отказались, заменив

ее повременной. Почему же в Советском Союзе до последнего времени столь упорно держались за сдельщину?

Тому есть несколько причин. Первая и главная — в том, что сдельная оплата, как никакая другая, позволяет подгонять работника, выжимать из него все, на что он способен, и даже больше. И достигается это просто — манипуляцией с нормами. Во-вторых, сдельщина создает ощущение справедливости: вот тебе норма, и только от тебя зависит, сколько ты заработаешь. А чтобы усилить эту иллюзию, придать ей вид правдоподобия, был создан особый институт передовиков производства — стахановцев, ударников, которые каким-то странным образом умудрялись выполнять по несколько норм, заканчивать пятилетку в два-три года. Наконец, последнее — по порядку, но не по значению — обстоятельство состоит в том, что сдельная система дает возможность наиболее полно контролировать труд, предписывая работнику не только объем, но и порядок выполнения работ.

Эта характеристика будет однако, неполной, если не сказать еще об одном, решающем, моменте. Действующие в СССР нормы выработки (как бы они ни назывались — статистическими или научно-обоснованными) с самого начала были завышены, а расценки, напротив, занижены, так что даже выполнение этих фантастических норм не обеспечивало работнику нормальный уровень жизни.

Естественно, что подобная ситуация не могла не привести к борьбе. Борьба эта — чаще всего глухая, скрытая — и составляет самую основу производственных отношений при советском социализме. Она ведется буквально повсюду — на предприятиях, стройках, автомобильном и железнодорожном транспорте. В этой борьбе отчетливо ощутимы две тенденции. Тенденция властей — под любым предлогом ужесточить нормы выработки; тенденция рабочих — искать и находить пути, позволяющие обходить нормы и увеличивать заработок до приемлемого уровня. Особое положение в этой борьбе занимает среднее командное звено — люди, относящиеся к администрации, но непосредственно соприкасающиеся с рабочими, а значит, в той или иной степени заинтересованные в результатах их труда.

Что, собственно, может сделать сам рабочий? Он может

работать быстро и плохо, жертвуя ради количества качеством. Еще он может сменить место работы, перейдя на другое — тоже, разумеется, социалистическое — предприятие, где все те же условия. Вроде бы немного. Дело, однако, в том, что эти действия, может быть, и не имеющие особого значения для высшего руководства страны, больно бьют по тем руководителям среднего звена, от которых требуют выполнения плана и других производственных показателей. Естественно, что эти люди, оказавшиеся между молотом и наковальней, вынуждены лавировать. Они не могут допустить выпуск сплошного брака и, тем более, не могут остаться без рабочих. С другой стороны, не в их власти изменить нормы или их игнорировать. Так возникает явление, которое на официальном советском языке называется очковтирательством, приписками, а среди рабочих — туфтой. Масштабы этого явления настолько огромны, что можно с полным основанием говорить о индустрии приписок. Характерно, что, например, газета «Известия», летом прошлого года посвятила «туфте» специальную статью доктора юридических наук Каллистратовой. В статье которая так и называлась — «Анатомия приписки», были приведены очень интересные факты. Чего стоит, скажем, специальная классификация приписок: необходимые, разгильдяйские, горловые и т. д., или утверждение, что, если судить по отчетам, наши шофера давно перевезли весь земной шар.

Не вдаваясь подробно в технологию туфты, отметим тут два основных метода. В промышленности, где объем работ легко проверить, «перевыполнение» достигается преимущественно за счет занижения так называемых опытно-статистических норм. Чтобы составить такую норму берут опытного человека, который понимая, что от него требуется, работает как только возможно медленно. Затем накидывают время на неизбежные простои, поиски инструмента, уборку стружки и прочее. В результате возникает «норма», которую нормальный рабочий может легко перекрыть в два-три раза.

Иная методика на строительстве. Тут как раз нормы жестоко ограничены, и никакая самодеятельность не допускается. Но зато с объемами и видами работ полное раздолье: подносить камни можно на шесть метров, а можно

и на двадцать; можно манипулировать с категорией грунта; можно, наконец, зимой очищать объект от бесчисленного количества снега — кто его учтет?..

Конечно, возможности начальника цеха или прораба тоже ограничены — существует фонд зарплаты, выходить за пределы которого опасно. Но какое-то поле маневра у руководителя есть, и он им пользуется. Эта странная игра идет уже не одно десятилетие: власти ужесточают нормы, администрация их обходит. Например, совсем недавно, 19 июля нынешнего года, в «Известиях» опубликовано постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС «О мерах по улучшению нормирования труда в народном хозяйстве.»

Сообщение напечатано мелким шрифтом и содержит нарочито обтекаемые формулировки. Но направленность постановления очевидна. Оно предусматривает проведение в 1985-1986 годах повсеместной проверки действующих норм и приведение их в соответствие «с достигнутым уровнем техники, технологии, организации производства и труда». Поскольку предполагается, что все эти слагаемые за последние годы неизмеримо выросли, то, естественно, должны повыситься и нормы... Легко предсказать, что за этим последует. Последует новый каскад приписок. Именно в этом — в постоянной борьбе между государственной политикой ужесточения эксплуатации и сопротивлением эксплуатируемых — и состоит диалектика развития социальных производственных отношений.

Как создаются проблемы

Проблема оплаты труда в сельском хозяйстве возникла вместе с колхозами. В России — все равно, дореволюционной или доколхозной — ее не было. Участок земли принадлежал крестьянской семье, которая не нуждалась в том, чтобы учитывать труд каждого члена семьи — все было на виду. И благосостояние семьи зависело не от доли труда каждого, а от результата общих усилий — урожая. Конечно, и среди крестьян были разные работники — и получше, и похуже, но, как правило, трудились они добросовестно, не считаясь со временем, иного подхода земля просто не допускала.

Неизвестно, как рисовали себе новые производственные отношения создатели колхозов. Факт, однако, что на практике они очень быстро столкнулись со сложнейшими проблемами: «просто так», на основе равной оплаты за будто бы равный труд, крестьяне работать не хотели. Нужно было изобрести эталон, какую-то меру труда, позволяющую сравнивать и оценивать усилия, вложенные в общее дело данным конкретным человеком. Так появился трудовдень.

Объяснить, что это такое — довольно трудно. Если в промышленности каждая из систем оплаты — сдельная, повременная и аккордная — существовала в относительно чистом виде, то в сельском хозяйстве все они были причудливо перемешаны. В одних колхозах трудовдень начислялся за восемь-десять часов работы (повременная система), в других — за выполнение определенного задания, скажем, чистку коровника (аккорд), в третьих — устанавливали нечто вроде норм и начисляли трудовдни в зависимости от их выполнения. Понятно, что в условиях такого произвола все зависело от благорасположения начальства: захочет председатель колхоза, бригадир или даже скромный учетчик — начислит трудовдни, не захочет — не начислит.

Впрочем, начисление трудовдней (или «палочек», как их называли в колхозе (тоже мало, что означало, поскольку отнюдь не гарантировало даже минимального заработка. Предполагалось, правда, что полученный хозяйством урожай (а равно и другие его доходы) должны в конце года делиться пропорционально вкладу каждого, то есть числу выработанных им трудовдней.

Но это была теория. На практике же, прежде чем делить доходы, колхоз был обязан рассчитаться с государством (обязательные хлебозаготовки), расплатиться с МТС за машины и услуги, выделить зерно в семенной фонд, внести средства в фонд развития хозяйства, обеспечить питание скота и самих колхозников во время полевых работ, и только потом, если что-то останется, он был вправе распределять этот остаток.

Если учесть, что производительность труда в колхозах всегда была невысока, а поборы государства и местных властей постоянно росли, то чаще всего распределять было

вообще нечего. Известно, что нуль, помноженный даже на самое большое число, остается нулем.

Сейчас уже трудно поверить, что колхоз, где на трудодень приходилось 200-400 граммов зерна, считался вполне благополучным, почти зажиточным. Для сравнения отметим, что в досоветской Литве, с ее бедными землями, нанятому на короткий срок работнику (так называемому батраку) обычно отсыпали за день работы два пуда зерна — пшеницы, ржи или ячменя. (Интересно, что советская пропаганда именовала такую оплату — 32 килограмма в день! — не иначе как нищенской. Считалось, видимо, что колхозные двести граммов неизмеримо питательнее, ведь они получены при социализме...)

Не так-то просто подобрать определение для системы производственных отношений в колхозах сталинской эпохи. Крепостное право? Да, но этого недостаточно. Барщина? Конечно, но барщина такая жестокая, такая абсолютная, которой история России не знала. Правда, социалистическое государство было вынуждено сделать одну уступку физической природе человека — дать крестьянину для пропитания приусадебный участок, без которого он просто умер бы с голоду. Но вместе с тем оно отобрало у крестьянина время, когда он мог бы на этом участке работать, — невыполнение закона об обязательном минимуме трудодней влекло за собой уголовную ответственность, а минимум был куда выше, чем число дней в году...

Это значит, что на полях колхоза, то есть на барщине, человек должен был работать 12-14-16 часов, а уже потом — глубокой ночью он мог позволить себе роскошь покопаться на своем участке. Не оставалось сил? Что ж, кто не работает — тот не ест.

Надо отдать справедливость Хрущеву — став первым секретарем ЦК, он довольно откровенно обрисовал положение в колхозной деревне. Более того, он попытался даже изменить ситуацию: сначала был установлен так называемый безвозвратный аванс, то есть минимальная оплата труда, а затем в сельском хозяйстве, по образцу промышленности, была введена сдельная оплата.

С точки зрения интересов колхозника это был, несомненно, огромный шаг вперед. Однако, если взять

сельское хозяйство в целом, то оно мало что выиграло. Дело в том, что количественные показатели выполнения норм — далеко не идеальное средство учета труда даже в промышленности — в сельском хозяйстве вообще теряют смысл. К примеру, тракторист, чья оплата зависит исключительно от количества вспаханных им гектаров, разумеется, будет гнать трактор со всей возможной скоростью, мало думая о том, что принесут эти гектары осенью.

Прошли ни один год и даже не одно десятилетие, прежде чем советские руководители спохватились. К тому, что написано по этому поводу в советских газетах, журналах, книгах, трудно что-нибудь добавить. Даже неспециалисту ясно, что ежегодные неурожаи и, как следствие, систематические закупки зерна и других продуктов на Западе, нельзя постоянно валить на погоду.

Модную ныне в Советском Союзе систему подрядных бригад или безрядных звеньев связывают с именем Горбачева. Видимо, нынешний генеральный секретарь, окончивший сельскохозяйственный институт, имеющий многолетний опыт руководства сельским хозяйством, и в самом деле понимает, что с помощью норм и расценок проблемы не решишь.

Столь же ясно, однако, что безрядные звенья — решение тоже далеко не идеальное. Земле нужен хозяин: человек (или люди), который будет заниматься ею из года в год, зная, что от земли зависит не месячный заработок, а все его благосостояние. Понятно, что звенья или бригады, созданные из случайных людей, работающие на случайных участках, зависящие от капризов колхозного начальства, зигзагов снабжения и оплаты, такого хозяина никогда не заменят.

Сейчас советская печать занята странным делом: она пытается убедить колхозника, что он-то и есть настоящий хозяин земли и всего колхозного имущества. Не знаю, вызывают ли эти рассуждения смех у колхозников — уж очень они нелепы, но на урожаях, привесах мяса, удоях молока они определенно не сказываются. Достаточно взглянуть, например, на недавно опубликованное сообщение ЦСУ об итогах выполнения плана за первую половину 1985 года. Данных об урожаях там, естественно, нет — не то

время года. Но сведения по животноводству есть — общее поголовье скота уменьшилось. Как говорят на востоке: от разговоров о халве во рту сладко не станет.

Принцип — недоверие

Основной принцип всей советской системы производственных отношений — недоверие. Власть не доверяет никому: ни рабочим, ни крестьянам, ни руководителям — от цехового мастера до министра. Видимо, в «верхах» убеждены: все они думают только об одном — как бы обмануть государство: меньше работать и больше зарабатывать. Именно поэтому власти стремятся везде, где только это возможно, использовать сдельную систему оплаты труда, широко практикуют такие средства регламентации, как жесткое ограничение фондов заработной платы.

В этом смысле особенный интерес представляет система оплаты труда служащих — инженеров, педагогов, врачей, административных работников среднего ранга. Конечно, и для этих категорий власти предпочли бы ввести нечто вроде норм времени или выработки: для учителей — по часам работы, для инженеров-проектировщиков — по числу стандартных чертежных листов. Однако, в целом, труд служащих, в силу его разнообразия, плохо поддается нормированию. Это вынудило власти установить для служащих систему твердых окладов.

В этой системе отчетливо прослеживаются два момента. Во-первых, крайне низкие размеры окладов — не соответствующие ни образованию и квалификации, ни уровню трудовых затрат. Во-вторых, шкала зарплаты строится почти исключительно по вертикали. Наиболее наглядные примеры такого построения дает оплата труда инженеров.

В шестидесятые годы многие технические вузы страны начали подготовку инженеров по новой для Советского Союза специальности — организации производства. Ясно, что это соответствует менеджеру — специальности, широко распространенной на Западе. Так вот, для инженеров-организаторов производства был установлен оклад — 88 рублей в месяц. Не станем сравнивать эту цифру с соответствующими показателями на Западе — это было бы просто смешно, но и в Советском Союзе неквалифицирован-

ный рабочий, не говоря уже о токаре или слесаре, получает больше.

Допустим, это курьез. Однако хорошо известно, что и оклады руководителей среднего звена — мастеров, технологов, конструкторов, а нередко и начальников цехов — заметно ниже заработка квалифицированного рабочего. При этом имеются в виду, с одной стороны, инженеры с большим стажем и опытом, а с другой — рабочие обычной квалификации, отнюдь не виртуозы.

Теперь о вертикали. Советская система окладов жестко привязана к должности. Как правило, каждой должности соответствует небольшая «вилка» — скажем, от 120 до 140 рублей, и руководитель предприятия вправе устанавливать (или повышать) оклад в пределах этой «вилки». Если же он считает, что оклад явно не отвечает квалификации работника и его вкладу в трудовой процесс, у руководителя есть, в сущности, только одна возможность — перевести работника на другую, более высокую должность.

Нелепость этой ситуации очевидна. Есть целый ряд специальностей, где повышение в должности либо невозможно, либо меняет сам характер работы. Самый лучший учитель не обязательно может (и хочет) быть директором школы, далеко не всякий хирург пригоден к должности главврача больницы, перевод конструктора в начальники конструкторского бюро означает по сути отказ от творческой работы в пользу административной.

В советской печати эта проблема обсуждается уже много лет. Так, «Литературная газета» еще в 1968 году опубликовала на эту тему статью «Вертикаль и горизонталь», дискуссия вокруг которой продолжалась более двух лет. Все как будто были согласны с тем, что оплата должна зависеть не только (и даже не столько!) от должности, но прежде всего — от количества и качества труда. И что же? А ничего. За семнадцать лет положение практически не изменилось. Вот несколько примеров, взятых из советских газет.

В «Известиях» за 17 июня 1985 года напечатана беседа корреспондента газеты с главным инженером крупного объединения «Ижорский завод» Васильевым. Отметим, что объединение работает в условиях эксперимента, позволившего значительно повысить оклады инженерам. Итак,

какова же оплата труда двух с половиной тысяч конструкторов и технологов объединения, оплачиваемых «по экспериментальным нормам»? Оказывается, средняя зарплата рабочих в 1984 году составила 210 рублей в месяц, инженерно-технического персонала — 208.

А как обстоит дело на других, обычных предприятиях? Ответ на этот вопрос дает статья «Айсберг», опубликованная в «Правде» за 23 июня 1985 года. «Конструктор за двадцать лет активного труда может поднять свою зарплату на двадцать пять рублей, — объясняет корреспонденту секретарь парткома судостроительного завода имени Жданова. — И каких бы высот в своей работе он не достиг — это потолок». Между тем выпускник ПТУ имеет третий разряд и без большого труда получает пятый. Этого достаточно, чтобы его зарплата, как минимум, сравнялась с окладом даже выдающегося конструктора.

И дальше то, с чем мы уже знакомы. «Партком и дирекция, — пишет автор статьи, — давно доказывают в разных инстанциях, что надо увеличить разрыв в зарплате между рабочими разрядами и категориями конструкторов, снять целый ряд изживших себя запретов, ограничений, доверять предприятию право перераспределять фонд зарплаты, изыскивать резервы для поощрения профессионального мастерства.»

Как видим, круг замкнулся. Сейчас, как и семьдесят лет назад, основу системы оплаты составляет недоверие. Почему?

Надо признать, что в этом есть своя логика. Во-первых, власти не могут не понимать, что зарплата служащих любого ранга (кроме самых высших) настолько низка, что буквально толкает людей на всякого рода махинации. Скажем, разреши директору определять оклады, и он немедленно установит самые высокие оклады своим друзьям и родственникам. Во-вторых, вся советская система строится по принципу ступеней: каждой ступени соответствует свой уровень материальных благ. По сути это феодальная структура, и она решительным образом противоречит декларируемой в СССР оплате по труду. Ведь труд зависит от самого человека, а место в иерархической системе — от воли вышестоящих инстанций. Естественно, что власти

никогда не пойдут на то, чтобы уступить кому-то свою важнейшую привилегию — быть единственным распорядителем материальных благ!

Но и это не все. Советская пропаганда любит изображать капиталиста в роли бездельника, который ничего не делает и живет лишь за счет эксплуатации работников, присваивая прибавочную стоимость. Между тем ясно, что благополучие любого капиталиста зависит от того, как работает предприятие. Следовательно, он прямо заинтересован поощрять добросовестный труд и рабочих, и инженеров.

Благополучие руководящего советского деятеля от таких «мелочей», разумеется, не зависит. Причитающиеся ему блага определяются исключительно его местом в системе иерархии и отношением с вышестоящими. Можно ли при этих условиях ожидать, что он будет всерьез ценить хорошего работника, допустит, чтобы этот работник — скажем, действительно выдающийся токарь, конструктор, хирург, телекомментатор — получал больше самого директора? Нет, конечно.

Вот почему разговоры о необходимости совершенствовать оплату труда ограничиваются благими пожеланиями, а все «реформы», «эксперименты» и «новые системы» ничего в сущности не меняют. Советская партийно-правительственная бюрократия упорно держится за свою власть, за даваемые ею материальные блага.

Реальная формула социализма

Советских руководителей можно обвинить в чем угодно, но только не в наивности. Одно дело — лозунги «на публику», другое — подлинные интересы. Все кремлевские вожди, начиная с Ленина, говорили о недостатках советской экономики и призывали к ускорению научно-технического прогресса, но, кажется, только Горбачева это обеспокоило всерьез.

Вряд ли дело тут в личности нового генсека, скорее — в объективных причинах. Во-первых, хронические беды советского народного хозяйства приняли такие размеры, что стали угрожать уже не благосостоянию населения, а устойчивости самой системы. Во-вторых, объявленная

президентом США Рейганом программа так называемых «звездных войн» рассчитана на высокий уровень развития науки и техники. Ясно, что для Советского Союза, где большинство отраслей промышленности развивается, как признал Горбачев, «вяло» и «эволюционно», достижение подобного уровня — задача чрезвычайно сложная.

Попытки как-то усовершенствовать дребезжащую колымагу советского народного хозяйства предпринимаются довольно давно. Правда, после провала широко разрекламированной «новой системы планирования и экономического стимулирования» власти стали осторожнее: они делают упор главным образом на «эксперименты». Крупно-масштабный экономический эксперимент, опыт по использованию бригадного подряда в промышленности и безарядных звеньев в сельском хозяйстве, ленинградский эксперимент по оплате труда инженеров...

Можно по-разному оценивать каждую из этих мер. Но бесспорно одно: все они наталкиваются на сопротивление системы. Так, ведомства и министерства не желают признавать прав «экспериментальных» предприятий самим разрабатывать план и упорно навязывают им свои показатели. Попытка ввести безарядные звенья в совхозах, как рассказывала в интервью «Известиям» академик Татьяна Заславская, вызвала такое противодействие, что от эксперимента пришлось отказаться. В газетах писалось и о том, что руководители предприятий просто не могут перевести бригады на подряд, ибо не в состоянии обеспечить их сырьем, материалом, инструментом — хромает снабжение.

Ясно, что во всех этих случаях улучшить положение можно, лишь коренным образом изменив систему.

Но и в таких, казалось бы, частных вопросах, как, например, оплата труда инженера, оковы системы настолько жесткие, что любая перестройка практически невозможна.

Дважды — в апреле и в июне нынешнего года — Горбачев говорил о положении инженеров: «Ускорение научно-технического прогресса, — сказал он в докладе 11 июня, — требует кардинального изменения ситуации, сложившейся с инженерно-техническими и научными кадрами. Следует продумать меры по повышению общественного признания научного и инженерного труда, усилению в нем

творческих начал, стимулировать качественное выполнение работ с меньшей численностью и на этой основе повышать уровень их оплаты».

Естественно думать, что после столь широковещательных заявлений оплата инженерного труда действительно будет пересмотрена — тем более, что советские руководители не могут не понимать: без этой перестройки у страны нет шансов не только догнать Соединенные Штаты, но и сохранить нынешнюю дистанцию.

И вот перед нами «исторический» документ — недавно опубликованное постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О совершенствовании оплаты труда научных работников, конструкторов и технологов промышленности».

Уже первая, основополагающая установка этого документа вызывает изумление. Оказывается «новые условия оплаты труда вводятся за счет и в пределах планируемых фондов заработной платы соответствующих учреждений и организаций, а в производственных и научно-производственных объединениях и предприятиях промышленности — в пределах планируемых фондов заработной платы руководящих, инженерно-технических работников и служащих».

Что это значит? Это значит, что как бы хорошо ни работало объединение или предприятие, каких бы успехов оно ни достигло, какую бы прибыль ни принесло, фонд зарплаты от этого не изменится. Иначе говоря, повышение окладов одних работников — пусть гениальных — возможно только за счет других — быть может, тоже очень хороших. Тем самым на предприятии закрепляется режим своеобразной «круговой поруки»: прибыль от достижений инженеров берет себе государство, а расплачиваться за нее будут другие работники. Впечатляющий пример подлинно социалистических производственных отношений!

Но, может быть, все обстоит не так мрачно — может быть, фонды зарплаты будут гибко варьироваться и увеличиваться по мере роста прибыли? Ничего подобного! Более того, министерствам и ведомствам поручено «улучшать планирование фонда заработной платы, устанавливая нормативы его образования, как правило, на пятилетний период, исходя из наличных объемов работ».

Таким образом, постановление не только не предусматривает возможность изменения этих фондов, но требует установления их на пять лет вперед. Похоже, что его авторы даже не допускают мысли, что за пять лет что-то может существенно измениться, что инженеры — те самые, что призваны двигать прогресс, — в состоянии изменить «намеченные объемы работ». Ясно, что подобная способность по-прежнему признается только за «самыми великими учеными» — руководителями партии и правительства!

Читаем дальше. «Поставлена задача обеспечить более тесную связь оплаты труда научных работников, конструкторов и техников с их личным вкладом в ускорение научно-технического прогресса». Что же, если такая задача и поставлена, то постановлением она явно не решена. Во-первых, потому, что предельный размер повышения оклада «за выполнение наиболее сложных и ответственных работ» не может превышать 50 процентов, а всех прочих — 30 процентов, да и то лишь на период «плановых сроков выполнения работ». Во-вторых, потому, что и эти надбавки разрешено устанавливать лишь «за счет экономии фонда заработной платы», то есть за счет других работников. А если экономии нет?..

Но дело не только в этом. Попробуем расшифровать масштабы этих «благодеяний». Конструктор или технолог весьма высокой квалификации получает зарплату порядка 250-300 рублей в месяц. Значит, в особых случаях и при особо благоприятных условиях их оклад может быть временно повышен до 375-450 рублей. Много это или мало? В США оклад рядового инженера порядка 2000 долларов не считается высоким, он вполне может составлять и четыре, и пять тысяч долларов. Что касается людей, выполняющих наиболее сложные и ответственные работы, то тут речь может идти и о восьми и пятнадцати тысячах долларов в месяц. И, разумеется, никто при этом не должен укладываться в «фонды» или понижать зарплату другим.

Но это так сказать теория, а теперь представим себе, как реализация подобного рода постановлений будет выглядеть на практике. В условиях Запада оценку труда предприятия производит потребитель, а критерием ее служит прибыль. А кто и как оценивает работу предприятий в Советском Союзе?

Кто — ясно: вышестоящие инстанции. А как? С помощью ими же изобретенных искусственных показателей. Даже советская печать не скрывает, что эти показатели сугубо условны. Скажем, одна из главок большой статьи экономического обозревателя «Правды» Василия Парфенова в номере за 29 апреля 1985 года так и называется «Показывают ли показатели?»

Но если в советских условиях даже оценка деятельности предприятий условна, то тем более трудно оценить работу отдельных специалистов. Понятно, что на практике такая оценка — а значит, повышение и понижение окладов — будет зависеть от отношений работника, в данном случае — инженера, с начальством. Иными словами, руководители предприятий, парткома и месткома получили в свои руки еще один инструмент нажима на специалистов.

Система оплаты труда — одна из важнейших характеристик общественного строя, его производственных отношений. Система, действующая в Советском Союзе, наглядно свидетельствует, как далек этот режим от декларируемых им идеалов. Принудительный, плохо организованный и низко оплачиваемый труд — такова не иллюзорная, а реальная формула социализма.

СССР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

МОРАТОРИЙ НА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

*(Беседа В. Федосеева с американским дипломатом
Максом Кэмпманом*)*

Федосеев: Когда в июле 1973 года в Хельсинки съехались на 5-дневную конференцию министры иностранных дел всех европейских государств (кроме Албании), а также Соединенных Штатов и Канады — это знаменовало начало общеевропейского совещания, которое проходило затем в Женеве и завершилось 2 года спустя в том же Хельсинки торжественным подписанием Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Этот итоговый документ и есть то, что принято называть Хельсинкскими Соглашениями. И я не преувеличу, сказав, что с тех пор — вот уже 10 лет — документ этот в международных отношениях играет более принципиальную роль, нежели множество других соглашений, имеющих юридическую силу.

Как свидетельствует само название документа, Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе устанавливает принципы безопасности и сотрудничества между государствами и нормы регуляции их взаимоотношений. К тому же он провозглашает неразрывную связь между проблемами мира и безопасности и правами человека.

В результате за истекшие 10 лет обсуждение проблемы прав человека превратилось в международную норму — ни

* Макс Кэмпман — известный американский дипломат, руководитель делегации США на советско-американских переговорах в Женеве, член американской делегации на юбилейной сессии в Хельсинки, посвященной 10-летию подписания Хельсинкского Заключительного Акта.

Виктор Федосеев — политический обозреватель радио «Свобода», редактор программы «Права человека».

одно политическое совещание, ни одна дипломатическая встреча на любом уровне не обходятся с тех пор без того, чтобы не затрагивались вопросы прав человека.

Советский Союз (и некоторых его партнеров по Варшавскому военному договору) такое положение вещей, разумеется, не устраивает. Однако денонсировать Хельсинкские Соглашения советское руководство пока не решает — пропагандистски невыгодно; но и выполнять их не может, ибо для этого нужно отказаться от деспотической природы советского режима. Остается выступать с декларативными заявлениями, пусть даже противоречивого характера — что и сделал министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе в своей речи в столице Финляндии на юбилейной сессии, посвященной 10-й годовщине Хельсинкских Соглашений.

«Советский Союз, — сказал Шеварднадзе, — убежденный сторонник *международного сотрудничества в решении вопросов гуманитарного порядка*», то есть вопросов прав человека. И тут же, в этой же речи: «... сотрудничество между государствами в гуманитарной области мыслимо лишь при строгом невмешательстве во внутренние дела».

Политические обозреватели и журналисты, аккредитованные на юбилейной сессии в Хельсинки, то и дело спрашивали советских дипломатов: так «за» или «против» международного сотрудничества в гуманитарной области стоит Советский Союз?.. Вопрос скорее был риторический, ибо все прекрасно понимают, что самый больной сегодня вопрос для Советского Союза — вопрос прав человека.

Еще не так давно гитлеровские министры ни за что не упускали возможности сослаться на «вмешательство во внутренние дела» Третьего Рейха, когда раздавались редкие голоса об антигуманных действиях нацистского режима против собственных граждан... А на нашей родной почве более давнее российское помещичье звучало с неподдельным недоумением: «Что ж, мы своих людишек и посечь-то не вольны?..»

И все-таки, что ни говори, а времена ныне не те. «Советский Союз не может не знать, что проблемы безопасности тесно увязаны с вопросами прав человека, — сказал мне в Хельсинки американский дипломат Макс Кэмпلمان. — Более того, сама безопасность начинается с

уважения прав личности, права каждого человека на жизнь, неприкосновенность и свободу передвижения. Безопасность немыслима без права людей уличать и разоблачать в открытой, свободной печати тех, кто тайком наращивает вооружения».

Должен сказать, что для советской дипломатии давно стало практикой дефокусировать проблемы прав человека или принижать значение — подменять их чем-то иным, желательно пропагандистским, трескучим. Так случилось и на юбилейной сессии в Хельсинки, когда 29 июля на столах делегатов и журналистов появилось вдруг в виде своеобразного «самиздата» отпечатанное на пишущей машинке и размноженное заявление Горбачева о моратории на испытание ядерного оружия.

Расчет на эффект, правда, не оправдался — министры иностранных дел западных государств, как и намеревались, выступили с критикой Советского Союза за оккупацию Афганистана, за политическое давление, которое он оказывает на своих же партнеров по Варшавскому военному договору, за отсутствие элементарных свобод — среди них свободы выезда из страны — и преследование людей за вольномыслие.

Именно это заявление Горбачева о моратории, с одной стороны, и насущные проблемы прав человека, с другой, и подвинули меня на то, чтобы поинтересоваться: а какова на сей счет американская позиция?

1-го августа 1985 года там же, в Хельсинки, я взял интервью у главы американской делегации на переговорах в Женеве о разоружении Макса Кэмплмана. Я спросил:

Господин посол, 29-го июля Генеральный Секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев заявил, что Советский Союз принял решение прекратить в одностороннем порядке, начиная с 6-го августа, любые ядерные взрывы. Новый министр иностранных дел СССР Шеварднадзе в своем выступлении перед участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе сказал, что Советский Союз ожидает от Соединенных Штатов положительной реакции на эту инициативу и надеется, что Соединенные Штаты также прекратят свои ядерные испытания. Не могли бы вы прокомментировать эти заявления?

Кэмплман: Я не хочу ставить под сомнение добрые намерения ни Генерального Секретаря, ни министра иностранных дел. Но я бы хотел объяснить, почему Соединенные Штаты относятся к этим заявлениям скептически. Конечно, мы внимательно прочитали заявление господина Горбачева. Но нам известно также и то, что он предложил пятимесячный мораторий *после* того, как Советский Союз только что завершил ускоренную программу ядерных испытаний. Советский Союз уже проделал то, что изначально было запланировано на следующие пять месяцев. Военные сделали это, а затем предложили руководству выступить с предложением о пятимесячном моратории с тем, чтобы мы были не в состоянии их догнать.

Они должны понять, что мы относимся к этому с некоторой долей скептицизма. К тому же у нас есть и свой опыт. В конце 50-х годов мы уже достигли подобного соглашения с Советским Союзом о запрещении любых испытаний атомных бомб. И тогда же, совсем неожиданно, буквально через три года, Советский Союз, не известив нас ни о чем предварительно, нарушил это соглашение и приступил к интенсивной программе ядерных испытаний. Не известив нас заранее, они полностью нарушили соглашение. Теперь же с нашей стороны было бы нелепо не напомнить об этом случае. Тогда президентом Америки был Кеннеди и он сказал: «Соединенные Штаты больше никогда ни согласятся на объявление совместно с СССР каких бы то ни было мораториев без гарантий проведения инспекций, без проверки соблюдения моратория». И сейчас мы вновь сталкиваемся с неискренностью Советского Союза, который сначала провел свои испытания, а затем выступил с утверждением, что в следующие пять месяцев он не будет больше проводить этих испытаний. Они не только хотят, чтобы мы приостановили испытания, которые уже закончены, но заведомо возражают против инспекции и контроля за соблюдением моратория.

Даже если бы Советский Союз не сделал бы того, что явно выглядит как очередной трюк военных, даже если бы нынешнее объявление моратория и не было бы трюком, разыгранным военными, мы все равно отнеслись бы настороженно к любому предложению о моратории,

особенно потому, что исполнение этого предложения нельзя проконтролировать. Вот в чем вся проблема.

Федосеев: Министр иностранных дел СССР Шеварднадзе заявил на юбилейной сессии в Хельсинки, что «продолжается размещение новых американских ядерных ракет первого удара». Он выступил также с утверждением, будто «полным ходом идет разработка в США новейших видов химического оружия, в том числе бинарного, которое предназначено для размещения на Европейском континенте».

Было бы интересно услышать Ваше суждение, господин посол, — соответствует ли высказывание Шеварднадзе действительности?

Кэмплман: Прежде всего мне хотелось бы сказать, что задача Соединенных Штатов на Женевских переговорах — достижение соглашения, в соответствии с которым *все* запасы ядерного оружия были бы уничтожены. Такова наша цель.

Министр иностранных дел СССР сослался на такой вид ядерного оружия, который известен под названием оружия средней дальности. Эти ракеты не могут перелететь через океан, а поражают лишь не столь отдаленные объекты.

Советский Союз давно приступил к размещению таких ракет, они называются СС-20.

Многие и многие сотни этих ракет нацелены на города Европы.

Соединенные Штаты и их союзники по Северо-Атлантическому Союзу обратились к Советскому руководству: «Зачем вы делаете это? Ведь это дестабилизирует положение. У нас в Европе нет ни одной ракеты, нацеленной на вас. Почему вы держите Европу под прицелом ядерных ракет?.. Прекратите, пожалуйста».

Но советское руководство отказалось внять этому призыву. Тогда страны Северо-Атлантического Союза заявили: «Ладно. Если вы не намерены демонтировать свои ракеты, мы тогда установим свои — типа «Першинг», крылатые, — которые не уступают вашим. Но мы не будем гнаться за тем же количеством, что установили вы. Мы разместим только 547, даже если на Европу нацелено около

1400 советских боеголовок. Но Советский Союз наотрез отказался демонтировать свои ракеты СС-20. Тогда мы начали размещение наших ракет, которые советский министр теперь называет «ядерными ракетами первого удара».

А разве советские ракеты типа СС-20 — не ядерные ракеты первого удара по европейским городам? В 81 году мы приступили к переговорам, желая разрешить эту проблему. Первое предложение, которое Соединенные Штаты сделали Советскому Союзу, было следующим: «Америка готова не размещать ни одной ракеты типа „Першинг“ и ни одной крылатой ракеты, если СССР уберет свои уже размещенные ракеты типа СС-20».

Это было бы так называемым «нулевым решением». Иными словами, — не размещать никаких ракет, ни советских, ни американских. Однако и это предложение было отвергнуто Советским Союзом. Но когда мы разместили свои ракеты, правда, в количестве меньшем, чем было размещено ракет типа СС-20, советское руководство стало обвинять нас в том, будто мы установили ядерные ракеты *первого удара*. От имени Соединенных Штатов я заявляю: Мы демонтируем все размещенные нами ракеты, если Советский Союз демонтирует свои ракеты. Ни одной ракеты ни с той, ни с другой стороны. Нулевой вариант — очень хорошее решение. Но и это предложение Советский Союз отверг.

Надеюсь, вы понимаете, что нельзя принять всерьез советское обвинение Америки в том, что она, видите ли, намерена обзавестись чем-то таким, чем Советский Союз давно обладает.

Мы готовы отказаться от размещения наших ракет, если Советский Союз демонтирует свои.

Федосеев: Министр иностранных дел СССР Шеварднадзе заявил также, что Соединенные Штаты будто бы собираются разместить в странах Западной Европы еще и *химическое оружие*.

Кэмплман: Это вздор, сущая нелепица. То, о чем он заявил, на самом деле заключается в следующем: Конгресс Соединенных Штатов только что принял закон о *замене* всех имеющихся в наличии запасов химического оружия оружием

бинарным, То есть, таким оружием, хранение которого более безопасно. Но я повторяю: Соединенные Штаты готовы не прибегать к развертыванию так называемой «бинарной программы», если обе договаривающиеся стороны — СССР и США — договорятся об уничтожении всех имеющихся запасов химического оружия, но только контролируемом. Мы, со своей стороны готовы договориться о том, что обе страны уничтожат имеющиеся запасы химического оружия и не будут производить нового.

Федосеев: Я вижу, что Вы особо подчеркиваете слово «контролируемый».

Кэмплман: Конечно, я подчеркиваю это слово. Но делаю я это с сожалением. Если бы Соединенные Штаты вели переговоры, скажем, с Канадой, то мы меньше всего заостряли бы внимание на способах проверки исполнения будущего договора. Но что касается Советского Союза, то у нас слишком большой и слишком горький опыт — сюда входят и Хельсинкские Соглашения, и вопрос прекращения ядерных испытаний.

Разумеется, нужно добиваться заключения соглашений с Советским Союзом — это в интересах мира. Но соглашения эти только тогда чего-то будут стоить, когда исполнение их можно будет проверять.

То же относится и к химическому оружию. Мы добиваемся соглашения об уничтожении всех видов химического оружия — это очень важно для нас. Но мы хотим, чтобы выполнение и этого соглашения подлежало проверке — чтобы мы были уверены, что не осталось никакого химического оружия. И когда мы приступим к уничтожению своего оружия, мы, естественно, захотим точно знать, что и Советский Союз приступил к уничтожению своего.

Честно говоря, я был удивлен и разочарован выступлением советского министра. Советское руководство прекрасно знает, что мы предпочитаем иметь такие отношения с Советским Союзом, когда ни у той, ни у другой стороны нет никакого ядерного оружия, когда ни у нас, ни у них нет никакого химического оружия. Но мы не хотим оказаться в таком положении, когда СССР будет обладать химическим оружием, а мы нет. Мы не хотим оставаться и в таком

положении, когда СССР обладает ракетами СС-20, а мы не располагаем ничем соответствующим.

Если уж избавляться, то давайте избавляться от всякого оружия, от всех ракет.

Федосеев: Сэр, министр иностранных дел СССР утверждает, что на переговорах о разоружении в Женеве американская сторона просто не желает договариваться. Вы, господин посол, как известно, возглавляете американскую делегацию в Женеве — что вы скажете об этих утверждениях советского министра?

Кэмплман: Это смехотворно. Поверьте, я не трачу понапрасну времени в Женеве. Я отказался от многого для того, чтобы вести серьезные переговоры в Женеве, — и сделал я это только потому, что убежден в важности этих переговоров. Важно, чтобы Соединенные Штаты и Советский Союз сделали все, что в их силах, чтобы покончить с ядерным вооружением в этом мире. И я отвергаю всякие обвинения в том, что Соединенные Штаты не желают вести переговоры.

Мы постоянно призываем советские делегации договариваться с нами, выступать с конкретными предложениями — но ничего конкретного от Советского Союза мы так и не получили. Мы призываем Советский Союз проявить гибкость — сами же мы не только говорим о гибкости, но и проявляем ее на деле: уже сейчас мы положили на стол предложения о значительном сокращении наступательного ядерного оружия.

Позвольте мне сказать Вам следующее: нет ни одного конкретного предложения со стороны Советского Союза о каком бы то ни было серьезном сокращении наступательного оружия — одна риторика и никаких конкретных предложений.*

Поэтому я смотрю на обвинения советского министра, как на очередной пропагандистский выпад — дикий и не способный привести к положительным результатам.

* Недавние советские предложения о сокращении на 40 или 50% арсеналов ядерных вооружений появились после того, как посол Кэмплман сделал это заявление. Однако, по мнению политических обозревателей, и это предложение СССР явилось, скорее, пропагандистским шагом, предпринятым в преддверии поездки Горбачева в Западную Европу.

В. Федосеев: Обращаясь к проблеме прав человека, Шеварднадзе подчеркнул, что сотрудничество между государствами в вопросах прав человека мыслимо лишь при строгом невмешательстве во внутренние дела. Менее чем через час Государственный секретарь Соединенных Штатов Джордж Шульц посвятил одну треть своего выступления нарушениям прав человека главным образом в Советском Союзе. Не прокомментируете ли Вы это?

Кэмплман: Да, конечно.

Никто не неволил Советский Союз подписывать Хельсинкские Соглашения. Господин Брежнев сделал это добровольно — у него была власть это сделать от имени своего правительства. Он поставил свою подпись под договором, который обязывает всех, кто его подписал, уважать права человека. В этом же договоре есть ряд и более конкретных положений — об объединении семей, о свободе выезда, о свободе совести и многое другое, что содействует уважению к человеческому достоинству.

Именно эти положения и не соблюдает Советский Союз, несмотря на то, что обязан это делать — а когда мы указываем ему на это, он говорит в оправдание: не вмешивайтесь в наши внутренние дела. Позвольте я проиллюстрирую, почему всестороннее соблюдение договоров так важно для нас и для всего мира.

Вы говорили о переговорах в Женеве. — Чем заняты мы на Женевских переговорах? — Мы пытаемся договориться о сокращении ядерного вооружения, если не о полном его уничтожении... Предположим, что в Женеве мы достигли договоренности об определенном сокращении ядерных вооружений. Предположим также, что сокращения эти мы договорились провести в течение полугода... И вот проходит восемь месяцев, девять, десять — и мы убеждаемся, что СССР не выполняет взятые им на себя обязательства. Тогда мы обращаемся к Советскому Союзу и говорим: послушайте, вы согласились сократить свои вооружения в течение полугода, но прошло уже десять месяцев, а вы ничего не сделали. И я спрашиваю Вас, вправе ли Советский Союз в таком случае нам ответить: не вмешивайтесь в наши внутренние дела?..

Итак, если Советский Союз всякий раз, когда речь заходит о правах человека, пользуется аргументом о невмешательстве во внутренние дела, то как мы можем быть уверены в том, что он, заключив с нами любой другой договор, не поступит точно так же и не скажет нам, что мы, дескать, вмешиваемся в его внутренние дела?.. Именно такую позицию я и называю дикой.

И еще я хочу сказать, что Советский Союз нет-нет, да обвинит нас в том, будто мы не соблюдаем Хельсинкские Соглашения. Такие обвинения прозвучали и на конференции по правам человека в Оттаве. Тогда же американский делегат ответил (и, на мой взгляд, вполне правильно), что, во-первых, мы приветствуем любую критику в свой адрес — такова особенность демократии: не зажимать критику — и мы готовы с вами это обсудить. Во-вторых, сам факт, что вы считаете себя вправе критиковать Соединенные Штаты за его внутреннюю политику (а мы признаем за вами это право), отнюдь не должен означать, что мы, со своей стороны, не имеем права критиковать вас за вашу внутреннюю политику, за то, что вы не выполняете взятые на себя обязательства.

Откровенно говоря, аргумент о невмешательстве во внутренние дела в данном конкретном случае свидетельствует о политическом банкротстве.

Вне Советского Союза и стран Варшавского военного договора никто всерьез его не воспринимает.

В. Федосеев: Вы упомянули сейчас конференцию в Оттаве по правам человека — скажите, как вы ее оцениваете? Провалилась ли она — если принять к сведению, что не был выработан даже итоговый документ?.. или подобные конференции следует проводить и в будущем?

Кэмплман: Ни в коем случае это не был провал. Смысл этой конференции, да и любых других, которые проводятся в рамках хельсинкского процесса, — в том и состоит, чтобы 35 государств имели возможность сообща выяснить стоящие перед ними проблемы. Права человека, очевидно, наиважнейшая проблема между нами и Советским Союзом, которую конференция в Оттаве помогла нам еще больше прояснить. Уже только поэтому Оттавская конференция не была провалом.

Теперь об итоговом документе конференции, который не был выработан и представлен. Соединенные Штаты решили еще на Мадридской встрече (где и было договорено о проведении конференции в Оттаве), что на Оттавской конференции и не нужно будет выработать итогового документа. В Мадриде я был главой американской делегации, и уже тогда считал, что не нужно итогового документа, ибо мы только потратим время в споре о словах вместо того, чтобы говорить о деле. Даже если бы мы выработали в конце концов итоговый документ — несколько слов на бумаге, — то это были бы бессмысленные слова...

Так я думал тогда, так я думаю и сейчас. Важна была сама конференция — и подобные конференции должны проводиться, ибо очень хорошо, что мы можем разговаривать друг с другом.

Я позволю себе сказать несколько слов о том, почему хорошо разговаривать друг с другом. Дело в том, что Советский Союз — сильная держава, обладающая очень и очень мощным и эффективным вооружением, это — сверхдержава. И Соединенные Штаты — тоже сверхдержава. И было бы неразумно для двух сверхдержав не разговаривать друг с другом, не пытаться выяснить наши разногласия — в интересах мира во всем мире. Что же касается конференции в Оттаве, то на ней обсуждались жизненно важные проблемы прав человека — и я думаю, что конференция эта была успешной.

Я думаю, что и Хельсинкские Соглашения весьма эффективны. И тот факт, что мы прибыли сюда для участия в юбилейной сессии, посвященной десятилетию этих соглашений, свидетельствует также и о том, что мы приветствуем возможность диалога.

1 августа 1985, Хельсинки.

ИСТОРИЯ

От редакции:

Понять позицию той или иной группы современной русской интеллигенции в национальном вопросе невозможно без знакомства с историей развития тех социальных идей, которые способствовали ее формированию.

Предлагаемая «Форумом» статья М. Славинского была опубликована в сборнике «Интеллигенция в России», вышедшем в Петербурге, в издательстве «Земля», в 1910 году. Взгляды автора отражают умонастроения значительной части русских либералов предреволюционного времени.

М. Славинский

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

I

Мы живем под знаком чрезвычайного оживления *национальных и националистических чувств* у всех народов, населяющих Российскую империю.

На всем пространстве северных, западных и южных, окраин государства, с населением в несколько десятков миллионов, с территорией, равной нескольким европейским королевствам, бродят, наливаются и зреют все оттенки и все разновидности *национальных движений*. Эта, наиболее близкая к Европе и по смежности и по культурным воздействиям, часть империи в последние годы стала как бы лабораторией, в которой производятся всякого рода национальные и националистические опыты, удачные и неудачные, рискованные и безопасные, и во всяком случае чреватые по возможным, естественным и неизбежным последствиям своим.

На крайнем севере, в двух шагах от имперской столицы, находим Финляндию, национальное развитие которой,

стройное и законченное в своем эволюционном подъеме, до самого последнего времени шло почти вне зависимости от общего течения дел в империи. Ныне эта наиболее европеизированная окраина, будучи вовлеченной в общий круговорот имперского воздействия, переживает тяжелую стадию напряженного сосредоточения национальных сил.

На запад, опять таки в двух шагах у имперской столицы, начинается гирлянда сравнительно небольших народов, проснувшихся почти на наших глазах от векового сна и с живым усердием принявших за крайне интенсивную работу национального возрождения. Возрождение этих народов надолго останется, быть может, самым поучительным примером мощи национальной стихии, которая умирает лишь при наличности физической смерти народа, ее творца и носителя. Вековые усилия немецких орденов, беспощадно последовательных в искоренении чужеродных элементов, оказались бесплодными в деле денационализации эстов и латышей, такие же усилия польской государственности разбились о стойкость литовских и белорусских народных элементов. При первой же возможности все эти народы недрогнувшей рукой вписали свои имена в скрижали живых национальностей; сделала это даже летописная Летгола, над именем которой пронеслось несколько столетий полного, казалось, смертного забвения.

Западный аванпост империи занят польским народом, единственной крупной национальностью в России, имеющей за собою в прошлом много веков государственной независимости и государственного бытия в европейском значении этого слова. Мощное национальное цветение этого народа переносит самые жестокие испытания, не теряя своей красоты, здоровой силы и пышной махровости. В настоящее время польский народ, переживший за короткий период последних лет высокую волну национальных надежд и последовавших за ней разочарований, подобрался и застыл в живой неподвижности, концентрируя силы для дальнейшей упорной борьбы за национальные права и национальное существование.

Юг России занят украинцами, национальное движение которых находится в стадии плодотворного соприкосновения и творческого обмена интеллигенции с широкими

народными массами, чем обуславливается его экстенсивный характер. Ближайшее будущее явит картину перехода этого движения из экстенсивности в стадию интенсивного напряжения.

Есть на этих окраинах и народ, национально одушевленный, несмотря на отсутствие принадлежащей ему сплошной территории и на то, что он лишен главной основной национальной почвы — крестьянства. Это — евреи. В живую гамму национальных движений евреи вносят оттенок удивительно сложной и интересной композиции.

Но не только европейские окраины империи являются ареной национальных движений. Сложная национальная жизнь Кавказа, не изученная и не разработанная, тревожит загадочностью своей структуры, плохо поддающейся учету и определениям, сулящей неожиданные перспективы не только национального характера. Также загадочен и мусульманский имперский восток, — пестрый, с севера на юг тянущийся пояс народностей, спаянных единой мощной религиозной культурой, стремящихся из конгломерата развить органическое единство. И далее на восток виднеются неясные очертания сибирских народностей, делающих первые шаги от начала этнического к началу национальному.

Живая волна *национальных движений*, глубоко всколыхнувшая все окраины империи, не прошла бесследно и для ее исторического ядра — великорусского народа и его интеллигенции. На наших глазах создались справа многочисленные *националистические* организации, вошедшие в состав Союза русского народа, Всероссийского национального союза и др. Политический центр — октябристские и близкие к ним иные общественные группы, не поднявшие отчетливого флага, попеременно воодушевляются то чисто национальными, то грубо *националистическими чувствами*, как это было, например, в деле аннексии Боснии и Герцеговины, в вопросе о неославизме и в других более мелких случаях. Политическая левая также не осталась в стороне от довольно яркого проявления *национальных чувств*, а в некоторых случаях, как, например, в известной полемике о «национальном лице», или в недавней полемике о роли и характере интеллигенции, не обошлось и без некоторых выступлений, носящих все следы одушевления

националистического. Не осталось и имперское правительство равнодушным зрителем национальных движений; оно вмешалось в гущу общественной жизни и, опираясь на твердое настроение правых и пользуясь колеблющимися переживаниями политического центра, законодательно формирует выразительную систему *националистической государственности* с гражданами различных степеней и разрядов, определяемых принадлежностью к той или иной имперской народности.

Что сулит эта картина будущему?

II

Россия переживает трудный, неповторяющийся момент начальной стадии государственного строительства, перемены всех частей механизма имперского управления, смены самой системы этого управления.

После того, что мы пережили, начиная с 1904 года, строительство это совершенно неизбежно, независимо от того, склонные ли к нему, и в какой мере, данные правящие круги и поддерживающие их те или иные политические группы и партии. Неизбежность этого строительства — веление времени, историческая необходимость, и от тех, кто произведет и производит его, зависят лишь быстрота работы и качество ее, но не сама работа.

История знает случаи, когда реформы проводились в жизнь принципиальными противниками их: во Франции третью республику установили не только республиканцы; у нас реформу 61-го года проводили отнюдь не те, которые поставили ее в порядок общественного и политического дня. Такой способ проведения реформ, без сомнения, влечет за собою самые нежелательные последствия в виде затяжного решения дела и колеблющейся постановки вопросов, в виде излишества ненужных, несоответствующих обстоятельствам места и времени компромиссов, спутанности и отсутствия плана, и, наконец, иногда, в виде прямого извращения принципиального смысла и значения самой реформы.

Деятельность Государственной. Думы третьего созыва является превосходной иллюстрацией указанного способа государственного строительства. Вынужденная силою вещей

к реформам коренным, к установлению в империи нового строя, но не чувствуя органической потребности в этом, третья Гос. Дума, нехотя и нерешительно, по важнейшим государственным делам, создает законы, насыщенные всеми грехами непринципиальности и неплановости, отступлений и колебаний; законы, которые заключают в себе все возможные политические и социальные конфликты; законы, которые являются, так сказать, лишь прологом к дальнейшим трениям и к прямой борьбе. И тем не менее, худо и медленно, но неотвратно и третья Гос. Дума делает то же дело, которое явилось бы основной задачей всякого представительного учреждения в России в данный момент ее истории: она производит смену системы государственного управления.

В государствах однонациональных эти, говоря образно, роды нового строя происходят в нормальных условиях; большая или меньшая замедленность и осложненность их зависит от политической и социальной структуры государства, от того или иного соотношения общественных сил, равнодействующей которых и является та или иная форма нового строя. Силы эти, во-первых, поддаются сравнительно удобному учету; во-вторых, обладают более или менее точно определяемой упругостью; в-третьих, интересы, представляемые этими силами, бесспорны, и борьба в этом случае обычно ведется из-за количества их, а не по существу. И поскольку речь идет о моментах чисто социального или политического характера, постольку можно и должно говорить о социальной или политической эволюции, реже — о революции, — но оба процесса в однонациональном государстве протекают в нормально-национальных условиях.

Национальное движение в однонациональном государстве не выходит из круга задач культурно-исторических и, будучи делом общенародным, вне классов, сословий и состояний, никогда не бывает, как таковое, предметом политической и социальной борьбы, предметом спора и соглашений. Национальное движение в таких государствах направлено внутрь и вглубь народной жизни; оно сопутствует и окрашивает своими красками все течения этой жизни, но бремя его легко и радостно, ибо оно не сознается и не чувствуется, как не сознается здоровье нормальным органи-

змом. *Националистические черты* движение это приобретает лишь тогда, когда течение его, по тем или иным причинам, направлено не по естественному, внутреннему руслу его, а вовне и притом с целями, чуждыми природе национальности: с целями вражды, подавления, агрессии.

Иную картину представляет государство много-национальное. В таких государствах нормальные национальные отношения являются редким и счастливым исключением. Обычным представляется обратное: национальные интересы окрашивают, а иногда и покрывают собою всю политическую жизнь страны, вторгаются в такие сферы и области этой жизни, которые, казалось бы, должны были навсегда остаться чуждыми моменту национальному, как, например, сфера экономики и социального строения. И резкие краски этой картины особенно усиливаются там, где, как в России, большинство национальностей перемешаны одна с другой на одной территории; где, как на российских северо- и юго-западных окраинах, почти правилом является тот факт, что социальное распределение населения является в то же время и его национальным распределением, а именно: дворянско-помещичий элемент представлен одной национальностью, городской — другой, крестьянский — третьей.

В качества показателя того, как модифицируются даже чисто социально-экономические требования под влиянием национального момента, возьмем хотя бы идею принудительного отчуждения земли. Русский* помещик, боровшийся против возможной реализации этой идеи, вел эту борьбу руководясь мотивами социально-экономическими, частью также и политическими, но национальное его ощущение было в этом случае не при чем, ибо самое полное проведение этой реформы в Великороссии, решительно изменив социально-экономическую структуру этой области, никак не отразилось бы на интересах русской национальности, как таковой, как явления культурно-исторического порядка. Иными мотивами руководствовались, например, польские и

* Во избежание некоторых недоразумений, считаю нужным оговориться, что как в этом случае, так и в других случаях ниже, эпитет «русский» употребляется мною в том его ограниченном значении, которое можно было бы выразить эпитетом «великорусский».

балтийско-немецкие круги, отнюдь не только дворянско-помещичьи, боровшиеся против этой идеи. Возможность этой реформы не только подрывала их социально-экономическое и политическое значение, но фатальным образом отражалась на их национальных интересах. Факт принудительного отчуждения земли радикальным образом изменил бы не только социальную структуру, но и существующее соотношение национальных сил на всем пространстве северо- и юго-запада Российской империи, за исключением собственно Польши, где проведение подобной реформы, как и в Великороссии, ни с какой стороны не отразилось бы на национальной структуре польского народа. Этим объясняется, между прочим, факт существования польских и балтийских так называемых «кадет без земли»; этим объясняется и то горячее сочувствие идее принудительного отчуждения земли со стороны национальных организаций латышских, эстонских, литовских, белорусских и украинских, из которых далеко не все были безупречны с точки зрения политического демократизма.

Подобные модификации, без сомнения, значительно усложняют, как самое содержание жизни многонациональных государств, так и спокойное управление ими, но не они являются главным фактором того замедленного темпа государственного совершенствования, которым отличаются обычно многонациональные государства. Решающее в этом отношении значение имеет совершенно неизбежный для многонациональных государств момент несовпадения круга явлений государственно-правовых, характеризующихся понятием политической нации, с другим, близким к нему, кругом явлений культурно-исторического порядка, который определяется понятием национальности. В однопациональных государствах момент этот решается *ipso facto*, в многонациональных он требует длительной и напряженной политической работы, высокого напряжения искусства государственного управления, а главное — доброй воли народов, входящих в состав данного государства. Ибо эта добрая воля является главнейшей предпосылкой не только политического и иного совершенствования, но и сколько-нибудь благополучного существования многонациональных государств.

III

Движение национального вопроса в многонациональных государствах, протекая более или менее однообразно, в развитии своем проходит два несхожих между собою периода. Первый период характеризуется тем, что сколоченные механически, преимущественно путем завоеваний, государства эти механически же из разнообразия народов, входящих в их состав, стремятся создать не только единство нации, в государственном-правовом значении этого слова, но и единство национальности, — единый культурно-исторический народный тип.

Из многонациональных государства эти стремятся превратиться в однонациональное, при чем национальным образцом естественно является главенствующий в государстве народ. Для осуществления этого стремления, основанного на отождествлении двух органически различных понятий: понятия государственного единства и единства национального, — государственная власть считала возможным приносить неслыханные жертвы, прилагать невероятные усилия, пользоваться всеми доступными государственному аппарату средствами.

История всех европейских государств знает яркие свидетельства о жертвах, приносимых молоху денационализации недержавных народностей. Достаточно вспомнить для этого хотя бы скорбный мартиролог валлийских, ирландских и шотландских кельтов в Англии, провансальцев и бретонцев во Франции, славян и иных народов в Австрии, судьбы поляков в Пруссии, практику имперской национальной политики в России.

Но та же история не менее красноречиво свидетельствует и о том, что подобная система принудительной национальности соответствует лишь известной стадии политического развития многонационального государства, что с ростом культуры и цивилизации, с постепенным развитием личности и освобождением ее от принудительных, нивелирующих ее общественных и политических формул, освобождается и национальность. Свидетельствует эта история также и о том, что система принудительной, «официальной», как у нас принято выражаться, народности — весьма непрочный

фундамент для возведения мощной постройки государственного единства, ибо, — перефразируя замечательные слова А. Хомякова, — «в делах национальности (А. Хомяков говорил о вере) принудительное единство есть ложь, а принудительное послушание есть смерть».

Второй период движения национального вопроса в многонациональных государствах начинается с момента крушения системы принудительной национальности и замены ее системой свободного национального самоопределения, что совпадает, как правило, с крушением системы старого абсолютизма в европейских государствах. На протяжении всего XIX века, особенно второй половины его, вместе с ростом политической свободы растет и свобода национальная; вместе с укреплением прав и гарантий свободной личности, укрепляются права и гарантии свободной национальности. Совпадение это не случайность, а закон исторической и психологической необходимости, ибо в государстве, где нарушена свобода национальная, поражена в самое сердце и свобода политическая; ибо у личности нет более ценных и дорогих прав, чем права национальные.

С севера на юг и с запада на восток вся Европа прошла через мучительный опыт принудительной национальности и к нашему времени продвинулась далеко вперед по торной и светлой дороге свободного национального самоопределения. Особенно поучительной является в этом отношении наша ближайшая соседка Австрия, которая в составе своих граждан насчитывает и представителей народов, главное национальное ядро которых находится в пределах Российской империи. История последних сорока лет существования Австрии указывает на многогранную силу, какую способны развить разнообразные национальности при условии сколько-нибудь гарантированных прав на национальное самоопределение. Империя, после Садовой и Кениггреца, стоявшая у порога государственного распада, возродилась силою возродившихся национальностей, входящих в состав ее. Ее, казалось бы, омертвевшие и готовые отвалиться члены наполнились снова здоровьем, и наше время было свидетелем нового политического явления на европейском горизонте, ставшего сразу немаловажным фактором в международных отношениях. *Civis austriacus* оказался не

политическим фантомом, каким издавна привыкли считать его в Европе, а реальным данным на весах европейской политики, значение которого ощутили прежде всего его державные соседи, — хотя бы в деле Боснии и Герцеговины.

С значительными колебаниями и отступлениями, с значительным историческим замедлением, но тем же путем шло движение национального вопроса и в России. Пройдя неизбежный период механически строяемого национального единства, Российская империя также неизбежно подошла и к замене этой системы системой свободного национального самоопределения. Дата 17 октября 1905 года является формальной гранью между уходящим в историю принудительным единством и долженствующим прийти ему на смену живым разнообразием национальностей единой Российской империи.

Возрождение национальностей, входящих в состав России, началось, и ко времени акта 17 октября обозначилось, как обстоятельство, чрезвычайно благоприятное для ожидаемой новой русской гражданственности, для идеи русского государственного единства. В дни так называемого освободительного периода, в эти дни, когда все и каждый высказывали откровенно и безбоязненно, как дети, все накопившиеся желания свои, все родившиеся мысли, все мечты и упования; в эти дни, когда были произнесены, среди других, все национальные слова, определены все национальные мнения, не раздалось ни одного национального голоса, в котором хоть отдаленно звучала бы неприязнь к моменту государственного единства. Съезды автономистов — федералистов, съезды представителей недержавных народностей, съезды учительских и иных национальных организаций, вся национальная пресса, все программы национальных партий в основу своих выступлений поставили охрану государственного единства и подведение нового и прочного фундамента под здание этого единства.

Последовавшие затем события, длящиеся и до наших дней, смяли и растоптали венки национальных надежд, но оказались бессильными погасить веру народов империи в Россию, не убили тяготения к ней. Идеальный учет национальных нужд и требований, предъявленный в освободительный период народами России, погашен к

нашему времени столь же идеальным отрицанием их. Практика имперской национальной политики, утвердившись наново на старых рельсах официальной народности, делала и делает все зависящее от нее для того, чтобы развить центробежные стремления среди недержавных народностей империи. Национальное отталкивание возведено в систему национальных отношений, но среди сил, создавших единство русского государства, оказались силы, мощное притяжение которых отвратило недержавные народности от орбиты политической центробежности, от идеи политического сепаратизма. Силы эти — русская культура и главный носитель ее — русская интеллигенция.

IV

Национальна ли русская интеллигенция? На этот вопрос необходимо ответить категорически, так как отрицательный ответ на него в настоящее время дается не только группами и лицами, интеллектуальное прошлое которых опорочено, а будущее безнадежно, но и теми, о которых говорить дурно было бы по меньшей мере преждевременно.

Вопрос этот исчезает, делается невозможной самая постановка его при первом же беглом анализе соотношений между национальностью и интеллигенцией, ибо только тот народ и достоин называться национальностью в современном значении этого слова, в составе которого появление интеллигенции стало совершившимся фактом. Как ни определять явление интеллигенции, главным ее признаком необходимо признать высокое интеллектуальное развитие состава ее членов. Кроме того, интеллигенция — единственная общественная группа, которая, будучи более или менее независимой от воздействий сословной, классовой и профессиональной психологии, концентрирует в себе все черты общенародного гения, делается сосредоточием общенародного творчества, питаясь непосредственно его соками и непосредственно возвращая полученное в переработанном виде народу, минуя все сословные, классовые и профессиональные перегородки. Интеллигенция является не только создателем всех нематериальных ценностей, находящихся в культурном обороте данного народа, но и неизменным

распределителем их; без нее невозможно поступательное движение всей цивилизации данного народа. Интеллигенция стоит на страже всех элементов национального сознания своего народа. Ее культурным развитием определяется степень культуры данного народа, ее симпатии и настроения являются таковыми же данной национальности, ее психический уклад, отлагаясь в народном сознании, придает окончательный вид и окончательную форму национальной психологии; наконец, главное орудие культурно-национального творчества народа — национальный язык — находится всецело в ее обладании, притом форма этого орудия, которой пользуется интеллигенция, является всегда наиболее совершенной для каждого данного момента народной истории. Интеллигенция является также своего рода интеллектуальной лабораторией, в которой, помимо чисто культурных ценностей, создаются формы и типы национальной гражданственности и политического устройства. В руках интеллигенции находятся все ключи от национальной судьбы того народа, представительницей которого она является.

Русская интеллигенция блистательно отправляла всегда свои национальные функции. Ее история — сполошной подвиг национального служения. В самое короткое время и при самых неблагоприятных условиях русская интеллигенция взростила и взлелеяла великую литературу, высокую научную и художественную мысль, которые позволили русскому народу занять подобающее ему место в ряду мировых национальностей. Не столько поощряемая, сколько отвращаемая правительством своей родины от родного народа, русская интеллигенция неизменно несла ему просвещение, несла национальные идеалы, просветленные и проверенные опытом иных мировых национальных культур. Лишенная всякого активного участия в общественной жизни, она силою морального авторитета своего воздействовала на общественность родной страны, значительно повысив ее уровень. Отгороженная китайской стеной от политики, подавленная и униженная в бесправии своем, живущая под угрозой кар и мести, русская интеллигенция сберегла творческую политическую мысль, создав единственно ее усилием высокие политические идеалы. Национальная концентрация ее такого мощного качества, что ею окраши-

вались все проблемы, все доктрины, даже те из них, которые, как социализм (вспомним о народничестве), или крайние виды анархизма (Бакунин), обречены, казалось бы, на полное отсутствие национальных очертаний. Тяготение к народу, воздействие народной стихии на русскую интеллигенцию, в свою очередь, обладает огромною мощью. Не говоря о предшествовавших прецедентах в истории, укажем хотя бы на то, как на наших глазах модифицировались, изменились до неузнаваемости теоретически стройные социальные части программ русских политических партий, особенно наиболее левых из них, при первых же, не во всем даже отчетливо высказанных и определившихся народных выступлениях.

Есть у русской интеллигенции еще одно качество, резко выделяющее ее из ряда первенствующих национальностей в многонациональных государствах. Это — более или менее полная нейтрализация националистических очертаний. Не всегда это было так и с нею. Русская интеллигенция первой четверти XIX века была националистической, в значительной мере она оставалась таковою и во всю первую половину прошлого столетия: Пестель и Пушкин в этом отношении мало чем отличались от Николая I, старое славянофильство ничем не отличалось от современного ему правительства. Лишь с середины прошлого века, с полным отрывом стремящейся вперед интеллигенции от застывшего в устарелых формах государственности правительства, с борьбой против него из-за государственного национального совершенствования, с русской интеллигенции спали ветхие одежды националистической агрессии. Ни с какой стороны русская интеллигенция не повинна в тех ужасах денационализации, которыми наполнены последние пятьдесят лет истории русского государства. Она брезгливо отворачивалась от практики имперской национальной политики, смягчая ее удары высоким гуманным сочувствием, оздоравлившим удушливую атмосферу имперских международных отношений.

Высокий сравнительно уровень русской культуры и благородные качества русской интеллигенции сыграли весьма важную роль в утверждении государственного единства в национальном сознании недержавных народов России. Все они, — за исключением поляков, немцев и

народов Финляндии, национальное развитие которых шло особым путем, — начали свое возрождение под абсолютным влиянием русской культуры. Литературные, общественные и, — что всего важнее в данном случае, — политические идеалы русской интеллигенции сразу же стали достоянием нарождающихся национальных интеллигенций. Яркий огонь русской национальной культуры перекинулся во все дальние окраины империи и зажег там новым племенем потухающие или тлеющие национальные местные костры; действенная сила ее влила здоровье и жизнь в слабеющие и надорванные организмы недержавных народностей. Русская культура и русская интеллигенция естественным, лишенным всякого оттенка принудительности, влиянием свободно признанного авторитета своего сделали то великое национальное дело, которое не под силу никакой государственной власти, обладающей всеми возможностями насилия и принудительности. Государственное единство построенное на таком широком и стойком фундаменте, как национальное сознание всех народов, достоянием которого стали общие политические идеалы, созданные творческой мыслью первенствующей национальности, способно устоять перед всеми ожидающими его испытаниями. Каждый лишний день господствующего ныне режима имперской национальной политики доказывает это.

Благородное сотрудничество русской интеллигенции с интеллигенциями недержавных народов империи подготовило все условия для оздоровления межнациональных отношений в России. Согласование моментов государственного единства и национального разнообразия уготовило пути мощного державного возрождения Российской империи силою возрождающихся национальностей, среди которых первое место занимает национальность великорусская. Осуществление этой патриотической идеи, общей всем гражданам России, встречает, однако, на своем пути значительные, лишь временем преодолеваемые затруднения. И роль русской интеллигенции, в росте и развитии своем творящей национальное государственное дело, далеко еще не закончена. Ее подвиг национального служения далек еще от конца своего, но ее друзья и сотрудники — национальные интеллигенции всех народов империи будут всегда с нею:

безрадостные дни современности не омрачат их прекрасного сотрудничества на пользу и во славу общего отечества.

Новая книга:

Іван Кошелівець

РОЗМОВИ
В ДОРОЗІ
ДО СЕБЕ

Сучасність·1985

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

Илья Зильберберг

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР — ЖИЗНЬ, УЧЕНИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ*

В 11-ом номере «Форума» под рубрикой «Философия, религия, этика» были помещены некоторые материалы Рудольфа Штейнера. Эти материалы могут быть правильно поняты лишь в контексте общего учения Штейнера, которое выходит далеко за пределы означенных рубрикой областей и которое Штейнер назвал духовной наукой или антропософией. Эта наука не только объясняет наш мир во всем его объеме и многообразии, не только позволяет познавать его во всей глубине и первопричинах, но и лежит в основе жизни и деятельности тысяч людей во всем мире. На ее принципах действуют школы и больницы, сельскохозяйственные фермы и поселки для умственно отсталых, промышленные предприятия и банки, архитектурные мастерские и фармацевтические фирмы, театры и научные лаборатории.

Вместе с тем очень мало известно сегодня как об этой деятельности, так и о учении Штейнера, как, впрочем, и о нем самом. Поэтому я позволю себе предложить читателям журнала краткий очерк жизни, деятельности и учения этого выдающегося европейского мыслителя, ученого и педагога.

* Илья Зильберберг — до эмиграции жил и работал в Москве, где в 1962 г. впервые познакомился с учением Рудольфа Штейнера. С 1971 г. живет в Англии и преподает русский язык в Портсмутском политехническом институте. В 1976 г. опубликовал книгу «Необходимый разговор с Солженицыным» — в ней он рассказывает о событиях, к которым оказался причастен вместе с Солженицыным, о роли в них Солженицына и других участников и о некоторых последствиях и уроках этих событий.

Часть публикуемой здесь статьи была, в несколько иной редакции, напечатана в журнале «Тайноведение», № 6, 1983 г.

Рудольф Штейнер родился 27 февраля 1861 года в местечке Кралевец (ныне Югославия) в семье служащего Южно-Австрийской железной дороги. Обладая впечатлительной душой, мальчик оказывается очень восприимчивым как к живой природе, которая в тех местах отличается особой красотой, так и к миру машин, который он наблюдает на железной дороге, мельнице и местной фабрике. Но мальчик обладает также и пытливым умом, который с раннего детства повел его дорогой постоянного углубления и расширения своих знаний. Так, уже в возрасте девяти лет он серьезно изучает геометрию.

Отец хочет сделать из него железнодорожного инженера, и мальчик, сдав блестяще экзамен, поступает в 1872 г. в реальное училище. И здесь он выходит за рамки учебной программы, изучив в возрасте 12-13 лет аналитическую и начертательную геометрию, тригонометрию, дифференциальное и интегральное исчисление. Он также самостоятельно изучает историю, а в 14 лет прочитывает «Критику чистого разума» Канта, которой он начинает продолжавшееся всю жизнь глубочайшее изучение мировой философской мысли.

Одновременно, ввиду довольно скромных доходов семьи, из которых оплачивалось его образование, Рудольф Штейнер, по рекомендации педагогического совета, занимается как с учениками младших классов, так и со сверстниками. В дополнение к прикладным дисциплинам он самостоятельно изучает греческий и латинский язык и курс классической гимназии, что позволяет ему потом заниматься также и с учениками классической гимназии. Именно отсюда берет свое начало многолетняя педагогическая деятельность Штейнера.

Закончив с отличием реальное училище, Рудольф Штейнер в 1879 году поступает в Венское Высшее техническое училище. Продав школьные учебники, он покупает на эти деньги произведения великих немецких философов-идеалистов, и время до начала занятий в Вене посвящает изучению трудов Фихте, Гегеля, Шеллинга и их учеников. В высшем же училище он изучает математику, химию и естественную историю, а также физику, зоологию, ботанику, биологию, геологию и чистую механику. Одновременно он слушает лекции по немецкой литературе, а в

университете — по философии, продолжая и самостоятельное углубление в философию. При этом он продолжает давать частные уроки и активно участвует в различных литературно-художественных и философских кружках и внимательно следит за развитием искусства — музыки, архитектуры, живописи.

Вскоре Штейнера привлекают к сотрудничеству в издательстве «Немецкой национальной литературы», где ему, молодому человеку в возрасте двадцати одного года, поручается подготовка к изданию нескольких томов «Естественнонаучных трудов Гете» и снабжение их вводными статьями, пояснениями и примечаниями. (Гете известен широкой публике в основном как поэт, а между тем он не только серьезно занимался научно-исследовательской деятельностью, но и был самостоятельным и оригинальным ученым-естествоведом). Занимаясь этой работой, Штейнер публикует и собственный труд «Теория познания в мировоззрении Гете». Позже он становится редактором «Немецкого еженедельника», что еще больше вводит его в политическую жизнь Австрии и знакомит с различными ее представителями, побуждая заняться изучением политэкономии и трудов Маркса и его последователей.

Средства к существованию Рудольф Штейнер продолжает добывать преподаванием — теперь уже практически всех предметов на всех уровнях, включая помощь аспирантам при подготовке их докторских диссертаций.

В этот же период судьба ставит его перед трудной педагогической задачей. Его рекомендуют в качестве воспитателя и учителя в семью с четырьмя мальчиками. Трех из них он должен был подготовить к начальной школе и потом помогать им в дальнейших занятиях. Четвертый же был отдан ему на полное попечение, так как, будучи физически и умственно отсталым (он страдал гидроцефалией), был совершенно не в состоянии учиться. Шесть лет пробыл Штейнер в этой семье, и в результате его усилий больной питомец не только полностью излечился от болезни, но окончил гимназию, а затем и институт и стал врачом.

В 1890 году Штейнера приглашают в Веймар, в Архив Гете и Шиллера, в качестве редактора научных трудов Гете,

готовившихся к изданию в составе полного собрания сочинений великого поэта. В Веймаре Штейнер пробыл семь лет, в течение которых, помимо работы в Архиве, он защищает докторскую диссертацию по философии и продолжает свои философские, научные и художественные изыскания, поддерживая контакты со многими выдающимися представителями культуры и науки. К концу этого периода библиография его работ насчитывает порядка ста наименований — философских, литературных и научных статей, статей по драматургии, театральных обзоров, биографических очерков и таких трудов, как «Фридрих Ницше, борец против своего времени» и «Мировоззрение Гете». К этому же периоду относится опубликованная в 1894 году «Философия свободы», которую сам Штейнер считает основополагающей для всей своей последующей деятельности и одним из основных трудов своей жизни.

В 1897 году Рудольф Штейнер переезжает в Берлин, где становится редактором престижного «Литературного журнала» и его приложения «Листки драматургии». Он сам принимает участие в драматическом кружке и в постановке новых пьес, объясняя перед спектаклем их содержание публике. И в Берлине продолжается его многосторонняя деятельность и широкое общение с представителями театра, литературы, искусства. В это же время Штейнеру предложили преподавать историю и естествознание в вечерней школе для рабочих, и в течение пяти лет он читал там лекции по истории средних веков, французской революции и по современной истории, по истории культуры и искусства XIX века, по немецкой литературе второй половины XIX века, по общей культуре от первобытных времен до наших дней, по истории религии, по анатомии человека, лекции о животных, об открытиях XVI и XVII веков, вел курсы по упражнению в речи и др. По воскресеньям он часто водил группы учеников по музеям, а летом ездил с ними за город, рассказывая им про жизнь растений и объясняя геологические формации окружающих мест.

Можно смело сказать, что на рубеже двух столетий Рудольф Штейнер предстает перед нами одним из образованнейших и деятельнейших людей не только своего времени, но и всей человеческой истории. Казалось, в новом

столетии его ждет блестящая академическая или общественная карьера. Вместо этого, деятельность Штейнера принимает столь необычное направление, что озадачивает его современников и кажется им совершенно несовместимой со всем, что ассоциировалось с ним до сих пор. И действительно, этот поворот жизни и деятельности Рудольфа Штейнера не может быть понят из рассмотрения только внешних событий его жизни. Ибо его выдающиеся способности и эрудиция — лишь внешнее проявление того уникального внутреннего содержания, которое несла в себе эта личность.

Еще в самом раннем детстве маленький Штейнер сделал открытие, которое немало удивило его. Оказывается, далеко не все из того, что сам он видел и воспринимал в окружающем мире, видели и воспринимали другие. Более того, когда он пытался говорить об этом другом со взрослыми, они его не понимали, считали фантазером и даже порицали. Огорченный, он должен был замолчать, но ясно понял с тех пор, что существует два мира: один — видимый и доступный всем, другой — невидимый для других и доступный только ему. К этому другому миру относились, в частности, невидимые для глаза существа, живущие в природе, мысли и чувства людей, а также их внутренние сущности*, которые продолжают существовать после физической смерти тела. Этот мир был для мальчика не менее реален, чем первый, физический, а чувствовал он себя в нем гораздо увереннее, чем в физическом. И поначалу эти два мира существовали для него отдельно, ибо связи между ними он найти не мог. Не видел он также и пути, которым те, кто воспринимает только «видимое», могли бы придти к признанию существования и значения «невидимого». И только когда в девятилетнем возрасте он познакомился с геометрией, он испытал чувство настоящего счастья, открыв, что геометрические понятия, не связанные прямо с конкретными объектами физического мира, имеют для него, вместе с тем, реальное значение и применение и при этом познаются человеком чисто мыслительно, т. е. точно так же, как может быть познан тот, невидимый мир.

Многие годы, живя и развиваясь в этих двух мирах,

* Это внутренняя сущность человека обозначается в литературе различными именами — «Я», индивидуальность, душа и др.

Рудольф Штейнер был обречен на полное одиночество, ибо не было около него человека, с кем он мог бы поделиться своими переживаниями, который понял бы его. Но вот однажды, когда ему было восемнадцать лет, судьба посылает ему такого человека. Это был простой крестьянин — собиратель лекарственных трав. Штейнер познакомился с ним в поезде, которым, будучи студентом, ездил из дома в Вену. Этот человек, обладавший природной мудростью и живой внутренней связью с невидимыми силами природы, говорил об этом невидимом мире естественно и просто, как о чем-то само собой разумеющемся, и встреча с ним явилась необычайной поддержкой для Штейнера.

К этому времени отношение Штейнера к этим двум мирам, его жизнь в них и познание их стали гораздо более сознательными. Он видел, что тот и другой — и физический и духовный — являются неотъемлемыми частями бытия и что неведение относительно духовной части дает человеку искаженную картину мира, в котором он живет, и потому неминуемо ведет к заблуждениям и катастрофе. И Штейнер остро чувствовал, что человечество нуждается в правильном, конкретном и полном знании о мире в качестве основания для своего дальнейшего развития, и осознавал, что мог бы дать это знание, сумеет он в полной мере познать оба мира, в которых жил, и соединить их в единое целое.

Именно такую задачу он и ставит перед собой. А поскольку он по-прежнему чувствовал себя увереннее и свободнее в мире духовном, который и в познании давался ему легче физического, он решает постичь материально-физический мир в полном его объеме и во всех областях — в науке и технике, в искусстве и в религии, равно как и в общественном устройстве, причем постичь и на основе господствующего в нем материалистического мировоззрения, а не только с собственных духовных позиций.

И Штейнер принимается за эту сверхчеловеческую задачу, которую он не оставляет до конца жизни. Ибо он берет себе за правило не говорить ни об одном явлении нашей физической жизни с точки зрения духовного, прежде чем не изучил его досконально с точки зрения материального. Вот почему он штурмует и берет одну за другой вершины современных знаний во всех областях жизни.

Но завоевание этих вершин, которое он осуществляет одновременно с постоянным и все углубляющимся исследованием духовного мира — лишь часть его грандиозной задачи. Далее он должен привести свои знания о двух мирах к тому органическому единству, в котором сами эти миры фактически находятся в жизни. И эту задачу выполняет Штейнер.

Но и теперь еще не может выступить открыто Штейнер с сообщениями о духовных мирах и знаниях, пока не найдет такого языка для своих сообщений, на котором они могут быть восприняты и поняты сознанием и мышлением современного человека. Ибо о явлениях, недоступных и неизвестных физическому восприятию, Штейнеру нужно было говорить не иносказательно или обще, а прямо и конкретно, причем пользуясь понятиями мира физического. Только выработав такой язык, стал Штейнер готов к выполнению своей миссии.

Но ее фактическое выполнение зависело не только от него. Как бы исключительно важны ни были для человечества знания, без которых человек не может более понимать жизнь и себя самого, эти знания не могут быть навязаны или даны преждевременно, т. е. до того, как в самом человечестве, хотя бы в немногих его представителях, не проявится ясно выраженная потребность в таких знаниях.

И вот такая потребность проявилась, когда в 1900 году Штейнера пригласили выступить с лекцией перед группой теософов в Берлине. С этого момента и до самой смерти исследование духовных миров, сообщение результатов этих исследований и основанная на них практическая работа становятся основным содержанием жизни и деятельности Рудольфа Штейнера.

Прежде чем вкратце рассказать об этой деятельности, следует сказать несколько слов о взаимоотношениях Рудольфа Штейнера с Теософским обществом и о его отношении к теософскому и другим оккультным течениям его времени.

Рудольф Штейнер был противником всякого рода мистическо-оккультных эмоций и сентиментальных переживаний, мечтательности, таинственности или фантазерства на почве оккультизма, неясных и туманных «видений» и

«откровений», фанатизма и трансовых состояний, равно как интереса к «потустороннему миру» из праздного любопытства или эгоистических побуждений. Он также был противником всяких попыток «материализации духа», практикуемой спиритизмом и другими видами медиумизма. Он видел также, что старые формы ясновидения и оккультизма не могут дать современному человеку необходимых ему знаний ни о духовном, ни о физическом мире.

То, что культивировалось в Теософском обществе, базировавшемся на откровениях Е. П. Блаватской, не было в этом смысле исключением. Блаватская без сомнения обладала даром ясновидения, но ее прозрения в духовные миры, не пронизанные ясным сознанием и четким мышлением, были часто хаотичны, расплывчаты и даже путанны и неверны.

Но Штейнера, нашедшего среди теософов свою первую аудиторию, которой он мог передать сообщения о высших мирах, мало волновала собственно теософская доктрина. С самого начала своей деятельности в рамках Теософского общества (он вскоре стал генеральным секретарем его немецкой секции) Штейнер заявил, что основывает свои сообщения о духовных мирах исключительно на собственных исследованиях и потому оставляет за собой полное право говорить о них, что и как считает нужным. На этой основе сосуществование Штейнера с Теософским обществом продолжалось до 1913 года, когда центральное руководство общества провозгласило, что юному в то время Кришнамурти предстояло стать новым перевоплощением Христа (при полной непричастности самого Кришнамурти к этой абсурдной идее). Произошел неизбежный разрыв, после которого Штейнер с группой учеников основал Антропософское общество, существующее и поныне.

Называя антропософию духовной наукой, Штейнер хотел этим подчеркнуть тот факт, что она является *наукой о духе*, т.е. четкой, конкретной и точной, цельной и последовательной, проверяемой опытом и применимой практически. Еще то отличает ее от других сообщений сверхчувственного порядка, получаемых в результате внезапного «наития» или бессознательного и неуправляемого «видения» и потому часто отрывочных, туманных и

противоречивых, что духовные исследования Штейнера явились результатом напряженной, сознательной и целенаправленной работы.

Только часть своих исследований Штейнер изложил письменно, в виде книг и статей, в основном же он придавал им форму устных сообщений — лекций, которые он читал различным категориям слушателей в разных странах Европы. Всего застенографировано порядка 6.000 лекций Штейнера. Полностью труды Штейнера изданы по-немецки и составляют свыше 350 томов! Очень много переведено на английский и другие языки, включая русский, японский и иврит. Очевидно, что не представляется возможным, да и нет необходимости, давать подробный обзор этих трудов. Сегодня каждый интересующийся может ознакомиться с ними по первоисточникам и составить о них собственное мнение. Я вижу свою задачу лишь в том, чтобы читателям, не знакомым с антропософией, дать о ней общее представление в контексте современности и общей эволюции человека. Я также укажу несколько основных книг Штейнера.

Описав подробнейшим образом духовный мир и его обитателей, Штейнер также описал рождение из него мира физического со всеми его обитателями, включая человека, и дальнейшую его эволюцию. В ходе духовно-физической эволюции мира человек, который стоит в центре этой эволюции, все больше отдалялся от своей духовной родины и все глубже погружался в мир физический, ибо только таким образом он мог развиться в самостоятельное, свободное и сознательно-мыслящее существо. Для этого он должен был также утратить прямую связь с духовным миром и даже знания о нем, завоевав вместо этого мир физический и овладев его знаниями (хотя фактическая связь человека с духовным миром и даже его бессознательная жизнь в нем никогда не прекращались).

Но теперь человек достиг поворотного момента в своем развитии — и опасного момента при этом. Дальнейшее погружение в мир материального грозит ему полной деградацией и превращением в существо низшего порядка. А кроме того, без знаний духовных основ жизни и опираясь лишь на физически-материальные знания, человек сегодня уже не в состоянии справляться со стоящими перед ним

многочисленными проблемами, включая социальные. Попросту, он перестает понимать мир, в котором живет.

Поэтому человек должен вновь обрести некогда покинутую им родину. Но его восхождение к духовным мирам не может быть механическим, бессознательным или чем-то абстрактным. Этот путь, эта работа должны быть проделаны человеком сознательно и в тесном сотрудничестве с самим духовным миром, первый этап которого состоит в усвоении знаний о духовной основе нашего бытия. Именно в этом состояла задача Рудольфа Штейнера — дать человечеству знания об этой основе и указать путь сознательного восхождения к духовному миру.

Но это есть путь к истинной внутренней свободе, как показал Штейнер в своей «Философии свободы». В этой книге заложены философские основы антропософии и показано, как вышеназванный путь может быть проделан сегодня каждым человеком с помощью ясного и углубленного мышления.

Современный путь непосредственного познания духовного мира, основанный на развитии высших форм сознания и заложенных в человеке, но не развитых органов сверхчувственного восприятия, описан Штейнером в книге «Как достигнуть познания высших миров».

Во все эпохи человеческого развития существовали пути проникновения (посвящения) в духовные миры, соответствующие различным уровням сознания человека. Обычно посвящались лишь избранные, тайно, в специальных центрах. В нашу же эпоху условия стали совершенно иными; высшие знания, как и любые другие, не могут быть больше тайными и уделом лишь немногих, а должны быть доступны каждому. И путь посвящения, изложенный Штейнером, соответствует тому уровню сознания и общего развития, на котором находится современный человек. Есть, конечно, и другие пути проникновения в сверхчувственные миры, как старые, так и новые, есть пути более легкие и быстрые, но они неподходящие для современного человека и в лучшем случае могут привести к аберрациям, в худшем — к душевным и даже физическим заболеваниям. Изложенный Штейнером путь — не легкий и не быстрый, ибо прежде всего он требует, чтобы каждый шаг в направлении познания высших истин

сопровождался тремя шагами в направлении морального совершенствования. Но этот путь открыт сегодня каждому, кто искренне и серьезно стремится к высшим познаниям, и нет никаких препятствий или условий, мешающих человеку встать на него, кроме тех, которые он ставит себе сам. Если же человек не может или не хочет становиться на этот путь, то и тогда ознакомление с ним не только дает ему представление о современном посвящении и об истинном посвященном, но и оказывается благотворным для него самого.

Из ознакомления с путем посвящения становится очевидным, что для того, чтобы исследовать духовные миры, нужны особые способности. Но результаты исследований посвященного, облеченные в доступную современному сознанию форму, могут быть поняты каждым с помощью беспристрастного и ясного мышления. Поэтому их не надо принимать на веру, а следует сопоставить с общеизвестными естественно-научными знаниями о мире и жизни, с собственным жизненным опытом, руководствуясь при этом трезвым мышлением и здравым смыслом. И если в результате такого анализа человек придет к выводу о правдивости этих сообщений, то он может применять их в жизни — с большой пользой для себя и на благо других.

«Духоведение (Теософия). Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека» рассказывает о духовно-душевно-физическом строении человека и о том, что происходит с ним в духовных мирах после физической смерти.

«Из летописи мира» рассказывает о происхождении Земли как планеты, о ее прошлом, настоящем и даже будущем развитии, а также о происхождении и эволюции человека.

«Тайноведение» как бы вбирает в себя содержание трех предыдущих книг, но подается оно в другом ракурсе и с добавлением новых фактов. В «Тайноведении» как бы сосредоточена квинтэссенция антропософии, различные области и аспекты которой Штейнер развивает и углубляет в последующие годы в многочисленных лекциях.

На углубленное изучение даже одной из этих областей может уйти вся жизнь, но вместе с тем знание основных

аспектов антропософии в их совокупности и взаимосвязи необходимо каждому, кто серьезно стремится понять наш мир в его духовном основании. Я перечислю лишь некоторые сферы духовно-физического бытия, освещаемые антропософией:

- Происхождение и развитие Земли и небесных тел;
- Происхождение и развитие человека и человечества в многообразии его рас, племен и народов;
- Происхождение и развитие царств природы;
- Суть человека и смысл его существования;
- Духовный мир и населяющие его духовные существа, их роль в развитии человека, Земли и вселенной; духовные водители человека и человечества;
- Сон и смерть, жизнь человека в духовном мире и связь этой жизни с жизнью в мире физическом;
- Судьба человека, свобода и необходимость в его жизни, его связь и взаимоотношения с другими людьми, включая так называемых умерших;
- Силы и духовные существа, препятствующие развитию человека, их деятельность на Земле и в духовном мире;
- Духопознание, развитие душевных и духовных сил человека, его сознания и мышления.

К этому надо добавить освещение с точки зрения духовной науки различных аспектов человеческой культуры, как то: древних и последующих культур, фактической истории и различных исторических событий, науки, философии, искусства, религии (в частности, Библии и ее сказаний), различных религиозно-духовных течений и т. п. Совершенно особый вклад внесла антропософия в раскрытие истинной сути и уникальной роли в мировой эволюции Духовного Существа исключительно высокого порядка — Христа. Ни традиционно-церковное христианство с его сентиментально-моралистским отношением к Христу, ни философско-теологический — абстрактно-теоретический подход, ни тем более историко-материалистическое рассмотрение христианства не в состоянии дать этого понимания. Штейнер указал на космическо-божественное место Христа в духовном мире и рассказал нечто совершенно новое и

исключительно значительное о Его земной жизни, вскрыл всю глубину Мистерии Голгофы — центрального события земного развития, — и раскрыл содержание Новозаветных свидетельств о нем.

Но антропософия, по самой сути своей, не может оставаться чем-то сугубо теоретическим, оторванным от повседневной реальности. Место антропософии — в жизни, ибо как дух проникает все бытие, так и учение о духе должно пронизывать все, что совершается человеком в этом бытии. Такое «обновление духом» возможно, разумеется, лишь через конкретных людей, которые хотят вобрать в себя духовную науку и на ее основании построить свою жизнь, свои отношения, свою деятельность. И поскольку вокруг Штейнера находились люди, стремившиеся привнести антропософию в ту или иную сферу жизни, Штейнер освещал эту сферу лучом духовной науки, показывая действующие в ней конкретные духовные силы, а также — как построить, преобразовать эту сферу на духовном основании.

Одной из первых таких сфер оказалось искусство, благодаря тому, что этот импульс несла в себе жена и ближайший сподвижник Штейнера Мария Яковлевна Сиверс, русская по происхождению. С точки зрения антропософии, Штейнер вскрывает смысл и назначение искусства и освещает такие его аспекты, как драма, актерское мастерство, декламация и искусство речи. Он также ввел совершенно новый вид искусства — искусство движения и жеста эвритмию, которую называют также «видимой речью» и «видимой музыкой». Развив дальше теорию Гете о красках, Штейнер пронизал духовным пониманием и саму живопись, а также зодчество и ваяние. Он сам занимался скульптурой и сам же спроектировал центр антропософского движения в Швейцарии, названный по имени Гете Гетеанумом. К сожалению, это совершенно уникальное строение из дерева, построенное под руководством Штейнера, погибло, подожженное рукой злоумышленника. На его месте стоит сейчас другой Гетеанум, из бетона, тоже спроектированный Штейнером.

Штейнер выступил и в роли драматурга, написав четыре мистерии-драмы, которые он сам же поставил на сцене. В этих мистериях антропософия представлена в художествен-

ной форме, и на примере конкретных человеческих судеб показана работа духовных сил как в сфере духовного, так и на физическом плане.

Драматургическая работа Штейнера была прервана началом первой мировой войны. Глубоко переживая это международное бедствие и пристально следя за развитием сопровождавших его событий, Штейнер в многочисленных лекциях вскрывал его причины и указывал на действующие за ним сверхчувственные силы. Он много говорил также о событиях в России, о революции и о ее лидерах. После войны, показавшей несостоятельность старого социально-экономического порядка и поставившей народы Европы перед необходимостью переоценки старых ценностей, Штейнер предложил новую форму социально-экономического устройства общества, отвечающую требованиям духа времени и истинным потребностям человека. Увы, его предложения, поддержанные многими видными деятелями того времени, не были осуществлены — другой «порядок» уже готовился утвердить себя в Германии и во всей Европе. Социальные идеи Штейнера, изложенные в книге «Основные черты социального вопроса», а также в многочисленных лекциях и статьях, актуальны сегодня в неменьшей степени, чем 60 лет назад.

Особую роль в преобразовании человека и общества призваны сыграть воспитание и образование, и Штейнер, в ответ на обращенный к нему призыв, выдвигает новую, основанную на духовном знании человека и его развития, педагогику и систему воспитания и школьного образования. Эта система была впервые применена, под руководством Штейнера, в основанной в 1919 г. на ее принципах школе, и по имени этой школы получила название Вальдорфской.*

В это же время возникают основанные на духовной науке медицина и фармацевтика. Особый вклад внесен Штейнером в понимание природы умственных и физических отклонений и в методы их лечения.

В 1924 г., откликнувшись на просьбу группы фермеров,

* Подробней о Вальдорфской педагогике говорится в статье того же автора о воспитании, которая будет напечатана в следующем номере журнала (ред.)

Штейнер прочитал им цикл лекций, положивший начало новой сельскохозяйственной науке и практике, известной сегодня как «биодинамический метод». Этот метод использует взаимодействие земных и космических сил, при этом обработка земли, выращивание сельскохозяйственных растений и животноводство составляют гармоничное целое, в центре которого стоит человек. Он не разрушает и истощает, а восстанавливает и исцеляет природу, и в ответ она дает ему свои здоровые, полноценные плоды.

В эти годы Штейнер выступает также со специализированными лекциями перед учеными, филологами, экономистами и другими специалистами, поражая их своим доскональным знанием в их области и тем новым содержанием, которым он наполнял ее.

В последние годы своей жизни, выступая перед членами Антропософского общества, Штейнер особое внимание уделил важнейшему аспекту человеческого существования — карме (судьбе) и реинкарнации (перевоспложению). Современному человеку необходимо понять их конкретное проявление в своей собственной жизни и в жизни других — без этого люди не смогут понять друг друга и вместе жить и работать на земле.

Штейнер умер в 1925 г. Осталась незаконченной писавшаяся им по просьбе учеников автобиография «Мой жизненный путь» — скромное, как бы внеличное описание единственного в своем роде жизненного пути единственной в своем роде личности. Нелегко был путь, которым должен был пройти этот человек, чтобы принести нам сообщения духовных миров — антропософию. Немало трудностей встречает и тот, кто стремится идти в жизни путем антропософии. Ибо антропософия — это не развлекательное и даже не познавательное чтение только, не просто накопление знаний о человеке и мире. Это прежде всего работа — по преобразованию себя и мира.

Сегодня, спустя 60 лет после смерти Штейнера, эта работа ведется во всем мире — в Европе, Северной и Южной Америке, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, на Африканском континенте, в Азии (в Индии и Японии), в Израиле и даже в Советском Союзе и в странах советского блока. И повсюду тысячи людей не только осваивают духовные

знания, но и претворяют их в жизнь: на их основе лечат больных и умственно неполноценных, ведут сельское хозяйство, производят различные изделия, организуют предприятия и банки, решают социальные проблемы и промышленные конфликты, возводят здания, создают произведения искусства, ведут научные исследования. Что касается Вальдорфской системы образования, то она охватывает сегодня десятки тысяч детей, обучающихся в 350 школах в 22 странах всех континентов, и число Вальдорфских школ непрерывно растет.

Данный очерк является лишь общим и конспективным описанием явления, всю глубину и важность которого для нашего времени можно понять только путем личного углубления в него. Излишне говорить, что побуждением к такому углублению может быть только внутренний импульс, и желающие узнать больше об антропософии и антропософском движении могут обратиться в антропософские центры тех стран, где они проживают. Читатели могут также обратиться и ко мне лично по следующему адресу:

I. Zilberberg, 14 Colchester vale, Forest Row,
East Sussex RH 18 5HJ, England

Для тех же читателей, чье желание узнать больше о содержании антропософского учения не может быть удовлетворено в виду отсутствия доступа к первоисточникам, я попытаюсь дать краткое изложение некоторых содержащихся в них сведений — не в качестве замены этих первоисточников, а в качестве вынужденной промежуточной ступеньки к ним. Выбор этих сведений — из всего многообразия и обилия сообщений духовной науки, составляющих цельное и всестороннее описание нашего бытия, т. е. происхождения, смысла и цели существования вселенной и человека — не может быть простым и однозначным. Мой выбор, однако, определился тем непреложным требованием, что фокусом даже самого краткого антропософского рассмотрения должен стать феномен, который стоит в центре и антропософии, и жизни, и нашего личного интереса и непосредственного опыта — сам человек.

Человек, по Штейнеру, является существом физически-душевно-духовным, состоящим из четырех определенных и различных по своим природе и функциям субстанций. Только одна из них, физическая, которой также обладают представители трех царств природы — животного, растительного и минерального, воспринимается нашими органами чувств. Три же остальные являются сверхчувственными субстанциями и, соответственно, доступны лишь органам сверхчувственного восприятия. Но как и физическое тело, эти субстанции имеют определенную форму и структуру и потому тоже названы телами. Первое из них — это жизненное, или эфирное, тело, дающее жизнь физическому; кроме человека, эфирным телом обладают также животные и растения. Второе, так называемое астральное, или душевное, тело, является носителем эмоций и желаний; это тело имеется, помимо человека, также и у животных. И, наконец, третий, самый высокий духовный элемент, имеется только у человека и является носителем его индивидуального мышления и сознания; это — Я, или Эго, человека.

Как физическое тело состоит из субстанций физического мира, так и три духовных тела состоят из соответствующих духовных субстанций соответствующих духовных миров. Духовные тела пронизывают друг друга и физическое тело — этим обусловлена нормальная жизнедеятельность человека и его организма. И эта жизнедеятельность изменяется, нарушается или прекращается, если изменяется взаимосвязь или нарушается взаимодействие четырех тел. Приведу несколько примеров, имеющих практическое значение.

Как физический организм нуждается в поддержании своей жизнедеятельности путем питания физическими веществами, так и духовные элементы человека нуждаются в соответствующем регулярном духовном питании. Такое питание имеет место во время сна, когда астральное тело человека и его Я покидают физическое и эфирное тела и уходят в свои духовные сферы для «подзарядки» новыми духовными силами, которые они по возвращении вливают в эфирно-физическую организацию человека. Поэтому так важен для человека правильный и глубокий сон, при котором его высшие члены могут полностью погрузиться в свои

собственные субстанции и получить необходимую помощь и энергию для дальнейшей дневной работы. К сожалению, современный человек часто лишен такого сна. Из-за неблагоприятных внешних условий жизни человека или же в силу перевозбуждения, физического переутомления и излишнего эмоционально-психологического вовлечения в повседневные дела, его высшие элементы оказываются слишком сильно связанными с низшими и с земными сферами и не могут полностью уйти в высшие сферы. В результате человек плохо спит, а утром с трудом просыпается и встает неотдохнувшим, с ощущением усталости и в плохом настроении.

Выход из человеческого организма астрального тела и Я во время сна является нормальным. Но такой выход может означать и болезненное состояние человека, например, обморок, потерю сознания. Многие другие болезненные состояния или болезни человека вызваны нарушением взаимодействия его трех духовных членов, когда нарушается гармония их совместной работы и когда они неправильно пронизывают друг друга или человеческий организм. Отсюда ясно, как важны знания о духовных членах человека и их деятельности, ибо в нарушении этой деятельности заключается причина большинства болезней человека. Именно на этих и других духовных знаниях основана антропософская медицина и фармакология.

Но знания о духовных членах человека, которые, как и физическое тело, находятся в процессе непрерывного изменения и развития, необходимы также и педагогу. Ведь эти духовные элементы являются носителями способностей, склонностей и возможностей ребенка и его восприимчивости к тем или иным воспитательно-образовательным мероприятиям. Знания о них особенно важны в случае так называемых ненормальных детей, где совершенно явно имеет место — в силу физических дефектов или других причин — неправильное внедрение Я в человеческую организацию (само Я не может быть «дефектным», но оно может быть неправильно или неполностью включено в физическую организацию, и тогда мы наблюдаем такие явления, как недоразвитость, ненормальность, сенильность и пр.).

Если не только астральное тело и Я, но и эфирное тело покидают человеческий организм, то наступает состояние, которое мы называем смертью — физическое тело, лишенное духовных субстанций, поддерживавших его жизнедеятельность, и предоставленное самому себе, возвращается в свой собственный мир — физический, подпадая под действие его законов, т. е. разлагается. Покинувшие физическое три духовных тела человека тоже возвращаются в свои собственные духовные миры, и нас в данном случае интересует судьба высшего из них — Я человека.

Как мы знаем, Я является носителем мышления и сознания человека. И если бы мышление и сознание существовали только как продукт физической организации человека, т. е. его мозга, как учит нас современная наука, они бы исчезли вместе с исчезновением тела. Но Штейнер показал, что истинная жизнь мышления и сознания связана именно с Я, которое, находясь в физическом теле, использует его в качестве инструмента для познания физического мира и деятельности в нем. И только часть мыслительно-сознательной деятельности Я связана с физической организацией человека, которая, естественно, прекращается с физической смертью. Основная же часть деятельности Я, как и его природа — духовная.

Современный человек знает лишь о первом типе деятельности своего Я, хотя в некоторых случаях его Я бессознательно приближается ко второму типу мышления (например, имея дело с математическими и другими концепциями, не связанными прямо с объектами физического мира). Но Штейнер не только описал чисто духовную деятельность Я в духовном мире, но и показал, что она вполне возможна и при земной жизни человека, дав при этом ряд упражнений для развития этой высшей формы мышления. Именно такое мышление — «бестелесное», не зависящее от физической организации человека — ведет в конечном счете к истинному познанию духовных миров и сознательной жизни в них еще до смерти (когда, скажем, Я может вполне сознательно и по своей воле покинуть физическое тело и возвращаться в него).

Жизнь Я в духовном мире, как и его пребывание на земле, обусловлены общим процессом эволюции человека,

земли и вселенной, который необходимо уяснить хотя бы в самых общих чертах.

Как мы знаем, человек, наделённый высшим духовным элементом — Я, является высшим земным существом (другие земные обитатели тоже обладают Я, но связь их Я с их физическими телами совершенно иная, чем у человека — об этом см., в частности, лекцию Штейнера «Рождество» в «Форуме» N 11). Но в духовном мире, населенном множеством духовных существ, человек далеко не является высшим существом. Духовные существа, как и земные, значительно отличаются друг от друга как по своему развитию, так и по своей деятельности. Их, однако, объединяет тот факт, что у них не бывает физических тел, посредством которых они могли бы изливать свою деятельность (уникальные исключения составляют предмет особого рассмотрения, далеко выходящего за рамки нашего).

Низшим элементом у духовных существ является эфирное тело, причем только у некоторых, у других же — астральное, у третьих — Я, при этом они обладают и более высокими, чем Я, духовными членами, которые у человека либо находятся ещё в зачаточном состоянии, либо полностью отсутствуют и даже едва могут быть постигнуты его теперешним сознанием. Отсюда можно понять, на какой высоте духовного развития находятся эти существа — пропасть между ними и человеком намного шире, чем между человеком и самым примитивным из земных существ.

Все эти духовные (божественные) существа связаны с развитием вселенной, земли и человека. Высшие из них направляют это развитие, и именно по их замыслу и их творчеством были созданы физический мир и земля в качестве поля деятельности для человеческого Я. Согласно этому замыслу, человек в результате своего развития должен подняться до уровня божественных иерархий и стать вместе с ними со-творцом мира. Человек не смог бы достичь этого в пределах духовного мира, где он был безгрешным, но зависимым от высшей воли, а значит несвободным, существом и где его развитие было бы результатом не собственных усилий, а дара высших существ. Поэтому он и должен пройти суровую школу ученичества «вне дома» — в

условиях самостоятельного и сознательного преодоления многочисленных препятствий, трудностей и соблазнов земного физического существования.

Процесс этот длительный и постепенный, как и процесс становления физического мира и земного человека и, затем, их обратного перехода в чисто духовные формы существования. В ходе этого процесса Я человека периодически спускается из духовного мира на землю — каждый раз в другое физическое тело, в другие условия жизни и в другую культурную эпоху для получения как можно более разнообразного опыта земной жизни — и затем возвращается в духовный мир для «подведения итогов» и выработки новых задач на следующее воплощение. Каждый человек прошел через очень много таких воплощений, прежде чем дошел до настоящей, чрезвычайно важной ступени своего развития.

Начав много тысяч лет назад нисхождение в физический мир, человек достиг сейчас низшей, критической точки, после которой он должен начать обратное восхождение в духовный мир. Но если спуск его был бессознательным, направляемым высшими существами, то восхождение он должен проделать сам. Ибо эти существа, которые до недавнего времени вели и направляли человечество по предначертанному ему пути, передали теперь его судьбу в его собственные руки. Внешне это выражается в том, что старые устои и миропорядок, которые всегда в прошлом определяли коллективную и индивидуальную жизнь людей, больше не имеют никакой силы. Теперь человек сам пытается организовать жизнь на земле, и печальные результаты этих усилий проявляются сегодня во всех сферах.

Это не значит, конечно, что надо отказаться от этих усилий, да и отказаться просто невозможно — никто другой не может выполнить за человека возложенную на него задачу. Но чтобы выполнить ее, его усилия должны быть не хаотичны, эгоистичны и бессознательны, а целенаправлены и проникнуты истинным пониманием происходящего, т. е. осознанием духовных основ жизни.

Но здесь и заключено одно из самых серьезных препятствий на пути земного развития человека, ибо необходимым условием и фактом этого развития и явилось

погашение его духовного сознания на время пребывания на земле. Человек не только не помнит своих прошлых жизней в духовном мире и даже еженощных путешествий в него своего Я — он вообще не знает о существовании духовного мира и просто не верит в него. Это забвение было необходимо для того, чтобы человек перестал быть духовно зависимым существом и нашел в себе самом опору и импульс для своего существования.

Первым шагом в этом направлении является выработка ясного, четкого и самостоятельного мышления, что как раз и стало возможным в результате погружения в мир материи и развития современного научного мышления. Но если человек остановится на этом, увидев в этом цель, а не средство, он окажется в тупике — духовном, научном, социальном. Выйти из него с помощью старых, привычных форм мышления и выработанных этим мышлением понятий и знаний он не сможет, ибо они не отражают реальности, в которой человек живет — всей реальности, включая духовную. Понять, что действительно происходит в мире и что требуется в данный момент от человечества в целом и от каждого индивидуума в частности, человек может лишь на основании духовных знаний, небольшую часть которых я и попытался представить здесь читателям журнала.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

Юлия Вишневская

КЛАССИКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА: ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ В СОВЕТСКОЙ КРИТИКЕ?

Недавно в рецензии «Литературной России» на книгу Виктора Чалмаева «Андрей Платонов» промелькнула такая фраза: «Сказать, что Платонов — классик советской литературы, значит, сказать очевидное...»¹ Само по себе, это может и не привлечь особого внимания. По сравнению с другими писателями, которых не печатали или почти не печатали при Сталине, посмертная судьба Андрея Платонова (1899-1951) — одного из самых значительных и необычных русских прозаиков XX века — сложилась вполне благополучно. Настолько, что очень влиятельный в свое время советский критик Владимир Ермилов, который в 1947 году в одной из своих статей в «Литературной газете» назвал «клеветническим» рассказ Платонова «Семья Иванова», уже в 1964 году печатно в этом раскаялся.² Хотя и не все, что написал Платонов, было опубликовано у него на Родине, все же его книги выходят в СССР довольно регулярно, начиная с 1966 года, и в советской печати принято отзываться о нем благожелательно³.

1. Георгий Елин «Мир Андрея Платонова», «Литературная Россия», 30 августа 1985.

2. «Литературная газета», 17 октября 1964.

3. См. «Русские советские писатели-прозаики», том 7 (дополнительный), часть 2, Москва (гос. публичная б-ка им. Салтыкова-Щедрина), 1972, стр. 19-56. Стоит, однако, отметить, что в 3-м томе этого библиографического указателя, где Платонову положено было быть соответственно алфавиту и который вышел в свет в Ленинграде в 1964 году, статьи о нем нет.

Судя по некоторым публикациям, переоценка роли отдельных писателей не ограничивается только Платоновым. Похоже, что целый ряд писателей, чье творчество по тем или иным причинам было принято противопоставлять литературе социалистического реализма, сегодня официально признаются классиками русской литературы XX века.

Для того, чтобы осветить этот процесс во всей полноте, как он того заслуживает, понадобилось бы написать толстую книгу. Здесь же мы можем привести лишь отдельные примеры. Однако сделать это, по-видимому, необходимо, учитывая роль, которую в тоталитарном советском обществе, лишенном права на нормальную политическую, общественную и религиозную жизнь, играет культура.

Недавнее прошлое

Еще одной причиной, почему данный феномен заслуживает внимания, является элементарное чувство долга по отношению к людям, которые настояли на том, чтобы это произошло. Слишком многие советские интеллигенты поплатились за, пусть даже частичную, реабилитацию писателей если не своей свободой, то работой, карьерой.

Говоря только о послесталинской эпохе, стоит вспомнить хотя бы развязанную разоблачителем Сталина Никитой Хрущевым кампанию борьбы с модернизмом и формализмом в литературе и искусстве, по своей грубости, мракобесию и ксенофобии ничем не отличавшуюся от ждановской.

После снятия Хрущева, во второй половине 1960-х годов подобные кампании были все же гораздо более приличными по форме. Примером может служить дискуссия, разгоревшаяся в «Литературной газете» после публикации там статьи Михаила Лифшица «Почему я не модернист?»⁴

Чтобы проследить хронологию постепенной либерализации, можно воспользоваться примером Андрея Белого,

4. «Литературная газета» N 119, 8 октября 1966; N 150, 20 декабря 1966; N 7, 15 февраля 1967; «Литературная Россия», 10 марта 1967; «Вопросы философии», N 1, 1968, стр. 98-110.

одного из основателей русского символизма и пионера статистического и структурального методов литературного анализа. Этот «величайший русский прозаик-модернист», как назвала Белого американская исследовательница его творчества Шарлотта Дуглас, до недавнего времени проходил по спискам советского литературного начальства как поэт⁵. Впрочем, стихи Белого отдельной книгой тоже не издавались с 1940 по 1966 год. Когда в 1966 году издательство «Советский писатель» выпустило сборник избранных стихотворений и поэм Белого в большой серии «Библиотеки поэта», началась массированная травля в советской печати автора предисловия к сборнику Тамары Хмельницкой (ее обвиняли в слишком хорошем отношении к символистам)⁶. После того, как в начале 1969 года по этому поводу высказалась «Правда», секретариат правления Союза писателей СССР «разобрал» работу серии «Библиотека поэта», в результате чего редколлегия этой серии была по существу разгромлена.⁷

Произведение, которое считается главным в творчестве Белого — его роман «Петербург» — было опубликовано, причем в сокращенном виде, в Советском Союзе в 1935 году. Только спустя 43 года, в 1978 году, эта сокращенная версия еще раз увидела свет на родине писателя — в Москве, в издательстве «Художественная литература». Однако еще через несколько лет роман был опубликован полностью — с предисловием академика Лихачева, дополнениями и примечаниями — в серии «Литературные памятники» издательства «Наука»⁸.

Пример Белого, большая часть наследия которого, впрочем, пока еще не переиздана, является вполне типичным примером постепенной эволюции в интересующем нас вопросе. Приведем еще несколько имен, изменение отноше-

5. См., например, «Русские советские писатели-поэты», био-библиографический указатель, том 3, часть 1, Москва, 1979, стр. 114-196.

6. «Коммунист» N 4, 1967, стр. 72-73; «Октябрь» N 6, 1967, стр. 198-199; «Правда», 17 февраля 1969.

7. «Литературная газета», 12 марта 1969, стр. 4.

8. Андрей Белый, «Петербург», Москва, 1981, стр. 625.

ния к которым легче всего проследить на основании последних публикаций.

Михаил Булгаков

В начале этого года газета «Известия» дважды писала о создании в бывшей квартире Булгакова — той самой квартире N 50 по Садовому кольцу в Москве, где он поселил героев романа «Мастер и Маргарита» — своеобразного народного музея Булгакова. Речь в этих публикациях шла о «паломничестве почитателей творчества Булгакова», которое «год от года набирает силу», и о необходимости «придать системность» этой благородной инициативе снизу.⁹ Примерно через полгода эту идею поддержала «Литературная газета», опубликовав статью выдающегося советского исследователя творчества Булгакова Мариэтты Чудаковой «Мастер и воплощение». Посвященная постановке пьес Булгакова, а также инсценировкам его романов на сцене московских театров, статья Чудаковой напоминает также о поставленном еще в 1978 году телефильме «Литературное наследство. Михаил Булгаков» и сообщает о подготовке трехтомника «Театральное наследие М. Булгакова»¹⁰.

Булгакову не нашлось места в био-библиографическом указателе русских прозаиков советского периода ни в 1959 году (между писателями М. Бубенновым и П. Вершигорой), ни — в отличие от Платонова — даже в дополнительном, 7-м томе, изданном в 1971 году, т. е. уже после публикации в журнале «Москва» романа «Мастер и Маргарита». В том же 1971 году свердловский еврей-отказник Валерий Кукуй был осужден на 3 года лагерей по обвинению в «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Если не считать разговоров с приятелями об антисемитизме в Советском Союзе, единственным обвинением в деле Кукуя было — хранение у себя дома повести Булгакова «Собачье сердце»¹¹.

В конце 20-х годов, сообщает «Большая советская

9. «Известия», 13 января и 8 февраля 1985.

10. «Литературная газета» N 25, 19 июня 1985, стр. 8.

11. «Хроника текущих событий» N 20, стр. 14-16.

энциклопедия», все, написанное Булгаковым, за исключением инсценировок и двух пьес о Пушкине и о Мольере, было запрещено цензурой. В 1962 году, через 22 года после смерти писателя вышла в свет его биографическая повесть «Жизнь господина де Мольера». В 1965 году были переизданы его «Драмы и комедии». В том же году был опубликован его незаконченный «Театральный роман», а в 1966 году выходит томик его «Избранной прозы», где впервые полностью напечатан роман «Белая гвардия», публикация которого была прервана в 1927 году¹².

В 1966-67 гг. журнал «Москва» публикует роман Булгакова «Мастер и Маргарита». Эта публикация и положила начало «паломничеству почитателей творчества Булгакова», которому начальство пыталось положить известные пределы, опубликовав, например, большую редакционную статью на первой полосе «Литературной газеты» от 12 марта 1969 года, направленную против «абстрактного гуманизма» покойного писателя и одного из его почитателей, ведущего критика «Нового мира» Владимира Лакшина¹³. В виде отдельной книги роман увидел свет лишь в 1973 году.

Случай Булгакова может быть признан не совсем типичным, поскольку его разногласия с советским режимом носят не только эстетический, но и политический характер. По этой причине повести Булгакова «Собачье сердце» и «Роковые яйца», содержащие убийственный сатирический анализ большевистской революции, до сих пор не переизданы в Советском Союзе и вряд ли будут там напечатаны в обозримом будущем. Однако и в «Театральном романе», и в «Мастере и Маргарите» чувствуется, что писатель относится к окружающей его советской действительности с насмешливым высокомерием.

С чисто формальной точки зрения вряд ли Булгакова, писателя, унаследовавшего гоголевскую гипнотическую силу воздействия на читателя и его виртуозность владения словесным материалом, можно было бы назвать модернистом. Однако, несмотря на то, что корни булгаковского

12. «Большая советская энциклопедия», III изд., том 4, Москва, 1971, стр. 104-105.

13. «Литературная газета» N 11, 1969, стр. 1 и 4.

гротеска, булгаковской мистики, булгаковской фантастики восходят к классическим образцам русского и европейского искусства прошлого, его проза несовместима с канонами социалистического реализма 1930-х—1950-х годов. Недаром собрание сочинений гораздо более непримиримого антикоммуниста, эмигранта Ивана Бунина вышло в свет в Советском Союзе ровно на 10 лет раньше, чем томик «Избранной прозы» Михаила Булгакова.

Марина Цветаева

Как можно понять из статьи поэтессы Тамары Жирмунской, в результате восьмилетней борьбы советской интеллигенции удалось добиться принципиального решения об открытии в Москве дома-музея Марины Цветаевой.¹⁴ Как это ни покажется странным, если судить по чисто внешней стороне ее биографии, в отличие от Булгакова, Цветаева долго не находила официального признания у себя на родине не по политическим причинам, а в силу особенностей ее личности, определившей в конечном счете характер ее творчества — независимого и ни на что не похожего.

Еще при жизни Сталина стихи Цветаевой — тогда даже не в машинописной, а в рукописной форме — положили начало советскому Самиздату.¹⁵ В начале 1950-х гг. за распространение переписанных от руки сборничков стихов Марины Цветаевой сажали в тюрьму.

В 1956 году писатель Илья Эренбург написал предисловие к избранным стихам Цветаевой. Издание книги задержалось на 5 лет, но это предисловие появилось во втором выпуске альманаха «Литературная Москва» за тот же год. На статью обрушились как в открытой печати, так и — главным образом — на закрытых совещаниях.¹⁶ Следующий выпуск альманаха уже не вышел.

«Избранное» Марины Цветаевой было опубликовано в 1961 с предисловием Владимира Орлова. Однако, как пишет

14. «Советская Россия», 30 июня 1985, стр. 4.

15. См., например, Григорий Свирский, «На лобном месте: литература нравственного сопротивления (1946-1976 гг.)», Лондон, 1979, стр. 92-99.

16. «Литературная газета», 5 марта 1957, стр. 2-3; «Политический дневник», цит. соч., стр. 609.

Надежда Мандельштам, в 1962-63 гг. во время развязанной Хрущевым «антимодернистской» кампании «Эренбурга клеймили главным образом за несколько слов о Мандельштаме и Цветаевой»¹⁷.

В Советском Союзе стихи Цветаевой переиздавались в 1965 и 1979 годах. Книга ее прозы «Мой Пушкин» в течение 1967-81 гг. переиздавалась трижды. В 1980 году вышел в свет двухтомник: в первом томе — стихотворения, поэмы и драматические произведения, во втором томе — проза Марины Цветаевой (зарубежное издание Цветаевой занимает пять томов ее стихотворений и поэм и два тома — избранной прозы). После 1980 года советские журналы публикуют стихи и прозу Цветаевой, не вошедшие в двухтомник. Последняя публикация — «Флорентийские ночи» в августовском номере «Нового мира» за 1985 г.

Иннокентий Анненский

13 июня с.г. московское телевидение показало фильм «Литературное наследство. Иннокентий Анненский». В ходе телефильма ведущий, известный советский писатель Юрий Нагибин также рассказал о предполагаемом выходе монографии о творчестве Иннокентия Анненского, подготовляемой ленинградским филологом Андреем Федоровым.

Герой советского пропагандистского телефильма «Грядущему веку», поставленного по роману главного босса советской литературы, первого секретаря Союза писателей СССР Георгия Маркова, по ходу пьесы цитирует стихи Иннокентия Анненского. Рецензируя этот фильм, Сергей Юрьенен пишет, что этот герой, поклонник творчества Анненского и секретарь обкома КПСС по специальности, Антон Соболев задуман как идеал современной, горбачевской эпохи, новый стереотип образцово-показательного партийного руководителя.¹⁸

Первый сборник стихотворений Анненского назывался «Тихие песни». Это название как нельзя лучше отражает

17. Надежда Мандельштам, «Воспоминания», Нью-Йорк, 1970, стр. 146.

18. См. статью С. Юрьенена «Образ партийного руководителя: новый стереотип» в этом же номере «Форума».

и характер поэзии Анненского — полной тихой, целомудренной нежности, за которой, однако, таится остро неожиданный взгляд на мир — и его посмертную литературную судьбу. Анненский не пользовался признанием при жизни, но оказал решающее влияние на таких поэтов как Николай Гумилев, Анна Ахматова, Осип Мандельштам и Борис Пастернак.

Поскольку умер Анненский задолго до революции, тихо сложилась и его посмертная судьба при советской власти. Еще в энциклопедии 1929 г. известный советский критик Дмитрий Благой охарактеризовал творчество Анненского как поэзию «отравы, „злых обид” и великой жалости к малым вещам, один из самых больных цветов умирающей буржуазно-дворянской культуры» и утверждал, что в силу всего здесь перечисленного, Анненский, «естественно, остается чуждым всем здоровым тенденциям современности».¹⁹

В последний раз при жизни Сталина томик «Стихотворений» Анненского был опубликован в Ленинграде в 1939 году. После этого Анненский был забыт и даже не попал в ждановскую обойму мальчиков для битья. Зато Анненский оказался одним из первых мастеров Серебряного века русской поэзии, воскрешенных из тьмы забвения в эпоху посмертных реабилитаций. Когда в 1959 году издательство «Советский писатель» выпустило том стихотворений и трагедий Анненского в большой серии «Библиотеки поэта», то его имя оказалось настолько малознакомым широкой читающей публике, что этот томик в течение нескольких лет находился в свободной продаже на прилавках столичных книжных магазинов и даже был уценен.

Велимир Хлебников

Наиболее революционное впечатление, на наш взгляд производят, однако, последние публикации «Литературной газеты», связанные с поэтом, чье творчество, строго говоря, никогда не было запрещено в Советском Союзе.

В 1928-33 годах вышел в свет пятитомник Хлебникова под редакцией Юрия Тынянова и Николая Степанова. В

19. «Литературная энциклопедия», цит, соч., стр. 166.

1940 г. он был дополнен сборником его «Неизданных произведений», считающимся до сих пор самым авторитетным изданием Хлебникова с чисто научной точки зрения. Библиография всего, что печаталось о Хлебникове — большей частью в Советском Союзе, — занимает свыше тридцати страниц. Монография о Хлебникове, написанная ученым, который посвятил изучению его творчества почти всю свою жизнь, появилась 10 лет тому назад.²⁰

И все же до недавнего времени Хлебников проходил в советских учебниках по разряду «декадентская литература»²¹ И все же — из антологии в антологию — попадают почему-то одни и те же стихи Хлебникова, а сборник его поэзии после 1960 г. — почти 25 лет — не издавался. И ходившие еще в начале 70-х годов слухи о предполагаемом выходе нового собрания стихов Хлебникова под редакцией Николая Харджиева в большой серии «Библиотеки поэта» до сих пор не подтвердились.

Даже в статье либерального критика И. Б. Роднянской в либеральной литературной энциклопедии 1975 года чувствуется недоброжелательность:

Хлебников искренне усвоил роль тайновидца, открывшего освобожденному человечеству путь к овладению числовыми «законами времени»... и к объединению через посредство «звездного», т. е. пригодного для всей нашей «звезды» Земли, языка... Претензия Х. создать «сверхповесть»... относится к числу трагических неудач поэта. Поэзия Х. во многих отношениях оставалась в пределах литературы модернизма.²²

Поэзии Хлебникова свойственны отказ от классической композиции в пользу свободного полета ассоциаций, зашифрованность образов посредством перифразтического описания, сочетание мифологического мышления с сугубо рационалистическим расщеплением слова. Никаких политических претензий у советских властей к Хлебникову не было и быть не могло: он умер в год окончания гражданской войны в

20. Н. Степанов, «Велимир Хлебников: Жизнь и творчество», Москва, 1975.

21. Н. А. Трифонов (сост.), «Русская литература XX века: Хрестоматия»; утверждена в качестве учебного пособия для педагогических институтов, Москва, 1962, стр. 459-463.

России, не успел разочароваться в революции, которую он, подобно многим своим современникам — в числе которых такие поэты, как Пастернак и Мандельштам, — принял и признал. Однако, если в случае Булгакова, Цветаевой, Пастернака, Ахматовой, Мандельштама или Анненского признание со стороны начальства можно объяснить давлением народной популярности, то переоценка творчества Хлебникова с такими соображениями связана быть не может.

Хлебников как был, так пока и остается «поэтом для поэтов», поэтом будущего. Признание Хлебникова логически требует от советских вождей — убрать с заборов, правительственных зданий и железнодорожных мостов их любимый лозунг «Искусство принадлежит народу!» — или, по крайней мере, опустить дальнейшую расшифровку этой знаменитой ленинской фразы, согласно которой «оно (искусство) должно быть понятно... массам и любимо ими»²³

В середине мая — то есть за полгода до юбилея Велимира Хлебникова, 9 ноября по новому стилю, — появилось сообщение о создании, решением секретариата правления СП СССР, комиссии по подготовке 100-летия со дня рождения поэта. В эту комиссию, под председательством Михаила Дудина, вошло почти пятьдесят членов Союза писателей — и в их числе несколько настоящих специалистов-исследователей его творчества.²⁴

Через полтора месяца комиссия сообщила о своих планах. Было решение, что к юбилею поэта «издательствами страны» будут выпущены «сборники его произведений», в том числе проза и письма. Что в Москве, Ленинграде, Астрахани, Элисте, Харькове, Ростове-на-Дону, Тбилиси и других городах «будут развернуты выставки, состоятся научные и читательские конференции, поэтические праздники, литературные вечера».²⁵

В своем отчете о выступлениях советских литературоведов на симпозиуме, проходившем в связи с предстоящим

22. «Краткая литературная энциклопедия», том 8, Москва, 1975, стр. 295.

23. «Ленин о культуре и искусстве», Москва, 1938, стр. 299.

24. «Литературная газета», N 20, 15 мая 1985, стр. 7.

25. «Литературная газета», N 27, 3 июня 1985, стр. 5.

юбилеем Хлебникова в Финляндии, критик Ал. Михайлов сообщил:

Участники симпозиума были единодушны в том, что ныне Хлебников уже не воспринимается литературоведами только как экспериментатор, реформатор стиха. Его творчество рассматривается как закономерное явление общего развития отечественной и мировой культуры²⁶.

Встречный поток

Наряду с материалами, свидетельствующими о переоценке творчества того или иного отдельного автора, попадаются и статьи, носящие более общий характер. Некоторые из них, подобно «Экологии культуры» Андрея Вознесенского, написаны в полемической манере, характерной для либеральной, условно говоря, «промодернистской» публицистики 1960-х годов:

Читатели ждут более полного Волошина, давно не издавались М. Кузмин, Чуковский... Фауна рассвета нашей поэзии неполна без дикорастущего Крученных.²⁷

Другие статьи, подобно заметкам переводчика Николая Любимова, выдержаны в жанре «монолога о времени и о себе». ²⁸ Но если Вознесенский и Любимов как бы пытаются «уравнять в правах» недавно еще полузапретные имена с именами вполне благополучных советских писателей, то в статье ленинградского поэта Александра Кушнера «Душа искусства» существование «социалистических реалистов» (за исключением Владимира Маяковского и Александра Твардовского) попросту игнорируется. Кушнер обосновывает свои мысли авторитетом таких поэтов, как Блок, Анненский, Пастернак, Мандельштам, Ахматова.²⁹

И в той же «Литературной газете», в то же самое время, своим чередом плывут щемяще знакомые потоки брани по

26. «Литературная газета», N 17, 24 апреля 1985, стр. 7.

27. «Литературная газета», N 2, 9 января 1985, стр. 13. *Примечание:* книги Михаила Кузмина (1875-1936) — поэта, близкого к акмеистам, — вообще не переиздавались после 1929 г., чего все-таки нельзя сказать о книгах Корнея Чуковского.

28. «Литературная газета», N 31, 31 июля 1985, стр. 7.

29. «Литературная газета», N 29, 17 июля 1985, стр. 6.

адресу западных специалистов по искусству народов СССР, которые смеют заниматься литературой русской (грузинской, литовской, украинской...) и не интересуются литературой советской:

Относительно подробно представлена русская литература послереволюционного десятилетия — как правило, именами Пильняка, Ремизова, Замятина, Пантелеймона Романова, Бабеля, Зощенко, Олеси. Но отсутствуют или упоминаются редко имена Малышкина, Лавренева, Неверова, Асеева, Вс. Иванова, Вишневского, Тренева, Багрицкого, Сельвинского, Фурманова, Грина...

А еще попадают материалы, подобные статье «народного художника», профессора Ильи Глазунова, некогда тоже считавшегося «формалистом», а сегодня бросившегося на защиту академий художеств со статьей ничуть не менее угрожающей по тону, чем публикации, характерные для хрущевской кампании 1962-63гг. :

Речь идет не о вкусах — кого из художников любить, кого не любить, а о принципах, лежащих в основе тех или иных художественных явлений. И приверженность отдельных наших художников к эстетическим установкам авангардистов есть не что иное, как отказ от великих принципов классики, увлечение бездушным формотворчеством, чуждым высоким идеалам нашей социалистической цивилизации.³¹

Несмотря на то, что статью Глазунова опубликовала «Правда», вряд ли она означает коренной поворот в политике властей по отношению к модернистам и авангардистам-классикам. По крайней мере, на Западе в качестве партийно-правительственной директивы скорее было воспринято стихотворение Евгения Евтушенко «Кабычевонивышлисты», опубликованное в том же печатном органе ЦК КПСС спустя три месяца. В своем стихотворении Евтушенко клеймит

30. «Литературная газета» N 18, 1 мая 1985, стр. 4. *Примечание:* Применительно к пишущим по-русски списки «незаслуженно превознесенных» и «несправедливо забытых» составлены по принципу, кого и как давно любят составители советских учебников. Когда речь идет о культуре других народов, критики вспоминают о существовании «единой советской литературы». См. там же, N 16, 17 апреля 1985, стр. 4; N 34, 21 августа 1985, стр. 2; N 35, 28 августа 1985, стр. 2.

31. «Правда», 11 июня 1985, стр. 3.

бюрократов и перестраховщиков, по вине которых «„Мастера и Маргариту” мы прочитали с вами позднее на двадцать лет» (хронология принадлежит Е. А. Евтушенко), а также тех, по вине которых до сих пор не выставляют Павла Филонова (1883-1941) — художника, которого можно условно назвать Хлебниковым русского изобразительного искусства.³²

Заключение

Естественно, трудно не заинтересоваться — чего это вдруг власти начали переводить в «классики советской литературы» тех, кого они десятилетиями запрещали, гнали и травили.

Один из самых распространенных ответов на этот вопрос — стремление русских националистов в советском руководстве сохранить национальное культурное наследие. Однако такое представление кажется, по меньшей мере, прямолинейным.

Так, например, в последнее время были переизданы не только такие близкие к славянофилам и по своим убеждениям, и по складу своей поэтики (композиции, звукописи, системе образов) авторы, как тот же Хлебников или «крестьянские поэты» Николай Клюев и Сергей Клычков. Описанный процесс затронул и таких поэтов как Анненский, Федор Сологуб, Мандельштам, которые не могут сгодиться пропагандистам «русской идеи» ни по своим политическим взглядам, ни по истокам своего искусства.

В качестве другого объяснения можно предложить и такой фактор, как время. Ведь все писатели, о которых шла речь в этой заметке, довольно давно умерли — и больше не опасны никому из сегодня живущих и процветающих апологетов социалистического реализма.

32. «Правда», 9 сентября 1985, стр. 1. Комментарии см. Рейтер, 9 сентября, АП, 10 сентября, «New York Times», 11 сентября и «Daily Telegraph», 12 сентября 1985.

КИНОФЕСТИВАЛЬ В ВЕНЕЦИИ

В августе-сентябре этого года в Венеции проходил 42-й международный кинофестиваль.

Венецианская «мостра» куда скромнее, старомоднее, а потому человечнее и уютнее, чем другие международные кинофестивали. Здесь киноискусство — мера всех вещей. Коммерция и политиканство здесь не имеют аккредитации. Оттого крупнейшие мастера мирового кинематографа считают честью показать новые свои работы в Венеции. Оттого фестиваль традиционно гостеприимен и доброжелателен по отношению к творческой молодежи и открыт новым тенденциям, новым веяниям. Один лишь тому пример. Среди многочисленных программ нынешнего года есть и такая: «Видеомузыка и кино». Практически, речь идет о только еще зарождающейся, но уже обретающей заманчивые эстетические перспективы популярной субкультуре видеорока.

Главное же — то, что было, есть и останется сердцевиной венецианского фестиваля, — официальная конкурсная программа. Это в известном смысле уравнение со многими неизвестными. Свидетельство смены поколений в мировом кинематографе. Известных авторских имен сравнительно немного: поляк Ежи Сколимовский, швейцарец Аллен Таннер, итальянец Карло Лидзани, американец Джон Хьюстон, венгр Иштван Галь.

Советский Союз — и это весьма необычно — был представлен в официальной конкурсной программе двумя картинами. Одна — «Танго нашего детства» режиссера Альберта Мкртчяна, вторая — «Парад планет» режиссера Вадима Абдрашитова. В международное жюри от СССР входил Элем Климов, чей фильм «Иди и смотри» был показан в Венеции на одном из информационных просмотров. Председательствовал в жюри выдающийся польский мастер кино Кшиштоф Занусси.

Одна из девяти программ Венецианской мостры была посвящена сорокалетию окончания Второй мировой войны. Не столько самой победе — литаврам и ликованию, сколько урокам трагедии физического и нравственного истребления миллионов людей.

В программу были включены четырнадцать лент — старые и новые, документальные и игровые, среди которых такие, ставшие уже классическими произведения, как «Рим — открытый город» итальянца Роберто Росселлини, «Пассажиры» поляка Анджея Мунка и «Берлин» — хроникальный фильм советского режиссера Юлия Райзмана.

Но подлинным событием, подлинным откровением в этой программе стал огромный, продолжительностью в шесть часов документальный фильм французского публициста Клода Лансмана, который называется «Шуа». Казалось бы, что можно добавить к многочисленным книгам и кинолентам, поведавшим нам о планомерном истреблении шести миллионов евреев в годы Второй мировой войны? А если можно, то как? «Мне хотелось создать фильм, реконструирующий самое страшное событие в современной истории во всей его широкой причинности, масштабах и последствиях, — фильм, который стал бы одновременно историей и размышлением об истории», — говорил Клод Лансман. Он создал трагедийный документальный эпос, при том что ограничил свое кинорасследование событиями, происходившими только в одном гитлеровском концлагере Трешлинка, не включил ни одного архивного кадра, последовательно избегал политических деклараций и обобщений, ограничиваясь интервью с оставшимися в живых жертвами, палачами и сторонними свидетелями из местного населения. Сугубо производственные, так сказать, интервью: о практических деталях, о технологии массового убийства, пропускной способности газовых камер, о повседневной рутине — транспортировке, обработке и уничтожении обреченных. Время от времени звукозаписи интервью создают странный, нестерпимо мощный контрапункт с безмятежными, ныне снятыми, кадрами: пустые товарные поезда, пересекающие Буг по железнодорожному мосту, лесные дубравы, обступившие территорию бывшего лагеря,

мемориал в самой Трeблинке. Последовательная безэмоциональность звукового и изобразительного рядов, подчеркнутое нежелание автора судить, морализировать — все это приводит к совершенно поразительному эффекту, когда мы, зрители, казалось бы уже перенасыщенные информацией, переполненные знанием, вдруг осознаем, что до этого фильма в сущности знакомы были лишь со внешними параметрами трагедии, не ощущая ее универсальных, общечеловеческих истоков. Вот он — парадокс высокого искусства. Шесть экранных часов подробного, скрупулезного расследования техники уничтожения евреев в Трeблинке неумолимо приводят тебя к раздумьям о миллионах жертв сталинской коллективизации, о миллионах сгинувших на Колыме, об убитых афганских детях, обо всех преступлениях против человечества, коими столь богат и бесславен наш 20-й век.

*

Одна из славных традиций Венецианского фестиваля — своего рода проявление или раскрытие белых пятен на кинематографической карте планеты. Именно здесь четыре года назад впервые в программу международного киносмотрa был включен южнокорейский фильм. Ныне, киноискусство этой страны привлекает особое внимание любителей кино в Америке, Европе и Азии. Новым тому свидетельством стала еще одна картина из Южной Кореи, показанная в официальной программе нынешнего фестиваля. Это историческая драма на материале средневековья, нравственно-психологический конфликт, который вырастает из обычая обеспечивать продолжение рода в бездетных аристократических семьях, просто-напросто покупая бедных девушек для деторождения.

Сколь бы специфически корейским ни было изображаемое, фильм волнует и захватывает и зрителей совсем иной культурной традиции. Он точно и сильно сыгран, исполнен утонченной и вместе с тем яркой изобразительной красоты, буйной и жестокой эмоциональности.

Если лента из Южной Кореи привнесла в фестивальную программу нечто новое и неожиданное, то картина ветерана итальянского неореализма Карло Лидзани разочаровала именно узнаваемостью мотивов, мироощущения, кинематографических приемов. «Мама Эйби» — произведение,

реконструирующее подлинный судебный процесс по делу женщины, основавшей псевдорелигиозную секту. Люди, вовлекаемые в секту, обворовывались, подвергались физическому и психическому насилию, а подчас доводились до самоубийства. Феномен, известный во многих странах. Казалось бы, фильм Карло Лидзани мог стать в полном смысле слова актуальным и насущным. Беда, однако, в том, что изображено лишь само явление, а духовные истоки и социальные первопричины его остаются за кадром. В общем и целом, картина «Мама Эйби» не столько напомнила о неореализме (напоминать в общем-то не к чему — и так общеизвестно его почетное место в истории мирового кино), сколько доказала: никому не дано дважды входить в ту же самую реку.

С нетерпением ожидали гости и участники Венецианского фестиваля показа новой работы выдающегося швейцарского режиссера Аллена Таннера. После премьеры мнения резко разделились. Мне фильм «Ничейная земля» представляется увлекательным этюдом на постоянную авторскую тему людской разобщенности и зыбкости общественных отношений. Ничейная полоса на швейцарско-французской границе становится метафорой неприкаянности героев, их подсознательных и отчаянных поисков духовного ориентира. Аллен Таннер — застенчивый моралист. Его манера повествования лаконична, без каких бы то ни было деклараций, указующих перстов, рецептов. Он словно бы бесстрастно фиксирует повседневный ход жизни с неожиданными ее срывами и взрывами.

Швейцарский кинематограф вообще чрезвычайно широко представлен в программах нынешнего фестиваля. Кажется, по праву. Кино этой маленькой страны сегодня на подъеме и куда значительнее, чем продукция иных великих кинодержав.

В мае этого года Золотую пальмовую ветвь Каннского фестиваля завоевал фильм молодого югославского режиссера. Не удивительно, что и в Венеции югославские фильмы привлекали внимание зрителей.

Бурный расцвет кинематографа в послетитовской Югославии несомненен. Причем речь об искусстве в высоком и точном смысле слова политическом. Речь о фильмах,

возрождающих традицию черной беспощадной сатиры, что заявила о себе впервые еще в начале 70-х годов, но вскоре была придушена.

Фильм «Папа в командировке», ставший сенсацией каннского киносмотрителя, анализировал и разоблачал, сколь ни парадоксально это звучит, губительный недуг сталинизма в государстве, противостоявшем Сталину.

Картина сценариста и режиссера Боро Драсковича «Жизнь прекрасна», показанная ныне в Венеции, о современном, сегодняшнем югославском обществе. Но мера художественной ярости и сарказма, накал социально-политического критицизма — те же. Фильм мог бы называться «Остановился поезд», потому что там и впрямь в чистом поле останавливается поезд. Локомотив в безнадежно аварийном состоянии. И пассажиры — срез всех и всяческих социальных групп Югославии — набиваются в близлежащую харчевню. Потом, по ходу действия, они — группа за группой — исчезнут, транспортируемые в грязном фургоне для перевозки кур. А в харчевне приступят к тайной своей вечере местные партийные руководители, спекулянты, деятели — новая элита общества зрелого социализма. Не знаю, употребляется ли эта формулировка в Белграде?

Символизм происходящего прозрачен. Разваливающийся на ходу локомотив, растаскиваемые, разворованные вагоны поезда по имени „Югославия“, цикличность рейсов кооперативного грузовика, доставляющего в ресторанчик ворованных кур и увозящего оттуда столь же покорных и растерянно квохчущих «левых» пассажиров. Наконец, сама харчевня. Эдакая социальная лаборатория, где в натужном веселье, в мрачном подпитии выворачиваются наизнанку паразиты, управляющие партией и экономикой. И звучит вновь и вновь до одурения, до отвращения лихая песенка «Жизнь прекрасна». А жизнь чудовишна, грязна и беспросветна.

Фильм-притча, фильм-гротеск. Он сам по себе, уже своим существованием, свидетельствует о том, что политический климат в Югославии куда мягче советского или чехословацкого, что в действительности коммунизм югославского образца не столь безнадежен, как восточноевропейский. Ведь только смертельно больное общество подавляет критику. И если художнику позволяют бить в

набат, значит родина его не оскудела здоровыми силами. Жаль, что югославский фильм «Жизнь прекрасна» скорее всего не попадет на советские экраны. Именно советские люди, более чем кто-либо, смогли бы оценить по достоинству его черный юмор, его очистительную ярость.

Почти что 30 лет назад, а если точнее — в 56 году, был удостоен одной из главных премий Венецианского фестиваля фильм японского режиссера Кон Итикава «Бирманская арфа». И вот в этом году 70-летний мастер представил в Венеции новую свою работу — фильм, который, как и тот старый, называется «Бирманская арфа». Фильм снят по старому сценарию, но с другими, естественно, актерами, да к тому же в цвете. Это произведение, в котором жестокий реализм странным и убедительным образом неотъемлем от трепетной поэтичности, в котором подлинность исторических событий сосуществует с универсально философским мироощущением художника.

Действие в «Бирманской арфе» происходит летом 45 года в момент крушения японской империи, гибели и сдачи в плен оккупационных войск в Бирме. Стало быть, антивоенный фильм. Однако причислять грустный и мудрый шедевр Кон Итикава к этому ли, к другому ли разряду было бы вульгарным упрощением. Образ молоденького японского солдата в оранжевой ризе буддийского монаха, бродящего по полям кровавой жатвы и трогаящего струны бирманской арфы в безумной надежде пробудить к жизни павших, — вне плоских социально-исторических объяснений, вне злобы дня. Оттого трогает и покоряет он зрителя сегодня с неменьшей эмоциональной силой, чем 30 лет назад.

*

В программе «Неделя кинокритиков» был показан фильм молодого польского режиссера и сценариста Радослава Пивоварского, который по-английски называется «Yesterday», то есть «Вечера». Его музыкальный лейтмотив — одноименная песня «Beatles». Да и сама картина о дне вчерашнем, точнее, о житье-бытье школьников-старшеклассников двадцать лет назад в захолустном городишке. Своим настроением произведение польских кинематографистов походит на некогда популярную в СССР повесть Бориса Балтера

«До свидания, мальчики» и экранизацию ее, осуществленную Михаилом Каликом. С одной существенной разницей.

Фильм «Yesterday» куда драматичнее, куда откровеннее в анализе конфликта между поколениями, а главное, он несет в себе открытый политический вызов режиму генерала Ярузельского и московским его покровителям. Битломания юных героев, насильно загоняемых на вечер в честь первой советской женщины-космонавта, ежедневно идущих в школу, на фасад которой грозно и многозначительно нацелена пушка советского танка, стоящего эдаким двусмысленным монументом освобождению-порабощению. Битломания эта не только и не просто естественное увлечение мальчишек замечательной поп-группой, но и невелеречивое заявление о принадлежности Польши к западной культуре и отрицании ею псевдокультурных даров Москвы.

Фильм Пивоварского — единственный фильм из Польши, представленный на фестивале в Венеции.

Поляк Ежи Сколимовский покинул родину молодым, но известным уже художником в конце 60-х годов. Живя и работая в Англии, стал одним из наиболее зрелых и самобытных мастеров мирового кинематографа. В официальной конкурсной программе нынешнего фестиваля — его первая работа, созданная в Соединенных Штатах Америки. Сценарий фильма «Плавающий маяк» создан по мотивам повести западногерманского писателя Зигфрида Ленца. Главные роли исполняют американец Роберт Дюваль и австриец Клаус-Мария Брандаур. Произведение, стало быть, — изначально интернациональное.

Тема общечеловеческого звучания — смертное противостояние команды плавающего маяка трем бандитам, обманом захватившим корабль, — исподволь и неумолимо перерастает в волнуемую параболу противостояния добра и зла, гуманизма и человеконенавистничества. При этом картина абсолютно реалистична и конкретна во всем, что касается характеров и обстоятельств.

*

В программах Венецианского кинофестиваля было показано несколько картин, так или иначе откликающихся на далекие от действительности советские мифы.

«Письмо Брежневу» — так называется комедия, создан-

ная начинающими английскими кинематографистами — автором сценария Френком Кларком и режиссером Крисом Бернардом. Скорее всего, идея фильма была навеяна популярной четверть века назад пьесой английского же драматурга Питера Устинова «Романов и Юлия», о детях американского и советского послов в некоей малой европейской столице, которые влюбляются друг в друга, бросая вызов идеологическому «железному занавесу» и политическим предрассудкам.

Действие фильма «Письмо Брежневу» происходит в английском портовом городе Ливерпуль, где две юные работницы знакомятся с двумя молодыми советскими матросами. И пылкая Эвани влюбляется в романтического и застенчивого Сергея, уплывающего домой на следующее утро. И позже она отправляет письмо Брежневу и в ответ получает приглашение в Москву.

Все это было бы весьма мило, забавно и трогательно, если бы не было столь непростительно наивно. Разумеется, не стоит ждать от такого рода комедий неременной правды характеров и обстоятельств. И, разумеется, возможен матрос Сергей (кстати, остается неясным, в торговом ли он флоте или военно-морском), с постоянной улыбкой от уха до уха, любующийся звездами, декламирующий стихи Тютчева и влюбляющийся с первого взгляда в англичанку.

Но сцены, где два молодых советских моряка, штатских ли, военных ли, бродят по Ливерпулю вдвоем, без группы и няньки, проводят вечер в дорогой дискотеке и ночуют с новыми подружками в отелях, — очевидная «липа», непростительная даже в условной комедии с добрым призывом к человеческому единению наперекор политическим табу и барьерам.

Куда больше жизненной правды, и оттого отменного юмора, во французской комедии «Песни завтрашнего дня». Действие ее помечено началом 50-х годов. Парижский скорняк, выходец из Литвы, по фамилии Сливец и вся его семья — пламенные коммунисты, восторгающиеся, как водится, на безопасном расстоянии успехами Советского Союза, этой родины социализма, этой страны обетованной. И безгранично счастье семейства Сливец, когда в составе советской балетной группы прибывает в Париж на гастроли их племянник. Распираемый от гордости скорняк устраивает

в честь родственника из страны Советов празднество с участием всей местной партячейки. И тут происходит катастрофа. Танцор-племянник, воспользовавшись празднеством, освободившим его от круглосуточного надзора кагэбистов, отправляется в полицию и просит политического убежища. Ангел добровольно покидает коммунистический рай и просится в капиталистический ад. Этого ошеломленные Сливовцы постичь не могут, это взрывает саму неприхотливо стройную систему их верований.

И еще одна картина из Франции — документальная, с шутовым названием «Эти безумные русские». Молодой режиссер Галина Миловская, русская по происхождению, парижанка по образованию и месту жительства, знакомит зрителей с творчеством Целкова, Толстого, Павловского, Дионова и других — в общей сложности восьми русских художников, сравнительно недавно эмигрировавших из СССР во Францию. В картине практически нет дикторского текста, а есть умный и выразительный контрапункт музыки Глинки, Чайковского, Шостаковича, Свиридова, парижских реалий и живописных полотен, контрапункт, в совокупности дающий яркое представление об этих мастерах как естественных наследниках и продолжателях традиций русского авангарда начала века, чье духовное и эстетическое становление явило собой дерзкий вызов тирании социалистического реализма. Многие аккредитованные на фестивале критики считают фильм Галины Миловской одним из лучших фильмов об изобразительном искусстве когда-либо где-либо созданных.

*

А теперь — о советских фильмах на фестивале.

Начну с ленты, которая впервые была показана на фестивале московском, была принята там с безудержным энтузиазмом советскими критиками и получила главную премию, а ныне попала в информационную программу венецианской мостры. Это фильм писателя Алеся Адамовича и режиссера Элема Климова «Иди и смотри». Сообщая о нем в июле из Москвы, корреспондент английской газеты «Таймс» отмечал художественную мощь отдельных эпизодов, но в целом отвергал его как низменную пропаганду национальной ненависти. И впрямь, авторы словно бы

перечеркивают 40-летний опыт советского кино о Великой Отечественной, возрождая эренбургговскую формулу «убей немца», которая была естественной, по крайней мере понятной, в годы войны, но непростительна сегодня.

Немцы, именно немцы, а не только и не просто ээсовцы в картине «Иди и смотри» все до единого — исчадия ада, сладострастные садисты, омерзительные твари. Но не только и не столько в этом видится мне нестерпимая аморальность фильма. Беда в том, что, стремясь любой ценой сказать о войне и гитлеровской оккупации Белоруссии нечто оригинальное, постановщик эстетизирует боль, кровь, страдания, мученическую смерть. Изысканные ракурсы, утонченные цветовые решения, элегантные движения камеры существуют сами по себе, вне нравственного контекста трагедии. Казалось бы, «Иди и смотри» так похож на другой советский фильм о мальчишке, опаленном войной, на «Иваново детство» Андрея Тарковского, тем более что Элем Климов нещадно ворует оттуда и хоровод березок, и таинство сельского колодца, и многое другое. На деле эти два фильма — как день и ночь, как огонь и лед. У меня лично картина Климова вызвала живейшие ассоциации с последней, недоброй памяти, лентой куда более крупного итальянского кинематографа Пьера Паоло Пазолини «Республика Сало», где та же извращенная эстетизация муки, та же порнография духа.

Но обратимся к официальной конкурсной программе Венецианского фестиваля, в которую организаторы щедро включили два новых советских фильма. Один — «армянский фильм «Танго нашего детства», — думается, щедрость не оправдал. Картина от начала до конца вторична, и плохие актеры, усиленно обозначая национальный темперамент постоянными криками и размахиванием рук, убивают даже то небольшое ценное, что содержалось в сценарной основе.

Но вот «Парад планет» режиссера Вадима Абдрашитова — произведение высокого порядка, которому суждено пробуждать раздумья, споры, догадки.

Фильм резко отличается от прежних абдрашитовских, подчеркнута прозаическое склада. Есть нечто таинственное, тревожное, метафорическое в странствиях группы немолодых мужчин с полей военных учений в город женщин, в

царство старости, а потом обратно в нормальный областной центр, к нормальным будням, исполненным безрадостной разобщенности. Картина эта при всей ее внешней скромности, даже непритязательности, при всей ее недоговоренности — сложный, глубинный комментарий на тему советского общества середины 80-х годов. Образный, истинно кинематографический комментарий, и многое здесь держится на Олеге Борисове. Иногда в СССР, как и в других странах, появляются поразительные актеры. Они вроде бы и не играют, не лицедействуют, но каждое появление их на экране дорого стоит, потому что трудно постижимым образом являют они самой личностью своей социально-психологический тип поколения. Таким актером, таким олицетворением оттепельной эпохи конца 50-х начала 60-х годов был Алексей Баталов. Таким актером стал в 80-е годы Олег Борисов с его хмурым, неприметным лицом, с его умным и колючим взглядом, с его явственно ощутимым отвращением к словам давно и безнадежно девальвированным, с его непонятной и постоянной внутренней болью.

Если бы, перефразируя популярную рубрику «Литературной газеты», президентом международного жюри фестиваля был я, Олег Борисов непременно получил бы «Золотого льва» Сан-Марко за лучшее исполнение мужской роли.

Впечатление таково, что кинематограф нынче одержим музыкой, зачарован ею, стремится к новым возможностям синтеза и взаимного обогащения двух родов искусства. Я уже писал о специальной программе венецианского фестиваля, составленной из кино- и видеоинтерпретаций поп- и рок-музыки, о польском фильме «Yesterday», в котором песни группы «Beatles» и социально-психологическая действительность захолустного силезского городка образуют выразительный контрапункт. Но и классическая музыка, и великие композиторы прошлого становятся для многих художников кино своего рода магнитом. По случайному, надо полагать, совпадению на фестивальный экран попали две кинооперы на один и тот же античный сюжет: «Орфей» Клаудио Монтеверди в интерпретации швейцарского режиссера Клода Горетты, известного советским любителям кино по фильму «Кружевница», и «Орфей и Эвридика» Глюка в

постановке мастера венгерского кино Иштвана Галя. Добавьте к этому снятый в Германии фильм американского режиссера Пауля Моррисея о последних днях жизни Бетховена и западногерманскую картину «Забудьте Моцарта». И в случайном совпадении начнет проглядывать некая закономерность, возможно вызванная к жизни воистину беспримерным успехом американского, чешским режиссером Милошем Форманом созданного, фильма «Амадей», который вот уже полтора года идет в переполненных кинозалах США и Западной Европы, свидетельствуя о массовом интересе к жизни и музыке великого композитора.

Но, разумеется, не музыкой единой жив сегодняшний мировой кинематограф. Большим фестивальным событием стала премьера новой работы ветерана японского кино Масаки Кобояши. Вот пример естественного, органичного взаимопроникновения политического и психологического начала в искусстве. Камерная кинодрама «Дом без обеденного стола» основана на подлинных событиях начала 70-х годов, когда в Японии после ряда чудовищных преступлений была захвачена и обезоружена группа молодых террористов, именовавших себя «Красной армией». Фильм не столько о терроризме, сколько о трагедии семьи одного из террористов, естественное горе и стыд которой усугубляются специфически японским пониманием общественной лояльности. Драматическая мощь этого произведения во многом объясняется традиционной японской эстетикой столкновения хаоса и гармонии. Буквально каждый кадр фильма исполнен строгой утонченной красоты, композиционного и цветового совершенства: будь-то горный водопад или тюремная камера, в которой содержится террорист, дом с обеденным столом, что стал ненужным, или больничный коридор. И вот эта гармония, это спокойствие, эта возвышенность изобразительного строя особо оттеняет нравственную катастрофу, социальное крушение, душевную боль, что привнес в нормальную благополучную семью старший сын — экстремист.

Наверное, только японский кинорежиссер мог обратиться к взрывчатой политической теме и воплотить ее мудро и страстно, в таких прозрачных формах и ритмах, с такой пронзительной грустью и добротой элегии.

Зал, набитый до отказа журналистами, буквально взорвался, загремел аплодисментами, когда президент Международного жюри, польский режиссер Кшиштоф Занусси объявил, что главная премия фестиваля — Золотой лев Сан-Марко — присуждается французскому фильму «Без крыши над головой — ты никто». Добавлю сразу же. Практически безраздельный энтузиазм, вызванный этим произведением, отражен и в том обстоятельстве, что его наградили своими премиями и жюри Международной ассоциации кинокритиков и прессы, и жюри Международной католической киноорганизации. Хочу привести обоснование именно этой последней премии, поскольку в нем, думается, наиболее точно сформулирована суть:

«Фильм „Без крыши над головой — ты никто“, с его строгим и простым повествовательным строем, побуждает нас задуматься о нашей способности и желании понять и принять тех, кто, подобно героине, избрал необычный образ жизни — пошел путем, ведущим в тишину и одиночество».

Тонкая поэтическая субстанция, исподволь прорастающая на прозаическом, почти документальном материале, характерна для нового фильма французской писательницы и режиссера Аньес Варда.

Повествование о нескольких неделях жизни и нелепой смерти молоденькой девушки-бродяжки бесхитростно, бесстрастно до протокольности.

Сколько их, особенно в летние дни, на дорогах Европы, парней и девушек с рюкзаками и палатками, добровольных кочевников, отвергших семейные и социальные узы, расквитавшихся с обществом, живущих случайной работой да подавляющими, покуривающих гашиш, живущих вне прошлого и будущего, без кормила и ветрил. Западный кинематограф неоднократно уже пытался осмыслить тревожное это явление. Аньес Варда не претендует на глубокое осмысление, предпочитая пристальное, бесстрастное наблюдение, тем более что героиня ее сама вряд ли смогла бы, даже захотев, членораздельно объяснить всепоглощающую свою тягу к одиночеству и изоляции от всех и вся. Несмотря на это, а может, благодаря этому, картина помогает понять

социальное явление, ставшее драматическим производным общества всеобщего благосостояния. Фильм «Без крыши над головой...» стал воистину украшением конкурсной программы Международного кинофестиваля.

Аньес Варда впервые заявила о себе как на редкость оригинальной сценаристке и режиссере в начале 60-х годов фильмами «От пяти до семи» и «Счастье». Последний попал и в советский прокат. Затем в ее творческой жизни наступил длительный период полуудач и прямых провалов, ее редкостная способность глубинного постижения женских судеб и характеров оборачивалась приторной сентиментальностью. Отрадно и чуду подобно, что ныне, в возрасте 57 лет, Аньес Варда смогла создать фильм, в котором опыт, зрелость, профессионализм сочетаются со свежестью мироощущения, с обретением нового и неожиданного стиля, где истинная скорбная поэзия возникает из почти документального кинонаблюдения за буднями молодой бродяжки.

Что касается других пунктов решения Международного жюри, они вызвали, по меньшей мере, смешанные чувства. Специальный приз американской картине «Плавучий маяк» польского режиссера Ежи Сколимовского, более чем заслужен, тогда как аналогичная награда аргентинцу Фернандо Саванасу, за снятый во Франции фильм «Эмигрантское танго», или премия за лучшее исполнение мужской роли французу Жерару Депардье представляются решениями спорными. Куда прискорбнее, впрочем, что совершенно неотмеченными остались такие значительные, своеобразные кинопроизведения, как «Дом без обеденного стола» японца Масаки Кобояши, «Парад планет» советского режиссера Вадима Абдрашитова и югославская социально-политическая сатира «Жизнь прекрасна». Остается утешаться сознанием того, что в конце концов премии и награды — не самое главное на Международном кинофестивале высокого класса. Главное, как и в любом истинно благородном состязании, — не выигрывать, а участвовать. Участвовать в этом мощном потоке многообразных тенденций, устремлений, потерь, обретений, традиций и экспериментов, что в совокупности являют собой сегодняшний день кино — конечно же, самого массового, конечно же, самого насущного из искусств.

Вилен Барский
Ольга Денисова

НОМАДЫ?

диалог

Б. — Поговорим о номадах.

О юртах, о бредущих табунах, о запахе дыма. О людях равнины, которых несут их кони. О нескончаемой ленте времени, которую они разматывают, об Истории, которую они еще не начинали ткать, но уже начали прясть для нее пряжу, о первой тонкой нити культуры.

Глаза открыты к горизонту. Они аккомодируют в пространстве, они видят зорко. Понимание приходит через глаза. Ноздри вдыхают запахи пространства — степных цветов равно как и падали. Прежде всего кони. Конь важнее женщины. В непрерывном движении по равнине он то, с чем сливаешься в одно перед ее бесконечностью. Тут нет известного противоположения, контраста пола.

Оправдана ли эта попытка?

Разговор о номадах, на тему, случайно оставленную нам немецкими друзьями, и вместе с тем, разговор о себе, об истоках, об эмиграции. Предвосхищая твои возражения, сразу скажу, что прямое сопоставление эмиграции и кочевничества лишь подчеркнет разность двух этих состояний — интереснее было бы увидеть их в косвенных, как будто более далеких, но и более тонких связях.

Эмиграция — исход, изгнание. Безвозвратность. На родину, какой желаешь чтобы она была и куда действительно вернулся бы, надежды вернуться нет, потому что страна эта существует только в воображении. Но ведь и там уже была эта изначальная неразрешимость ситуации: жестокая реальность жизни в стране и твой внутренний проект страны —

Этот текст представляет собой первую часть состоящего из двух частей эссе.
© авторов.

преображенной, другой. Русская утопия всегда начиналась словами: «Люблю отчизну я, но странною любовью»...

Д. — Да, нашу ситуацию я не могу назвать кочевничеством. Кочевники не имеют корней, да и не нуждаются в них. Они ничего не утрачивают, покидая стоянку, ничего не достигают, разбивая новую. Пожиратели пространства, они не приближаются и не отдаляются. Они кружат по своей равнине — они ей равны. Равнина же остается неизменной. Поэтому я говорю, что глаза их пусты и равнодушны. Да, закаты, восходы, бескрайнее небо — все это отражается в их глазах, отполированных бесконечным передвижением в пространстве. Но это лишь тусклый отблеск. Им неведом Путь: у них есть Песня, но нет Истории.

Б. — Может быть в чем-то ты и права, но твои слова жестоки, в них слишком много холодного презрения, которое ты подсознательно направляешь также и на себя, на нас обоих. Ты не видишь их (наших?) возможностей и потому ты не видишь, что они (и мы) суть иные — ты не можешь понять их. Ты не оставляешь им никакой опоры. Человек не может жить без опоры. Их корни — это их неукорененность, это их кочевание. Маршруты повторяющиеся из рода в род. Быть может их неизменный путь становился для них одним из божеств, как солнце или луна. Каждый из них рождался в пути, умирал в пути, как его отец, дед, прадед. Их корни — в циклах природы, повторявшихся в пространствах равнины, их жизнь неотторжима от этих циклов. Да, у них еще нет Истории, но они несут в себе возможность ее рождения. Раньше или позже они замечали, что земля не всегда убегает из-под копыт коня, что земля покойна под их ногами, и они оседали на ней. Вероятность рождения Истории увеличивалась и хотя только древнему Израилю удалось открыть в себе чувство будущего, постичь его (как постиг он единого Бога) и, по сути, создать Историю, номады также несли в себе эту возможность, но не смогли ее реализовать. Именно эта возможность, пусть и нереализованная, притягивает нас своей странной достоверностью.

Эпоха номадов видится мне во времени-движении, что следует из самого слова *номады*, из самого их образа жизни, их места в ходе времен. Это эпоха утра, эпоха детства.

Но по правде говоря, что я могу *действительно* знать о номадах? Когда я размышляю о них, я, на самом деле, проецирую на них свои собственные экзистенциальные возможности и пытаюсь, с помощью этого акта опрокидывания в прошлое, увидеть свое будущее.

При слове *корни* думают о статике, о привязанности к месту, тогда как слово *номады* — синоним движения. Но не будем тут играть в науку, мы же не пытаемся утвердить какую-то одну единственную, может быть уже и апробированную, истину, мы — на стороне поэзии, а в поэзии есть место для множества личных, и потому новых, истин.

И если так, то сопоставление различного: корней дуба и перекасти-поля — разбудит воображение, обогатит ассоциации, сдвинет с привычных лобовых, черно-белых решений, уведет от однозначности, столь милой сердцу русских интеллектуалов. Может быть метафоры, рожденные соединением «далековатых» слов, разветвятся как дерево и дадут новые плоды?

Определенно, я чувствую — в этом что-то есть.

Ты знаешь, я мог бы сказать, что стал номадом еще в детстве. Номадом особого свойства — концептуальным номадом, концептуальным кочевником. Кочевником со связанными, как у всех нас в России, ногами, с повязкой на глазах, которую если удавалось немного приподнять, то и этого было не мало. Но инстинкт свободы, Божий дар, ведь сильнее пут, налагаемых системой — растение тянется к свету, человек к свободе.

Это был никогда потом мною не забытый момент, когда среди чада и шума большой кухни — венца нашей коммуналки — я, взобравшись на «крышу» крашенного традиционным суриком хозяйственного чулана, приросшего к стене возле кухонной двери, раскопал в пыльном однообразносером хламе огромную (как тогда казалось и так осталось в памяти) папку с цветными репродукциями. Помню из них только одну, ту, что стала для меня откровением (почему же именно она?) — Франсиско Гойя «Расстрел мадридских повстанцев 3 мая 1808 г.» Потрясение, ожог на всю жизнь — этим жутким светом фонарей, этими раскинутыми руками человека в белой рубахе, этими

ружьями, ружьями целящихся солдат, этим небом в дыме пожарища. Мало что сознавая, пораженный, с бьющимся сердцем застыл я над «Расстрелом» (посланием о насилии и жестокости людей, которое Гойя из девятнадцатого века посылал нашему двадцатому. Минута между жизнью и смертью — ведь это о всех нас сегодня. Все это не то чтобы осозналось, а как бы всплыло из детства много лет спустя и связано было именно с *тем* глубинным шоком).

Шел 1938 год. Жизнь текла под звуки радостными голосами петой песни «Широка страна моя родная», под споры юных пионеров, какие пионерские галстуки красивее: красные сатиновые или красные шелковые, под тайным знаком крови и мук страны. Мое кочевничество началось.

(Ребенок замерший над репродукцией Гойи, бессознательно отождествляющий себя с изображением, пронзенный им — не является ли сама эта сцена сюжетом для картины, или даже более того, самой картиной, которую пишет время-соглядатай. И шедевр Гойи оказывается картиной в картине, и мальчик, разглядывающий ее, перемещается в единое с нею пространство, то есть как бы начинает жить в ее пространстве. Он становится ее персонажем, становится всеми ее персонажами: и гибнущими заложниками, и ведомыми на казнь, и наполеоновскими солдатами, вскинувшими ружья для залпа. Он становится также и самим художником. Он живет и как персонаж картины, и в то же время как творец, создающий мир на холсте и самого себя в нем. Малой нитью вплетается он в сеть истории, в сеть культуры.

Невозможно было находиться дальше от этой кухни, от этого чулана чем находился он в момент озарения. Это было не только кочевничество в прошлое, но одновременно и пребывание в будущем, среди всех расстрелов, всех лагерей, всех смертных мучений, которые были уже уготованы ему, его сородичам и миллионам других в Европе, и которых он по счастливой случайности избежал. Вольно или невольно он попадал в магическую точку пересечения времен, отличных от нашего общепринятого моноустремленного времени: в них можно было жить в каждом отдельно, или во многих сразу, в одном пространстве, во многих пространствах.*

* Сравни у Х. Л. Борхеса: новелла «Сад расходящихся тропок».

Итак, парадоксальная ситуация — он становится неким сверхномадом, он кочует, не выходя из дома, где проходит его детство, и на штанах его не пыль равнины, а пыль кухонного *здесь и сейчас.*)

Так детство мастерило на вырост модель его будущей жизни. Хоть это и было отрывом, хоть он и «летел над», но все, что было под ним, внизу, всегда оказывалось тем, о чем невозможно было не помнить, и сам полет был не только отрывом, но неизбежно и личным реестром этих точек отсчета там, внизу, этих, ставших почти архетипическими, координат времени.

полет

это было давно это было в детстве он бежал подпрыгивая
подпрыгивая то на одной то на другой ноге но это не б
ыли двадцатисантиметровые прыжки это не был бег это бы
л полет этот полет остался в нем навсегда навсегда ост
алась эта свобода опыт полета опыт свободы он летел
он летел над пыльным асфальтом он летел над знакомой улицей
он летел над зеленой травой он летел он летел над род
ной школой он летел над высокими деревьями он летел он
летел над своими родителями он летел над чистым воздухом он
летел над кухонными лестницами он летел он летел над
тридцать седьмым годом он летел над красными крышами он лете
л над синей рекой он летел он летел над детскими книжк
ами он летел над любимыми песнями он летел он летел на
д продовольственными магазинами он летел над дешевыми конфет
ами он летел над далекой америкой он летел он летел на
д жесокими индейцами он летел над их луками и стрелами он л
етел над дворцами пионеров он летел он летел над цвету
щими акациями от летел над старыми каштанами он летел над бе
лым снегом он летел он летел над стальными когтями он
летел над железными зубами он летел над безымянными могилами
он летел он летел над серой пылью он летел над горяче
й кровью он летел над прохладной водой он летел это бы
ло давно он летел это было давно это было в детстве
он летел это было в детстве он бежал подпрыгивая он л
етел

Д. — Полет — это проекция судьбы, осуществленной или лишь мыслимой, и хотя ты написал этот текст уже здесь,

видится, как идея полета вычерчивалась тобой в небе страны, в которой, казалось, суждено было остаться до конца. Я же вспоминаю о «побеге». Мысль о побеге возникла у меня давно, лет в 17, когда факт моего рождения в этой стране, в этой обширной и безвыходной тюрьме, осознался мною как незаслуженное проклятие. Это было в начале 60-х годов, я уже знала о лагерях, о сталинском терроре, мир уже разделился для меня на тех, кто старательно служит режиму или, не задумываясь о нем, живет с ним в ладах, и тех редких, скорее только угадываемых, чем найденных мною тогда одиночек, которым, как и мне, было душно и невыносимо среди этой скуки, пошлости, насилия и лжи. Я знала, что лагеря не исчезли, не изменились, они маячили в невидимом далеке, они притягивали воображение как ад, доступный уже здесь на земле, и жизнь на свободе ощущалась как серое преддверие этого ада.

Как я понимаю, побег, для меня абсолютно нереальный, противопоставлялся мною неотвратимой реальности *системы*, грозившей раздавить меня, уничтожить как личность или истребить, как истребила она миллионы. Побег — это была та линия, которая вырывалась вовне, прочь из замкнутого круга, центром которого были лагеря.

Что же мне оставалось? — бессильная ярость, затмевающая зрение ненависть? Я их испытывала, я могла их испытывать каждый раз, когда сталкивалась с *системой*, то есть ежедневно. *Система* — это и значит тотальность, это значит, что жизнь опутана крепкой сетью, что каждый твой шаг может быть учтен, позволен тебе или не позволен. Вопрос стоял так: почему эта сеть, опутавшая меня, и моя ненависть к ней должны определять мое мироощущение? Пусть я вынуждена была скрывать, что я поэт, пусть я заранее исключила для себя всякую мысль о публикациях и редко кому давала читать свои стихи, но это были внешние ограничения, внешняя «сеть»; писала я их так, как если бы советской власти вообще не существовало, как нет ее в «Улиссе», в «Замке», в стихах Понжа или Мишо, в пьесах Беккета. Да это была ориентация на западную литературу, а в окружавшей меня жизни я согласна была воспринять, я понимала деревья и камни, животных и старые стены домов, но люди — это уже было слишком сложно, нечисто,

запутанно, отягощено грехом. Это было начало. Потом появился человек, его лицо, проступившее сквозь поверхность стены. Мой путь в поэзии был для меня становлением мира: природа — люди — Страна. Какие-то события во внешней жизни, какие-то биографические подробности соответствовали этому пути, и в начале 70-х годов, когда стало возможным уехать (началась эмиграция), вопрос «Где мне хотеть жить?» стал равнозначен вопросу «Имеет ли смысл эта страна?»

Раньше этот вопрос и не возникал, поскольку ответ был заранее ясен. Какой смысл мог таиться в этом явном и агрессивном абсурде, какой невидимый знак должно было искать в этом неисчерпаемом несчастье, в этих усталых, тоскливых глазах?

В записной книжке 1971 года я писала: «Я домагаюсь смысла моей жизни здесь, истории — легенд, происхождение которых для меня сейчас неотчетливо, но которые возвещают мне историю этой, моей страны...». От истории я, как и вся моя беспамятная страна, была отрезана, историю я еще только предчувствовала, приходилось по крохам ее собирать, по обломкам восстанавливать, предстояло провидеть сквозь плотную завесу сегодняшнего дня Путь — из клубящихся глубин прошлого к неисповедимому, как общая судьба мира, будущему.

Древо истории, вначале сухое, сквозящее пустотами — недостоверная легенда — стало кровавым, растущим из глубины веков древом жизни, ветви которого сплетались в братоубийственном объятии. Я увидела героев и мучеников, противопоставленных в российском сознании их палачам, — как братьев одного рода, как ветви одного ствола, одного корня, которые на неведомой им самим глубине нерасторжимо соединены друг с другом, и только так, сплетаясь друг с другом в смертельной борьбе, становятся самими собой. Шум этого дерева, гул веков я слышала в себе и в каждом из нас, в каждом лице читала летопись прошлых и грядущих катаклизмов. Я думала также о *невидимом Храме*, который созируется не на земле, но над нами — в небесных пространствах; все убиенные жизни, все слезы, все неудавшиеся судьбы, все, не успевшее стать написанным, созданным, все, что могло осуществиться, но было загублено, уничто-

жено, прервано, осталось лишь как идея — возносится к небу, там строит невидимый остов страны.

Россия, родина, в которой я не жила, не родилась, но которую я выбрала — морок, наваждение, бездонная воронка, втягивающая все новые и новые народы, всеобщая погибель — и крестный путь, последняя надежда, Голгофа и преображение мира.

Ты скажешь, пожалуй, что эти слова звучат как затверженный рассказ, — в какой-то степени так и есть, и эти слова уже не выражают подлинно того, чем я сейчас живу, а скорее обозначают лишь тему стихов, написанных и отошедших в прошлое. Для меня самой неожиданно и непредставимо было, как изменится связь с родиной. Ведь раньше я чувствовала свою страну — зрением, слухом, всей кожей. Живя в Киеве (лишь изредка наезжая в Москву), я дышала, и не только метафорически, воздухом-ветром, доносившимся с никогда не виденных мною огромных просторов. Сюда в Германию этот ветер не доходит. И даже когда среди публикаций стихов и прозы «оттуда» попадают вещи действительно интересные, они воспринимаются *здесь* только как законченный литературный продукт (а самиздатские статьи и свидетельства — как слепок с далекого крика, на который нельзя ответить), — невозможно уже сопоставить их с сырым хаосом жизни, они не смешиваются снова с жизнью, преобразуясь в неисчерпаемую духовную субстанцию страны — то исходное сырье, которое дало мне когда-то возможность написать свои стихи о России:

когда дерево жизни проступит на скулах страны
— спрячь лицо в этот голос из мрака
в сырую постель ветра и влажных сердец
в остов искомый пространства

когда дерево жизни обнимет тебя
коленями жесткими страха
медвежьим столовым теплом
— спрячь лицо в дымные речи
юродивого — снег и татарская черная кровь
шинель — и пять черных утесов
сила бархатная великих вельмож

столетий падающих постамент и лапа
пылающая шерсть
костра и брата скулы

Для меня наш отъезд — это поворот судьбы, которой я не считала себя вправе перечить, обстоятельства жизни, которые, как ты знаешь, могли ведь сложиться и по-иному. Я готова была остаться, безмянной каплей раствориться в этом море, в стихии российской истории, и я же все эти годы, что шла эмиграция, мысленно расставалась со своей прошлой жизнью, со своим будущим, темным, но наконец-то исполненным смысла, — расставалась с собой.

Наверное, за моей готовностью к любому исходу стояло чувство судьбы или (что, может быть, одно и то же) моего пути в поэзии. Парабола «природа — люди — Страна...» должна была быть продолжена. Как? — я этого не знала тогда, не знаю еще и сейчас. Может быть, отчизной поэта должен стать весь мир, может быть, Творец этого мира? Может быть, для этого надо было в России остаться, может быть, для этого надо было покинуть ее? Может быть, я снова в начале пути и все еще не знаю, куда он меня приведет?

«Истинно говорю вам: не все мы умрем, но все изменимся» — каждый раз, когда я прощалась с уезжающими навсегда, на Запад, я вспоминала эти слова. Я произносила их про себя, не вслух — с уезжающими не говорят о смерти, — и разве не *новую жизнь* выбирают, выбрав эмиграцию. Стало быть, и о *переменах* напоминать — банально. Но именно эти слова я твердила, или же они сами возникали во мне как самые точные, всеобъемлющие, как тайное знание, которое мне дается. Но почему оно тайное, если слова эти так обескураживающе просты. Не потому ли, что его нельзя передать именно тем, для кого оно предназначено.

«...не все мы умрем...» — да, это был какой-то особый род смерти, они уезжали в другой мир, в жизнь, из которой нет возврата. После них оставались странные пустоты, обозначенные контуром: «здесь был человек», сквозящие пустоты, которых вначале не могли заполнить редкие письма, цветные открытки, а потом, постепенно и незаметно, они съеживались и исчезали, как края раны. И образ

человека, как бы отдельно оставшийся, не старел, не менялся со временем, но только тускнел, выцветал.

Их новая жизнь была для нас неосознательна, неосязательна, пунктирна, иногда пунктирные линии обрывались («...не все мы умрем...» — но кто-то и умирал), истончались — в неведомом мире неразличимый след...

У меня, у нас, остававшихся, было достаточно времени — несколько лет — чтобы изведать это сполна, чтобы прочувствовать, как тянет сквозняк эмиграции, как он выметает из нашей жизни людей, как вырывает друзей из наших объятий, как опустошает он нас самих. Ведь мы теряли не только друзей, в них мы теряли часть самих себя, и — мы теряли надежду на то, что жизнь наша сможет еще измениться к лучшему: наши неосуществленные возможности они увозили с собой, уезжали, чтобы сделать то, чего мы здесь не могли делать, чтобы стать тем, кем нам не суждено было здесь стать. Это была не только горечь утраты, но и горечь выбора. Но слова, которые я повторяла и не могла высказать, эти слова не о нас, не о нашей печали, они о другом, неизвестном.

Что же я знала о той другой жизни, которую знать не могла, но в которую вглядывалась *внутренним зрением*. Тысячекилометровые пространства, отделявшие их от меня, сжимались, спрессовывались и неизвестный огромный мир представлял гигантским котлом, в котором ворочалось, перетиралось, варилось месиво людских судеб. Снова, как встарь, переселения народов, но уже не битвы, набеги, дым костров, а ряды машин, вливающиеся в витринные стекла, коридорные лабиринты учреждений, роящиеся огни ночных городов, виражи автомобильных трасс, белозубое чужое рекламное счастье, приливы и отливы неисчислимых толп и среди них промелькнет и скроется неузнаваемо-знакомое лицо. Перемешивание пластов, сцепление и размыкание человеческих тел, жизней, что-то вскипает на поверхности, что-то подгорает на дне котла. Жертвы неведомому богу. Не первые и не последние. Наверное это так нужно, и разве хотела я их отговорить. (Напоследок, видение перекрывалось ослепительной журнальной сказкой: про детей и детей их детей, станут европейцами, американцами.) Наверное, так нужно, чтобы оставались — те, кто остаются; нужно, чтобы

уезжали — те, кто уезжают. Но разве это я им хотела сказать?

Неведомый бог, бог больших чисел и гигантской поваренной ложки — не мой, и не о булькающем котле сказаны эти слова: «не все мы умрем, но все изменимся». Обращены к каждому, близко и сокровенно, как голос, шепчущий в ухо, еще ближе — внутри. Они не о жизни, другой, какой бы она ни оказалась, они о тебе самом: *ты изменишься, весь состав твой.* — Господи, разве такое возможно? разве не знаешь Ты состав свой? — разве не напоена земля моя кровью, не вскормлена костями миллионов убитых, разве и сейчас не мучают, не пытаются, не душат, не оболванивают, не растлевают, не лгут, не убивают опять и опять и опять? разве не шумят об этом деревья, не воют ветры? разве не достаточно еще *облако свидетелей?* — разве для того мы уезжали, чтобы изменить — этому.

Я раскрыла Книгу, нашла это место, но начало оказалось другим:

Говорю вам тайну: не все
мы умрем, но все изменимся
Вдруг, во мгновение ока...

Чего же я доискивалась, какая тревога преследовала меня, какой скрытый смысл пыталась уловить я в словах послания, ведь они о радости неизреченной, о свете нездешнем:

Вдруг, во мгновение ока,
при последней трубе; ибо вострубит,
и мертвые воскреснут нетленными,
а мы изменимся;

Ибо тленному сему надлежит
облечься в нетление, и смертному
сему — облечься в бессмертие.

Почему же эти слова о «жизни будущего века» непонятным образом связаны для меня с отъездом? Если бы я писала рассказ, может быть мне удалось бы построить параболу, в которой слова Ап. Павла отразились бы в обыденных зеркалах повседневных событий, освещая их тайным смыслом. Но это *не мой* рассказ, я лишь пытаюсь проследить нити повествования, которое пишется о нас самой нашей жизнью. Интерпретируя его, мы создаем конструкции. Но возможно ли распялить на жестком каркасе

интерпретаций эту текучую неделимую пряжу. Как вода между пальцами пройдет сквозь слова и вновь сольется — внутри и вокруг нас. Может быть, думая об изменениях, я пытаюсь определить именно это неуловимое немое течение, которое к тому же настолько обыденно, что никто из нас его не замечает. Не замечает, что мы погружены в него, что оно проходит сквозь нас, что мы уже стали *другими*.

Б. — Знаешь, там, где ты говоришь, что если бы писала рассказ, то смогла бы высказаться более полно, — в этом месте свой текст ты пишешь, как само начало этого рассказа, в котором сквозь слова Ап. Павла постепенно должен проступить образ кого-то, кто уезжает и становится эмигрантом; возможно ты даже предпочла бы вместо нашего диалога продолжить свой текст как рассказ.

У меня не было опыта тех проводов-прощаний, о которых ты вспоминаешь — никто из моих близких друзей не эмигрировал, а ходить на прощания с незнакомыми людьми, что стало в какой-то мере модным тогда, не тянуло. Мой путь к исходу был скорее путем размышлений над сложностями внутренних и внешних проблем отъезда. Эмоционально это в немалой степени было связано с созревaniem видения себя-в-отъезде, себя-в-переломе и с созреванием решимости. Но сейчас важнее думать и говорить о корнях. Были ли они, что они вообще такое, пришлось ли действительно «вырывать себя с корнем»?

Когда я размышляю о корнях, я прежде всего думаю о сложностях — так выглядела моя ситуация. Я думаю, и об этом я не раз тебе говорил, что во многом аналогией к ней в плане языковом и национальном может быть положение Франца Кафки, еврея, живущего в Праге, среди чехов и немцев, писавшего по-немецки, то есть ориентированного на немецкую литературу; правда он еще знал идиш и в немалой степени «болел» еврейскими проблемами, проблемами еврейской культуры (определяющей его положение в Праге была взаимонапряженность всех этих языковых и национальных полюсов). Моя ситуация была пожалуй еще более запутанной: если подставить на место чехов украинцев, на место немцев — русских, то в Киеве положение еврея, пишущего по-русски, было весьма сходно с кафковским, но, конечно, только до определенной степени — ибо фантазма-

гории, порождаемые советской системой, совершенно исключительны, первобытны, думаю, ни с чем не сравнимы — именно это я имел в виду, говоря о большей запутанности.

В русифицированном Киеве, не зная идиш (моим родным языком был русский), не принимая совсем уж близко к сердцу еврейские дела, не очень привязываясь и к проблемам украинцев, хотя и сочувствуя им, я вполне естественно находился в сфере притяжения русской культуры, был ею ассимилирован*. Русская культура, самая близкая, была в то же время далекой, пребывавшей среди реальности природы и быта, где-то там, далеко (реальности, пусть даже и виденной, пережитой когда-то в юности — в Поволжье, в эвакуации времен войны).

Но ведь русский язык в Киеве для украинцев это, по сути, язык паразитов, господ, но ведь 5-я графа в моей анкете так же неужодна многим украинцам, как и русским, но ведь советская система неужодна мне так же, как и многим русским и украинцам, но ведь есть же еще друзья, есть встречи, которые, кажется, были всегда, есть еще родные с детства улицы Киева, дома, деревья и свет неба над головой... Все эти «но» и еще многие другие разбивали, дробили жизнь на части, уносили ее по многим руслам сразу и, в конечном счете, устанавливали ее в положение «над» — поистине, восхищение птицами, смешанное с завистью к ним было чувством знакомым мне с детских лет. Не потому ли я любил в детстве целыми днями летом торчать на жестяных, темнокрасных раскаленных от солнца крышах высоких киевских домов — ближе к птицам, к небу, дальше от земли? (а позже почти так же полюбил киевский вокзал, как символ, знак «ухода отъезда скачка»**).

Но какие же в воздухе могут быть корни, хоть птицы и кочуют (номады?) по одним и тем же маршрутам, всегда возвращаясь на старые места. В чем же опора птиц? — не в небе, как поначалу кажется, а в пении, в весеннем пении без удержу, в каждодневном их «щебете свисте»**, в «щебечущих снах»** пения, которое есть их язык. Я думаю, что и мне в

* Г. Померанц: «Тот, кто ассимилирован русской культурой, становится вероятной жертвой; тот, кто ассимилирован русской политикой, — вероятным палачем».

** — автоцитаты.

моей ситуации «над», раньше или позже, суждено было обрести опору именно в языке, в родном языке — просто иначе и быть не могло. В памяти всплывает, перекликаясь с евангельским «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» — хайдеггеровское «Язык есть дом бытия» или (еще его же) «дом истины бытия». Троиединство: Язык-Бог-Бытие — это ли не твердыня, это ли не опора, не утешение.

Но опять начинаются многочисленные «но»: русский язык, как в самой России, так и во всех других районах империи, бесконечно унижаемый идеологией, терзаемый ее штампами и клише, низвергаемый с вершин поэтического цветения до положения бессловесного раба, обязанного выполнять все, что ему прикажут, язык, забывающий сам себя и люди, миллионы, не ведающие его назначения как «дома истины бытия», *пользующиеся* им с унылой ловкостью, как вор отмычкой...

В юности, в сталинские послевоенные годы я острее всего переживал именно эту порабощенность языка — сильнее всего отталкивался от этой навязанной ему официальной помпезности, лживости, неосознанно повинуюсь какому-то инстинкту, какому-то инстинктивному внутреннему опыту — откуда он мог взяться в то время!? — но теперь-то видно, что инстинкт был надежнее знания, которого во времена тотального вакуума быть не могло. Много на все это ушло душевных сил, ведь постоянное внутреннее отрицание навязываемой языковой реальности (своего рода оборотной стороны ГУЛАГа) пусть и было плодотворно, но дорогою ценой давалось. (В 70-е годы мы поняли, что возможно включить эту идеологизированную языковую реальность в сферу творчества, играя с ней при помощи разнообразных связанных с иронией приемов; мы все так же противостояем ей, но война идет теперь на ее территории и это уже гораздо «веселее».)

Что вспоминается с торжеством, так это произошедший со мной случай, когда идеология, чистоту которой неусыпно стерегли сотни тысяч партпропагандистов, обманула сама себя: надо же было кого-то из «враждебных» писателей поносить (пятиминутка ненависти!) преподавателю русской

литературы на школьных уроках, и для этого программой предназначались стихи Велимира Хлебникова (о поэзии, скажем, Мандельштама нам вообще ничего не говорили, даже имя его никогда не произносилось). И вот читались по учебнику «отрицательные» примеры — имеющий уши да слышит! — звучал Хлебников, божественный дервиш русской поэзии:

Бобэбби пелись губы
Вээбми пелись взоры
Пиэзо пелись брови
Лиэээй — пелся облик
Гзи-гзи-гээо пелась цепь,
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

Ведь это и был тот самый язык — дом истины бытия — о котором я прочитал у Хайдеггера много лет спустя. И хотя в те времена я, конечно, понятия не имел ни о Хайдеггере, ни о его чудесной максиме, я смог-таки услышать, почувствовать, почти вслепую угадать, что этот проклятый «буржуазный формализм», эти волхвования, заклинания Хлебникова есть истинная и удивительно новая поэзия, и безоговорочно сразу принял его сторону (забавно, что в той ситуации стихотворение выглядело, пожалуй, еще более новаторским, чем 40 лет назад в момент своего рождения). Так начиналось мое инакомыслие: одного звучания хлебниковских строк было достаточно (для меня, по крайней мере), чтобы по стенам величественного здания идеологии побежали трещины во все стороны — поистине, «самое мягкое одержит верх над самым твердым», — и так начиналась для меня поэзия без конца...

Я думаю многозначительности этого эпизода. В подобном просчете тоталитарной власти, тупой и самодовольно-уверенной в своем всемогуществе, в подобной возможности внезапного интуитивного рождения внутреннего противостояния заключена наша тайная и может быть единственная надежда.

Назад к корням.

Возможно ли, чтобы то бесконечно родное, разнообразное и противоречивое в зле и в добре, неохватно-глубинное,

что стоит за этим словом, было бы заключено в языке, родном языке, в доме которого ты жил, который был для тебя в первую очередь домом Бытия, а не быта (тебе повезло) и который ты увозишь с собой, хотя тот, с номером и названием улицы, дом, где ты смотрел на липу в окне своей комнаты, ты не можешь с собой забрать. Парадокс повторяется — ты никуда не уезжал, если с тобой твой родной язык, если он действительно стал твоим домом; возможно, это своего рода дом на запоре и ты в нем как под домашним арестом, и все так же стоишь у окна, но уже другой комнаты, скажем, в Германии, и все так же смотришь на дерево (которое тут — *der Baum*)?

Спросим у птиц и в ответ услышим их пение...

1985

Новый журнал:

Литературное издание

ISSN 0241-8185

а-я n°1 1985 с.а.я 1985

Редакторы журнала:

Алексей Алексеев
Игорь Шелковский

Adresse
de la revue:

A-YA
Chapelle de la Villedieu
78310 Elancourt
France

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Ответственному редактору «Форума»
Владимиру Малинковичу

Милостивый государь, г-н Редактор, прошу Вас опубликовать нижеследующее:

Г-н Редактор,

с немалым удивлением прочел я в N 12 Вашего издания в статье Махмета Кулмагамбетова («По поводу национального и экономического гнета в СССР») такой пассаж:

«В 1968 году, когда я сидел во Владимирской тюрьме, один из новоприбывших туда видных деятелей ВСХСОН Евгений Вагин не скрывал своей цели: военный переворот, установление власти одной партии (ВСХСОН), запрещение оппозиционных партий, *никакого права на самоопределение наций* (подчеркнуто в оригинале — Е. В.), православие — официальная идеология» (стр. 87).

По этому поводу считаю необходимым заявить следующее:

1. Ни в 1968-м, ни в каком другом году во Владимирской тюрьме я не сидел и туда не «прибывал», а потому не мог М. Кулмагамбетов слышать от меня там никаких откровений. Это утверждение, служащее трамплином для последующих измышлений, есть **ЯВНАЯ ЛОЖЬ**. (Прибыл я весной 1968 года — после длившегося более года следствия и суда по делу ВСХСОН — на 11-ю зону в Мордовии, что может засвидетельствовать член Консультативного совета «Форума» Николай Драгош).

2. Моя будто бы — в изложении М. Кулмагамбетова — «нескрываемая цель» есть не что иное, как намеренно извращенное прочтение Программы ВСХСОН. Ее автора, Игоря Огурцова, КГБ приговорил к 20-ти годам лишения свободы на основании точно таких же грубых передержек и подтасовок. Подобными методами очернения русских патриотов охотно пользуются здесь в свободном мире те, в ком хотелось бы видеть *союзников* по борьбе с коммунистическим (советским) тоталитаризмом.

Когда мы познакомились впервые с М. Кулмагамбетовым на Радиостанции «Свобода», по моей просьбе он написал для альманаха «Вече» (соредактором которого я тогда был) статью «О Валентине Соколове, русском поэте» — нашем общем лагерном знакомом. Она была опубликована в N 7/8 независимого русского альманаха «Вече» в 1982 году, еще до трагической смерти Валентина З/К в советской псих-тюрьме, и в ней совсем нет того анти-русского шовинизма, которым пронизана нынешняя статья М. Кулмагамбе-

това в «Форуме». Или он определяет свою «позицию» в зависимости от того печатного органа, в котором публикуется?

20. 8. 1985

Евгений Вагин (Рим)

От редактора:

Приношу г-ну Вагину свои извинения за ошибку, допущенную в статье М. Кулмагамбетова «По поводу национального и экономического гнета в СССР».

Письмо г-на Вагина редакция направила автору статьи с просьбой объяснить случившееся.

Владимир Малинкович

Уважаемый господин редактор, теперь мне ясно, что в письме г-на Вагина есть безусловно правильное утверждение — это то, что он не сидел во Владимирской тюрьме, а находился в мордовских лагерях. За эту поправку я благодарен. Прошу г-на Вагина принять мои извинения.

Все же остальное в письме г-на Вагина, пользуясь его же выражением, «служит трамплином для последующих измышлений». Но сперва я хочу объяснить происхождение моей досадной ошибки.

В 1968 г. я находился в одной камере Владимирской тюрьмы с новоприбывшими туда вождем ВСХСОН И. Огурцовым и шефом безопасности ВСХСОН М. Садо. От них и от других заключенных я тогда много слышал о Вагине и до самого последнего времени был уверен, что и он сидел во Владимире. Однажды кто-то даже сказал: «Вон в той камере сидел Вагин». Это оказалось «парашей». Но то было время, когда узники Владимира только начали узнавать о деле ВСХСОН. Тогда же я получил сведения о ВСХСОН «из первых рук», которые изложил в №12 «Форума». Надо ли кому-то объяснять, что руководители ВСХСОН уже имели огромные сроки и им нечего было терять? Поэтому они высказывались довольно откровенно о своем деле, и эти высказывания могут существенно отличаться от печатных заявлений даже самих членов ВСХСОН.

Итак, мое утверждение заключается в том, что ВСХСОН ставил целью: военный переворот, установление власти одной партии — ВСХСОН, запрещение всех оппозиционных партий, никакого права наций на самоопределение, православие — официальная идеология. Я думаю, что эти тезисы в основном можно подтвердить документально.

Имея в виду то, что один мой бывший сокамерник И. Огурцов все-еще находится в заключении, а другой, М.Садо, — в СССР, я

указал в «Форуме» лишь на находящегося здесь, на Западе, «главного идеолога» ВСХСОН г-на Вагина. Но он, вместо того, чтобы аргументированно защищать позицию ВСХСОН, ухватившись «обеими руками» за мою *непреднамеренную* ошибку, ограничился личными нападками. Прикрываясь ими, он создает видимость, будто все написанное мною о ВСХСОН — ложь. Прием не новый.

Хочу отметить и тот факт, что я никогда не утверждал, что сам во Владимире видел г-на Вагина или разговаривал с ним. Поэтому зря он ломится в открытую дверь, заявляя: «не мог М. Кулмагамбетов слышать от меня там никаких откровений». Зато в мордовских лагерях слышали его откровения, которые по существу не отличаются от моей характеристики позиции ВСХСОН.

К сожалению, личные нападки г-на Вагина вынуждают меня ответить на них.

1. Г-н Вагин уличает меня в «намеренно извращенном прочтении Программы ВСХСОН», тогда как я изложил суть *высказываний участников движения*. Одновременно с этим он сваливает авторство Программы на И. Огурцова. Это вызывает недоумение (не говоря уже о том, что не облегчает судьбу И. Огурцова):

— С чего бы это г-ну Вагину шарахаться в сторону и указывать на И. Огурцова, если не было речи об авторе Программы?

— Хочет ли этим г-н Вагин сказать, что он порвал с И. Огурцовым и «его» Программой?

— Разве за программу отвечает только автор, а не те, кто принял ее, и меньше всех — «главный идеолог»?

2. Мои высказывания о ВСХСОН (всего-то в 4 строки) г-н Вагин оценивает как «грубые передержки и подтасовки», подобные тем, которыми, дескать, пользуется КГБ. Это я оставляю на его совести — совести человека, прошедшего следствие, суд, раскаяние и выезд на Запад, где он опять ходит в героях ВСХСОН.

3. Г-н Вагин обвиняет меня в «очернении русских патриотов», но я вижу большую разницу между патриотами и шовинистами. Патриот, в моем понимании, любит свое отечество, язык и культуру и уважает другие народы, языки и культуры (в соответствии, кстати, с христианской заповедью: «как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» /Мф. 7, 12/). В своей статье «О Валентине Соколове, русском поэте», которую упоминает г-н Вагин, я показал как относится казахский патриот к *русскому патриоту* и к *русской культуре*. А именно: я призывал спасти поэзию В. Соколова для русской культуры.

4. Г-н Вагин обвиняет меня в «анти-русском шовинизме» потому, что я против русификации и за свой язык и культуру для

каждого народа. Это нелепое обвинение, однако, характеризует самого г-на Вагина.

5. Г-н Вагин не стесняется заявлять: «по моей просьбе он написал для альманаха «Вече»...», хотя ему *доподлинно* известно, что специально для «Вече» *по его просьбе* я ничего не писал. Статью о поэте Соколове я написал для радио «Свобода», а г-н Вагин, узнав о ее существовании, пришел ко мне и попросил дать копию моей статьи.

6. Вне сомнений, что предыдущее измышление понадобилось г-ну Вагину *для инсинуации*, будто бы я определяю «свою позицию в зависимости от того печатного органа, в котором» публикуюсь.

Все это не согласуется с образом человека, который борется за правду и справедливость и даже ищет «союзников по борьбе с коммунистическим (советским) тоталитаризмом». Да полноте шутить-то! Или это уловка? Во всяком случае надеюсь: люди поймут, что не стоит менять тоталитаризм советский на ВСХСОНовский. Вот в чем суть. Если г-н Вагин считает, что это не так, то «главный идеолог» мог бы выступать в печати по существу дела, а не заниматься личными нападками.

Махмет Кулмагамбетов (Мюнхен)

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

- 3 Памяти Васыля Стуса
4 *Михаил Хейфец*. Не смывать поэта праведную кровь.
6 *Валерий Марченко*. Обыкновенный страх.
16 *Георгий Давыдов*. На пути к полному безмолвию.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Дискуссия:

- 32 *Ольга Максимова*. Патриотизм.
41 *Владимир Малинкович*. Два национализма.
64 *Читатель из Белостока*. Под лежащий камень и вода не потечет.
68 *Богдан Боцюркив*. Религия и национальность в СССР.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

- 92 *Лев Копелев*. Адаму Михнику.

СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

- 99 *Сергей Юрьенен*. Образ партийного руководителя: новый стереотип.
106 *Генрих Шахнович*. Военская повинность.
120 *Рафаил Бахтамов*. Труд в СССР: мифы и реальность.

СССР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 143 Мораторий на права человека (*Беседа В. Федосеева с Максом Кэмпманом*).

ИСТОРИЯ

- 154 *М. Славинский*. Русская интеллигенция и национальный вопрос.

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

- 169 *Илья Зильберберг*. Рудольф Штейнер — жизнь, учение, деятельность.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

- 191 *Юлия Вишневская*. Классики русской литературы XX века: переоценка ценностей в советской критике?
- 204 *Владимир Матусевич*. Кинофестиваль в Венеции.
- 218 *Вилен Барский — Ольга Денисова*. Номады?
- 234 ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

**Условия подписки
на журнал «ФОРУМ»**

Цена одного номера:	Годовая подписка:
Англия — 3 фунт.	10 фунт.
Германия — 15 н.	50 н. м.
США — 7 ам. долл.	25 ам. долл.
Франция — 40 ф. фр.	135 ф. фр.

В других странах — расчет по курсу немецкой марки.

Адрес: Ukrainische Gesellschaft für Auslandstudien
e. V., für «Forum».

Bankkonto: Deutsche Bank A. G.
Promenadenplatz, 8000 München 2
Kto Nr. 22/20457, BLZ 70070010.

Postscheckkonto PScha München
Kto Nr. 22278-809.

Представители «Форума»

В Англии Лиана Померанцева
Liana Pomeranzev
4 Flat, 5 Sevington str.
Maida Vale, London W9

в Израиле Михаил Хейфец
M. Heifetz
Ramot 41/31
Jerusalem
Т. (2) 877451

